

Agatha Christie
СЕРЕБРЯНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

**Агата
Кристи**

Загадочное
происшествие в Стайлзе

Annotation

«Загадочное происшествие в Стайлзе» – это самый первый роман Агаты Кристи. В этой книге, вышедшей в 1920 году, читатель в первый раз встречается с самым знаменитым сыщиком XX столетия – усатым бельгийцем Эркюлем Пуаро, а также с его другом и помощником Гастингсом. Именно здесь Пуаро впервые представлена возможность продемонстрировать свои дедуктивные способности и раскрыть загадочное преступление (отравление миссис Инглторп, хозяйки поместья Стайлз), опираясь на всем известные факты.

- [Агата Кристи](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)

- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)

- [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
-

Агата Кристи

Загадочное происшествие в Стайлзе

Agatha Christie

The Mysterious Affair at Styles

Copyright © 1920 Agatha Christie Limited. All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE, POIROT and the Agatha Christie Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and/or elsewhere. All rights reserved.

© Юркан М. Ю., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

На отдых в Стайлз

Значительный интерес светского общества к преступлению в Стайлзе уже начал спадать. Тем не менее, учитывая сопутствующую ему дурную славу, мой друг Пуаро и родственники жертвы коварного убийства попросили меня правдиво описать все подробности нашей истории. Таким путем мы надеемся остановить упорное порождение разнообразных скандальных слухов.

Для начала я решил коротко изложить обстоятельства, приведшие к моему участию в расследовании этого дела.

После ранения на фронте меня демобилизовали из действующей армии; проведя несколько месяцев в весьма унылой обстановке санатория, я получил еще месяц отпуска для восстановления сил. Не имея в ближайшей округе ни родственников, ни друзей, я как раз раздумывал, куда бы мне отправиться, когда вдруг случайно встретил Джона Кавендиша. Последние годы мы с ним редко виделись. Да, в общем-то, никогда особо тесно и не общались. Во-первых, он старше меня лет на пятнадцать, хотя надо признать, что выглядит гораздо моложе своих сорока пяти лет. В детстве, однако, мне частенько доводилось гостить в Стайлз-корт, эссекском имении его матушки.

Мы славно поболтали о старых временах, и в результате он пригласил меня провести отпуск в Стайлзе.

– Да и матушка будет рада видеть вас вновь... после стольких лет, – добавил он.

– Надеюсь, она в добром здравии? – спросил я.

– О да. Полагаю, вам известно, что она вновь вышла замуж?

Боюсь, что на лице моем весьма явно отразилось удивление. Насколько я помнил, миссис Кавендиш, красивая женщина средних лет, вышла замуж за отца Джона, когда он остался вдовцом с двумя сыновьями на руках. Сейчас ей, должно быть, никак не меньше семидесяти. Она запомнилась мне как эмоциональная, властная особа, склонная к благотворительности и стремящаяся добиться признания своих заслуг в обществе, принадлежащая к той категории светских дам, которые обожают открывать благотворительные базары и выступать

в роли леди Баунтифул^[1]. Впрочем, унаследовав значительное состояние, она действительно щедро делилась им с нуждающимися.

Загородную усадьбу Стайлз-корт мистер Кавендиш приобрел вскоре после их женитьбы. В семье безоговорочно господствовала жена, и естественно, что, умирая, муж завещал ей в пожизненное владение и саму усадьбу, и бóльшую часть своих доходов; такое волеизъявление бесспорно ущемляло права двух его сыновей. Однако приемная мать относилась к ним с сердечной добротой; более того, они всегда считали ее своей родной матерью, поскольку были еще очень юными, когда их отцу пришлось жениться во второй раз.

Лоуренс, младший из братьев, с детства отличался слабым здоровьем. Но он получил профессию врача, хотя недавно забросил медицинскую практику и теперь жил дома, пестуя свои литературные амбиции; Впрочем, его поэтические творения никто – по крайней мере, пока – не назвал бы выдающимися.

Джон поначалу занимался адвокатской практикой, но с годами, ощутив склонность к спокойной жизни сельского сквайра, предпочел тоже обосноваться в поместье. Два года назад он женился и привез в Стайлз свою жену, хотя я быстро заподозрил, что, по всей вероятности, он предпочел бы обзавестись собственным семейным гнездышком, если бы матушка увеличила ему денежное содержание. Миссис Кавендиш, однако, любила строить свои собственные планы, а в данном случае, учитывая ее финансовые ресурсы, могла рассчитывать на понимание и согласие окружающих.

Заметив мое удивление сообщением об очередном замужестве его матушки, Джон уныло усмехнулся.

– К тому же за препротивного мелкого проходимца, – гневно воскликнул он. – Уверяю вас, Гастингс, он умудрился чертовски осложнить нашу жизнь. А уж если говорить про Эви... вы помните Эви?

– Нет.

– Гм, тогда, наверное, она появилась в нашем доме немного позже. Эви числится компаньонкой матушки, а по сути – ее служанка, в общем, мастерица на все руки! Да, наша Эви на редкость приятная особа. Она не так уж молода и красива, но по части хозяйства выигрывает у десятка красоток.

– Но вы хотели рассказать о...

– О, да, о том гнусном типе! Так вот, однажды он заявился к нам в дом, под предлогом какого-то родства с Эви, – видимо, он приходится ей каким-то четвероюродным кузеном, хотя ей явно не хотелось подтверждать их родственную связь. Любому ясно, что такому родственничку никто не обрадуется. Отрастил косматую черную бороду и в любую погоду постоянно щеголяет в лакированных штиблетах! Но матушка с ходу поладила с ним, взяла его на место секретаря... вы же знаете, что она вечно подвизается в множестве благотворительных организаций.

Я кивнул.

– Благодаря войне, разумеется, их количество возросло десятикратно. И этот тип, несомненно, стал для нее отличным помощником. Но вы можете представить, насколько мы опешили, когда три месяца назад она вдруг объявила, что они с Альфредом обручились! Ведь этот пройдоха по меньшей мере лет на двадцать моложе ее! Попросту наглый охотник за наследством; но что уж тут поделаешь, она – сама себе хозяйка, и вот, извольте, уже вышла за него замуж...

– Да, действительно, вы все оказались в довольно трудной ситуации.

– Довольно трудной? Да она чертовски трудна и отвратительна!..

Короче говоря, через три дня после этого нашего разговора я сошел с поезда на остановке Стайлз-Сент-Мэри, маленькой станции, нелепо торчавшей посреди зеленеющих полей и узких проселочных дорог и не имевшей никаких очевидных причин для своего существования. Джон Кавендиш встретил меня на платформе, и мы направились к его автомобилю.

– Понимаете, удалось раздобыть немного бензина, – заметил он. – В основном благодаря стараниям матушки.

Сама деревня Стайлз-Сент-Мэри находилась в двух милях от этой нелепой станции, а с другой стороны от нее на расстоянии мили раскинулось поместье Стайлз-корт. Уже начался июль, и денек выдался безветренный и теплый. Вокруг расстилались равнинные земли Эссекса, и, глядя на эти мирно зеленеющие под послеполуденным солнцем поля, с трудом верилось в то, что где-то неподалеку могут вестись какие-то кошмарные военные действия. Мне вдруг почудилось,

будто я случайно попал в совершенно иной мир. Когда мы свернули к воротам усадьбы, Джон сказал:

– Боюсь, Гастингс, вы сочтете, что мы тут живем слишком тихо.

– Ах, дорогой мой, это же как раз то, что мне сейчас нужно.

– Ну да, у нас довольно мило, если вам хочется отдохнуть в тиши.

Дважды в неделю я обучаю волонтеров и помогаю на окрестных фермах. Моя жена постоянно занята сельским хозяйством. Ежедневно она поднимается в пять утра, чтобы подоить скотину, и трудится, не разгибая спины, до самого завтрака. Как ни крути, жизнь у нас просто великолепна... если бы только в нее не вмешался этот проходимец, Альфред Инглторп! – Внезапно он остановил машину и глянул на часы. – Я подумал, не успеем ли мы заехать за Синтией. Нет, сейчас она уже, наверное, ушла из госпиталя.

– Синтия? Разве вашу жену так зовут?

– Нет, Синтия – протеже матушки, дочь одной из ее школьных подруг, которая вышла замуж на жуликоватого стряпчего. Он потерпел полный крах, и эта девушка, осиротев, осталась без гроша в кармане. Моя матушка пришла на выручку, и вот уже почти два года Синтия живет у нас. Она трудится в тэдминстерском госпитале Красного Креста, в семи милях отсюда.

Замолчав, он остановился перед прекрасным старинным особняком. Заметив наше приближение, дама в плотной твидовой юбке, склонившаяся над цветочной клумбой, сразу выпрямилась.

– Привет, Эви, вот привез нашего раненого героя! Мистер Гастингс... Мисс Говард.

Изрядно крепкое рукопожатие мисс Говард вызвало у меня болезненное ощущение. Я сразу заметил интересное сочетание ярко-синих глаз и загорелого лица. На вид этой миловидной особе можно было дать около сорока лет, она говорила низким грудным голосом, на громких тонах звучащим почти по-мужски, обладала крупной фигурой с хорошими формами и была обута в добротные толстые башмаки. Ее отрывистая манера разговора, как я вскоре обнаружил, напоминала телеграфный стиль.

– Сорняки разрастаются, точно пожар в доме. Никак за ними не уследишь. Просто окружают, наступая со всех сторон. Берегитесь.

– Безусловно, я готов с радостью оказать посильную помощь, – откликнулся я.

– Не говорите. Ничего не обещайте. Потом трудно будет отказаться.

– Как вы скептически настроены, Эви, – рассмеявшись, заметил Джон. – Кстати, где мы нынче пьем чай – в столовой или на воздухе?

– На воздухе. Грех в такой чудный денек торчать в доме.

– Тогда пошли отдыхать, вы уже достаточно потрудились в саду сегодня. Ибо, как мудро сказано, «трудящийся достоин награды за труды свои»^[2]. Пора освежиться и подкрепить силы.

– Что ж, – сказала мисс Говард, стягивая садовые перчатки, – я склонна согласиться с вами.

Мы направились вслед за ней вокруг дома к чайному столу, накрытому в тени большого платана.

С одного из плетеных кресел поднялась женщина и сделала несколько шагов нам навстречу.

– Познакомьтесь с моей женой, Гастингс, – сказал Джон.

Я никогда не забуду первого впечатления, произведенного на меня Мэри Кавендиш. Ее высокая стройная фигура четко вырисовывалась на фоне яркого солнца; явное ощущение скрытого огня, казалось, проявлялось лишь в ее удивительных искристых карих глазах – таких потрясающих глаз я еще не видел ни у одной женщины; при всей глубинной силе присущего ей спокойствия, создавалось впечатление, что в этом утонченном и изысканном теле скрывается дикий и необузданный дух – вся ее поразительная натура навеки запечатлелась в моей памяти. Незабываемое впечатление.

Она приветствовала меня тихим ясным голосом, вежливо выразив радость по поводу нашего знакомства, и я опустил в плетеное кресло, испытывая искреннее удовольствие от того, что принял приглашение Джона. Миссис Кавендиш передала мне чашку чая и, сделав несколько спокойных замечаний, укрепила меня в первом впечатлении и окончательно убедила в своем неотразимом женском очаровании. Восприимчивый слушатель всегда побуждает к разговору, и я, с юмором описывая некоторые случаи из моей санаторной жизни, льстил себя надеждой, что мне удалось позабавить супруга Джона. Сам он, разумеется, славный малый, но его едва ли можно назвать интересным собеседником.

Мы сидели совсем рядом с верандой, и вскоре из открытых балконных дверей донесся отлично знакомый мне голос:

– Итак, Альфред, после чая вы напишите письмо принцессе? А насчет второго дня я сама напишу леди Тэдминстер. Или нам лучше дожидаться ответа княгини? Если она откажется, то леди Тэдминстер может помочь с открытием в первый день, а миссис Кросби – во второй. К тому же есть еще герцогиня... она известит ее о школьном празднике.

Послышалось невнятное бурчание мужского голоса, и вновь громкий ответ миссис Инглторп:

– Да, разумеется. Мы вполне успеем разобраться с письмами после чая. Как же вы заботливы, мой милый Альфред...

Балконная дверь открылась пошире, и на лужайку спустилась красивая, убеленная сединой пожилая дама с властным выражением лица. Следовавший за ней мужчина являл собой воплощенное почтение.

Миссис Инглторп бурно приветствовала меня.

– Боже, мистер Гастингс, где вы пропадали все эти годы, неужели мы наконец удостоились счастья видеть вас? Позвольте познакомиться вас, мистер Гастингс... мой супруг, дорогой Альфред.

Со сдержанным любопытством я пригляделся к «дорогому Альфреду». Облик новоявленного супруга действительно поражал своеобычными и странными чертами. И неудивительно, что Джон неодобрительно отозвался о его бороде. Мне еще не приходилось видеть столь большой, черной как смоль бороды. На носу его крайне невозмутимого лица поблескивало пенсне в золотой оправе. Мне вдруг пришло в голову, что он мог бы прекрасно смотреться на сцене, но в реальной жизни выглядел на редкость неуместным. Его низкий голос звучал с неприятной вкрадчивостью.

– Рад знакомству, мистер Гастингс, – сказал он, вложив в мою руку свою вялую, словно безжизненную длань, и добавил, обращаясь к супруге:

– Эмили, дорогуша, по-моему, эта подушка немного отсырела.

С сияющей любовью улыбкой она взирала на мужа, пока тот менял подушку на кресле, всем своим видом изображая нежнейшую заботу. Странное проявление пылкой любви для здравомыслящей во всех прочих отношениях женщины!

С приходом мистера Инглторпа за столом создавалась атмосфера скованности и завуалированной недоброжелательности. А мисс Говард,

в частности, даже не пыталась скрывать враждебности. Миссис Инглторп, однако, казалось, не заметила ничего необычного. Ее словоохотливость, запомнившаяся мне по прежним встречам, ничуть не убавилась за разделившие нас годы, и она пустилась в свободное плавание; поток ее слов приобщал нас к ее полной заботами жизни, в основном связанной с предстоящим в скором времени благотворительным базаром, организацией коего она и занималась. Изредка миссис Инглторп уточняла конкретные дни или даты у своего мужа. Его настороженные и предупредительные манеры оставались неизменными. С первого же взгляда я проникся к нему стойкой и глубокой неприязнью, и мне лестно сознавать, что мое первое суждение, как обычно, оказалось исключительно проницательным.

Вскоре миссис Инглторп обратила свое внимание на Эвелин Говард, дав ей кое-какие указания насчет писем, а мистер Инглторп озабоченно обратился ко мне:

– А вы, мистер Гастингс, избрали себе военную профессию?

– Нет, до войны я служил в страховой корпорации Ллойда.

– И после ее окончания вы собираетесь вернуться к прежней деятельности?

– Возможно. Либо займусь чем-то новым.

Мэри Кавендиш подалась вперед.

– А какой род занятий вы предпочли бы, если б дали волю своим наклонностям?

– Трудно сказать, смотря по обстоятельствам.

– У вас нет какого-то тайного хобби? – спросила она. – Признайтесь... чем вы прежде увлекались?

– У каждого человека бывают увлечения... зачастую довольно нелепые. Вы будете смеяться надо мной.

– Возможно, – с улыбкой заметила она.

– В общем, я всегда имел тайное желание стать детективом!

– Настоящим следователем... как в Скотленд-Ярде? Или своего рода Шерлоком Холмсом?

– О, безусловно, только Шерлоком Холмсом. Но право, говоря серьезно, меня ужасно привлекает такое занятие. Однажды я случайно познакомился с одним бельгийцем, знаменитым сыщиком, и он необычайно воодушевил меня. Удивительный малый. Обычно он говорил, что сущность любой удачной детективной работы заключается

просто в выборе верной методики. Мой подход основан на его принципах, хотя, разумеется, я разработал свою систему. Мне он показался весьма забавным человеком, большим франтом, но удивительно умным.

– Таковы и талантливо написанные детективные истории, – вставила мисс Говард. – Хотя среди такого рода литературы много откровенной чепухи. Преступник обычно обнаруживается в последней главе. И все буквально ошеломлены. Реальное же преступление... можно распознать сразу.

– Знали бы вы, как много существует нераскрытых преступлений, – возразил я.

– Полицейские расследования тут ни при чем, я имею в виду обычных людей. Семейную историю. Вы не сможете одурачить родственников. Они все узнают.

– Значит, – весело сказал я, – вы полагаете, что если бы сами столкнулись с преступлением – скажем, с убийством, – то сразу смогли бы распознать убийцу?

– Естественно, распознала бы. Хотя, возможно, не смогла бы доказать это своре законоведов. Но, безусловно, догадалась бы, кто виновен. Я наверняка почувствовала бы его подлую натуру, если бы он оказался поблизости.

– Но ведь преступником могла оказаться и женщина, – предположил я.

– Могла. Однако для убийства требуется жестокость. Она больше пристала мужской натуре.

– Если только речь не идет об отравлении ядом, – ясный звонкий голос миссис Кавендиш заставил меня вздрогнуть. – Вчера как раз доктор Бауэрштайн говорил, что благодаря всеобщему неведению в сфере редких ядов, даже среди медиков, множество преступлений, вероятно, остаются нераскрытыми.

– Боже, Мэри, что за ужасный разговор! – воскликнула миссис Инглторп. – У меня даже мурашки забегали... Ах, вот и наша Синтия!

Молодая девушка в форме добровольческого медицинского отряда Общества Красного Креста легко пробежала по лужайке.

– Синтия, милая, что-то вы сегодня припозднились. Познакомьтесь с мистером Гастингсом... мисс Мэрдок.

Синтия Мэрдок оказалась очаровательным созданием, излучавшим свежесть юности и исполненным бурной жизненной силы. Она сорвала с головы белую форменную шапочку, и я с восхищением оценил как ее рассыпавшуюся волнами золотисто-каштановую шевелюру, так и белизну очаровательной изящной ручки, которую она протянула к чайной чашке. С черными глазами и ресницами, эта девушка могла бы соперничать с любой красавицей.

Она опустилась на траву около Джона и улыбнулась мне, когда я предложил ей блюдо с сэндвичами.

– Присаживайтесь со мной на травку. Тут гораздо удобнее.

Я послушно устроился рядом с девушкой.

– Вы работаете в Тэдминстере, не так ли мисс Мердок?

– Да, замаливаю грехи, – кивнула она.

– Неужели вас заставляют работать насильно? – улыбнувшись, спросил я.

– Ничего подобного, мне самой нравится такое занятие! – с достоинством воскликнула Синтия.

– Одна моя кузина тоже любит ухаживать за больными, – заметил я, – но старшие медицинские сестры наводят на нее настоящий ужас.

– Вам не удалось удивить меня. Видите ли, мистер Гастингс, таковы уж эти медсестры. Их надо принять как данность. Понять их невозможно! Но я, слава богу, не медсестра, мне поручили работу в благотворительной бесплатной аптеке.

– И много ли народу вам уже удалось отравить? – с улыбкой поинтересовался я.

– О, еще как много, – тоже улыбнувшись, ответила она.

– Кстати, Синтия, как вы думаете, – спросила вдруг миссис Инглторп, – сможете ли вы написать для меня кое-какие заметки?

– Разумеется, тетушка Эмили.

Она проворно вскочила с травы, напомнив мне своей поспешностью о ее зависимом положении, забывать о котором миссис Инглторп, при всей своей щедрости, девушке не позволяла.

Затем хозяйка дома обратилась ко мне:

– Джон покажет вам вашу комнату. Ужинаем мы в половине восьмого. С некоторых пор мы отказались от поздних трапез. Леди Тэдминстер, супруга нашего орденосца... кстати, ее батюшкой был

покойный лорд Эбботсберри – также считает ранний ужин более уместным. Мы с ней сошлись во мнении о необходимости введения на время войны режима особой экономии. И поэтому хозяйство у нас теперь на военном положении, ничего не тратится попусту... даже использованную бумагу мы собираем в мешки и отправляем на переработку.

Я выразил всяческое одобрение, и Джон повел меня в дом, где мы поднялись по широкой центральной лестнице, которая после первого пролета разветвлялась на две стороны коридорами, ведущими в правое и левое жилые крылья особняка. Моя комната находилась в левом крыле, ее окна выходили в парк.

Там Джон и оставил меня, а через пару минут я уже увидел в окно, как он медленно прогуливается по лужайке под ручку с Синтией Мэрдок. Тут же до меня донесся раздраженный голос миссис Инглторп, призывавший Синтию. Услышав призыв, девушка сразу побежала обратно к дому. Одновременно из-под кроны тенистого дерева появился какой-то человек и медленно побрел в том же направлении. Этот смуглый мужчина с печальным, чисто выбритым лицом выглядел лет на сорок. Казалось, его гложет тайная мучительная страсть. Проходя мимо, он поднял голову, рассеянно глянув на мое окно, и я узнал его, хотя он сильно изменился за пятнадцать лет, прошедшие с нашей последней встречи. Это был младший брат Джона, Лоуренс Кавендиш. Меня заинтересовало, какие же тайные чувства могли отразиться на его лице.

Но чуть позже я забыл о нем и вернулся к размышлениям о своих собственных заботах.

Вечер прошел в приятной атмосфере; и в ту ночь мне приснилась загадочная красавица, Мэри Кавендиш.

Утро началось с яркого солнечного рассвета, и я исполнился предчувствия каких-то восхитительных встреч.

Я не видел миссис Кавендиш до самого ланча, когда она предложила мне прогуляться, и мы с нею провели в лесу очаровательный день, вернувшись домой около пяти часов.

Когда мы вошли в большой зал, Джон пригласил нас обоих в курительную комнату. И по его встревоженному лицу я сразу понял, что случилось нечто особенное. Мы последовали за ним и, пропустив нас в комнату, он плотно закрыл двери.

– Вы не поверите, Мэри, какая произошла неприятность... Эви крепко повздорила с Альфредом Инглторпом и решила уехать.

– Эви? Уехать?

Джон мрачно кивнул.

– Да... понимаете, она отправилась к матушке и... Ах, вот и сама Эви.

Вошла мисс Говард. Плотно поджав губы, она сжимала в руке небольшой чемодан. Вид у нее был взволнованный, решительный и слегка обиженный.

– Во всяком случае, – выпалила она, – я высказала все, что думаю!

– Эвелин, дорогая, – воскликнула миссис Кавендиш, – это невероятно!

Мисс Говард кивнула с мрачным видом.

– Более чем вероятно! К сожалению, я высказала Эмили все, что думаю; вряд ли она легко простит меня и забудет мои слова. Хорошо бы, она хоть немного задумалась над ними... Хотя, может, с нее всё как с гуся вода. А я так прямо и сказала: «Эмили, вы уже старая женщина, и глупость старых дур, видно уж, никому не превзойти. Вы пригрели молодого проходимца, он же на двадцать лет моложе вас, и не заблуждайтесь на тот счет, почему он женился на вас. Он женился на ваших деньгах! Ладно, попытайтесь, по крайней мере, ограничить его аппетиты. Знаете, что у фермера Рэйкса появилась смазливая молодая женушка? Так спросите вашего Альфреда, сколько времени он проводит с нею». Она жутко разозлилась. Естественно! А я добавила: «Мне лишь хотелось предостеречь вас, нравится вам то или нет. Этот проходимец скоро прикончит вас в вашей собственной постели, и глазом не моргнет... У такого мерзавца и совести-то ни на грош... Вы можете возражать мне, как вам угодно, да только попомните мои слова. Муженек ваш – отпетый мерзавец!»

– И что она ответила?

Мисс Говард выразительно скривилась и процитировала с глупейшим видом:

– «Милый Альфред! Дражайший Альфред! Отвратительная клевета... наглая ложь... Подлая женщина... так обвинять моего дорогого мужа!» Чем скорее я покину ее дом, тем лучше. Короче, я уезжаю.

– Но не сейчас же?

– Сию минуту!

Мы сидели, ошеломленно глядя на нее. Наконец Джон Кавендиш, сочтя уговоры бесполезными, отправился посмотреть расписание поездов. Его жена последовала за ним, тихо заметив, что миссис Инглторп следовало бы прислушаться к мнению Эви.

Когда она вышла из комнаты, лицо мисс Говард изменилось. Она склонилась ко мне и пылко сказала:

– Мистер Гастингс, по-моему, вы достойны уважения. Могу ли я довериться вам?

Я пребывал в легком замешательстве. Она положила руку мне на плечо и понизила голос до шепота:

– Присмотрите за ней, мистер Гастингс. За моей бедной Эмили. Ее окружает стая акул – вся эта алчная семейка... О, я знаю, о чем говорю. Каждый здесь испытывает свои трудности и пытается выжать из нее деньги. Я защищала ее как могла. Теперь меня убрали с дороги, и они с новой силой начнут дурить ей голову.

– Разумеется, мисс Говард, – откликнулся я, – я сделаю все возможное, хотя уверен, что ситуация не настолько серьезна, просто вы слишком разволновались.

Она прервала меня, выразительно погрозив указательным пальцем.

– Молодой человек, уж поверьте мне. Я прожила в этом мире намного дольше вас. И прошу вас лишь смотреть в оба да держать ухо востро. Тогда вы поймете, о чем я говорила.

В открытое окно донеслось чихание мотора, и мисс Говард встала и направилась к двери. Послышался голос Джона. Взявшись за дверную ручку, мисс Говард обернулась и кивнула мне.

– А главное, мистер Гастингс, не спускайте глаз с этого хитрющего чёрта... с ее муженька!

Времени на дальнейшие разговоры не осталось. Голос мисс Говард затерялся в нестройном хоре протестов и прощальных пожеланий. Чета Инглторп на прощании не появилась.

Когда шум мотора затих вдали, миссис Кавендиш вдруг отделилась от нашей группы и, перейдя через подъездную аллею, направилась по лужайке навстречу высокому бородачу, очевидно, шедшему к нашему дому. Заметно покрасневшись, она протянула ему руку.

– Кто это? – резко спросил я, интуитивно испытываю недоверие к бородатому незнакомцу.

– Доктор Бауэрштайн, – коротко бросил Джон.

– А кто такой доктор Бауэрштайн?

– Он живет в деревне, наслаждается полным покоем, восстанавливается после острого нервного расстройства. Работал в Лондоне, весьма сведущий специалист; говорят, один из крупнейших ныне здравствующих экспертов в области ядовитых веществ.

– И он близко сдружился с Мэри, – не удержавшись, добавила Синтия.

– Давайте пройдемся, Гастингс, – нахмурившись, сменил тему Джон Кавендиш. – Какая ужасная неприятность. Эви, конечно, всегда резко высказывала свое мнение, но во всей Англии вы не найдете более преданного друга, чем Эвелин Говард.

Я углубился вслед за ним в парковую аллею, и мы направились в сторону деревни через лесок, граничивший с поместьем.

На обратном пути, когда мы подходили к воротам усадьбы, нам навстречу попала симпатичная молодая особа; эта цыганского вида красотка склонила голову и улыбнулась нам.

– Какая прелесть, – со знанием дела заметил я.

– Это миссис Рэйкс, – с непроницаемым видом пояснил Джон.

– Уж не та ли, о которой упоминала мисс Говард...

– Именно та, – с излишней резкостью подтвердил Джон.

При виде этого улыбнувшегося нам прелестного и соблазнительного личика, я вспомнил вдруг убеленную сединами старую даму, властвующую в этом большом особняке, и невольно похолодел от смутного дурного предчувствия. Но предпочел решительно отбросить его.

– Ваш Стайлз поистине являет собой славное местечко доброй старой Англии.

– Да, прекрасное владение, – кивнув, уныло согласился Джон. – Когда-нибудь это имение станет моим... а могло бы уже принадлежать мне, если бы отец оставил надлежащее завещание. И тогда я не находился бы сейчас в таком чертовски сложном положении.

– А разве у вас серьезные проблемы?

– Мой милый Гастингс, мне не хотелось говорить вам, но я только и делаю, что ломаю голову над тем, где бы раздобыть денег.

– А почему бы брату не помочь вам?

– Лоуренсу? Да он сам спустил все свои деньги на издание своих дрянных стишков в затейливых дорогих переплетах... Нет, мы действительно пребываем в бедственном положении. Надо признать, что наша матушка всегда оказывала нам щедрую поддержку. То есть до нынешних пор. Но после нового брака, разумеется... – он нахмурился и умолк.

Впервые я почувствовал, что с отъездом Эвелин Говард атмосфера как-то неуловимо изменилась. Ее присутствие создавало ощущение спокойствия и уверенности. А теперь, после ее отъезда, благополучие словно испарилось, и сам воздух, казалось, пропитался странной подозрительностью. В памяти вдруг всплыло зловещее лицо доктора Бауэрштайна. Смутные подозрения о всех и каждом заполнили мой ум. И лишь на мгновение у меня мелькнуло предчувствие надвигающегося несчастья.

Глава 2

Шестнадцатое и семнадцатое июля

Я прибыл в Стайлз пятого июля. А теперь хочу сразу перейти к событиям, произошедшим в этом же месяце шестнадцатого и семнадцатого числа. Для удобства читателя я как можно точнее изложу происшествия этих дней. Позднее они были доподлинно установлены в ходе следственного разбирательства и долгих и утомительных перекрестных допросов.

Через два дня после отъезда мисс Говард прислала мне письмо, в коем сообщала, что она устроилась работать сиделкой в большую больницу Миддлингхэма, фабричного городка, находящегося от нас мильх в пятнадцати, и просила меня дать ей знать, если миссис Инглторп проявит хоть какое-то стремление к примирению.

Единственной ложкой дегтя в бочке меда моих мирных отпускных дней мне представлялось то необычайное – и, на мой взгляд, необъяснимое – предпочтение, которое миссис Кавендиш отдавала общению с доктором Бауэрштайном. Не представляю, что ей приглянулось в этом человеке, но она постоянно приглашала его в дом и частенько отправлялась с ним на долгие прогулки. Должен признаться, что я совершенно не понимал, в чем может заключаться его привлекательность.

Шестнадцатое июля пришлось на понедельник. День выдался страшно суматошный. В субботу состоялся долгожданный благотворительный базар, а сегодня вечером в честь его завершения устраивался большой концерт, где миссис Инглторп собиралась декламировать посвященные войне стихи. Целое утро все мы трудились в деревенском клубе, подготавливая и украшая зрительный зал к вечернему событию. Подкрепившись поздним завтраком, мы расположились в саду на после полуденный отдых. Я заметил, что Джон ведет себя как-то странно. Он выглядел возбужденным и встревоженным.

После чая миссис Инглторп отправилась полежать, набраться сил перед вечерним концертом, а я предложил Мэри Кавендиш сыграть партию в теннис.

Незадолго до семи часов вечера миссис Инглторп позвала нас, опасаясь, что мы опоздаем к сегодняшнему более раннему ужину. Нам пришлось спешно переодеться, дабы успеть вовремя; и еще до окончания трапезы к выезду уже подали автомобиль.

Концерт имел большой успех, а декламацию миссис Инглторп встретили бурными аплодисментами. Синтия тоже принимала участие в нескольких драматических сценках. С нами она не вернулась, поскольку ее пригласили на вечеринку, и она решила заночевать у друзей, выступавших вместе с ней.

На следующее утро миссис Инглторп, чувствуя переутомление, не спустилась к завтраку; но около половины первого она появилась в необычайно веселом настроении и увлекла Лоуренса и меня на какой-то званый обед.

– Такое любезное приглашение от миссис Роллстон... Вы же знакомы с сестрой леди Тэдминстер? Они принадлежат к одному из древнейших родов, предки Роллстонов пришли в Англию вместе с Вильгельмом Завоевателем.

Мэри Кавендиш отказалась под предлогом более ранней договоренности с доктором Бауэрштайном.

А мы с Лоуренсом насладились отличным обедом, и на обратном пути Лоуренс предложил проехать мимо Тэдминстера – крюк всего лишь в милю – и навестить Синтию в аптеке. Миссис Инглторп заявила, что это прекрасная идея, но поскольку ей еще надо написать несколько писем, то она решила подвезти нас до госпиталя и уехать домой, не сомневаясь, что мы в состоянии сами вернуться в Стайлз-корт вместе с Синтией на двуколке.

Нам пришлось задержаться под наблюдением бдительного привратника, пока вышедшая Синтия не поручилась за нас. В длинном белом халате девушка выглядела совершенно великолепно и очаровательно. Она отвела нас в свое святилище и представила своей коллеге-фармацевту, внушающей трепет особе, которую Синтия шутливо величала «Ваша Милость».

– Боже мой, сколько же здесь разных склянок! – воскликнул я, обведя взглядом маленькое помещение. – Неужели вы умудряетесь помнить, что содержится в каждой из них?

– Могли бы быть пооригинальнее! – со стоном промолвила Синтия. – Такие же слова произносит каждый, кто впервые заходит

к нам. Мы уже подумываем учредить приз для первого человека, который, войдя сюда, не скажет: «Сколько же здесь разных склянок!» И я даже знаю, какой вопрос вертится у вас на языке: «Сколько же людей вам уже удалось отравить?»

Усмехнувшись, я признал свою предсказуемость.

– Если бы вы, дилетанты, только знали, как действительно легко по случайной роковой ошибке отравить кого-то, то не стали бы отпускать подобные шуточки... Ладно, давайте лучше выпьем чаю. В нашем буфете хранится множество тайных историй. Не там, Лоуренс, в том шкафчике у нас как раз хранятся яды. А чайные принадлежности в большом буфете.

Весело болтая, мы выпили чай и помогли Синтии вымыть посуду. И когда уже вытирали последнюю чайную ложку, в дверь вдруг кто-то постучал. Выражение лиц Синтии и Вашей Милости мгновенно стало суровым и неприступным.

– Войдите, – произнесла Синтия резким официальным тоном.

В аптеку зашла юная, испуганная на вид санитарка, протягивая Вашей Милости какую-то бутылочку, но ее жестом перенаправили к Синтии, присовокупив несколько загадочное заявление:

– На самом деле *меня* тут сегодня нет.

Взяв у девушки пузырек, Синтия изучила его строгим судейским взглядом.

– Его должны были прислать сегодня утром.

– Сестра очень сожалеет. Извините, она запомнила.

– Сестре следует внимательно читать расписание, вывешенное на нашей двери.

По выражению лица санитарки я догадался, что нет никакой вероятности того, что она наберется дерзости передать той ужасной «сестре» подобное замечание.

– Поэтому теперь вам придется ждать лекарство до утра, – заключила Синтия.

– Так вы думаете, что мы никак не сможем получить его сегодня вечером?

– Вообще-то, у нас очень много дел, но если останется время, то мы постараемся приготовить его для вас, – смилостивилась Синтия.

Несчастливая санитарка удалилась, а Синтия ловко сняла какую-то склянку с полки, наполнила пузырек и выставила его на стол за дверью.

– Поддерживаете строгую дисциплину? – усмехнувшись, спросил я.

– Точно. Давайте выйдем на наш балкончик. Оттуда вы сможете увидеть все наши больничные владения.

Я последовал за Синтией и ее подругой, и они показали мне разные корпуса госпиталя. Лоуренс немного замешкался в аптеке, но Синтия, быстро оглянувшись через плечо, пригласила его присоединиться к нам. Потом она взглянула на свои часы.

– Как вы думаете, Ваша Милость, у нас еще остались какие-то дела на сегодня?

– Нет, все сделано.

– Отлично. Тогда пора запираить двери и уходить.

В тот день я увидел Лоуренса совершенно в другом свете. В отличие от Джона, его характер казался поразительно сложным для понимания. Необычайно застенчивый и скрытный, он был практически полной противоположностью своего брата. И тем не менее Лоуренс производил привлекательное впечатление, и, на мой взгляд, если бы позволил себе быть более откровенным, то смог бы вызвать к себе глубокую симпатию. Я не мог отделаться от ощущения, что он излишне сдержанно ведет себя с Синтией, а она со своей стороны стесняется его. Но сегодня они оба вели себя довольно легкомысленно и весело, с какой-то детской непосредственностью болтая друг с другом.

Когда мы проезжали по деревне, я вспомнил, что собирался прикупить почтовых марок, и поэтому мы остановились возле почты.

Выходя на улицу, я едва не столкнулся в дверях с низкорослым мужчиной. Извинившись, я отступил в сторону, как вдруг он с восторженным восклицанием обнял меня и сердечно расцеловал.

– *Mon ami*^[3], Гастингс! – вскричал он. – Неужели я действительно вижу вас, *mon ami*?

– Пуаро! – потрясенно воскликнул я.

Повернувшись к нашей двуколке, я пояснил свое поведение.

– Вы не представляете, мисс Синтия, как я рад столь удивительно приятной встрече. Позвольте представить вам моего старого друга месье Пуаро. Давненько мы с вами не виделись.

– Ах, надо же, ведь мы хорошо знаем, кто такой месье Пуаро, – весело заявила Синтия. – Только я понятия не имела, что и вы с ним

знакомы.

– Да, действительно, – серьезно произнес Пуаро. – Я знаком с мадемуазель Синтией. И я прибыл сюда как раз в связи с благотворительностью почтенной миссис Инглторп, – сообщил он и, видя мое недоумение, добавил: – Да, друг мой, она любезно охватила благотворительностью семерых моих соотечественников, которым, увы, пришлось покинуть родину. Мы, бельгийцы, всегда будем вспоминать ее с благодарностью.

Пуаро отличался исключительно неординарной внешностью. Росточку в нем было от силы пять футов и четыре дюйма^[4], однако держался он всегда с отменным достоинством. Свою яйцообразную, вытянутой формы голову маленький бельгиец обычно клонил набок, а жесткие, лихо закрученные усы придавали ему весьма воинственный вид. Аккуратность его доходила до невероятного педантизма. Помоему, пятно на костюме принесло бы ему больше мучений, чем пулевое ранение. Однако этот малорослый франтоватый оригинал, который, как я сейчас с сожалением заметил, сильно прихрамывал, в свое время считался одним из знаменитейших детективов полиции Бельгии. Обладая удивительным чутьем, он достиг небывалых успехов, распутав самые загадочные преступления нашего времени.

Пуаро показал мне небольшой коттедж, где поселилась их бельгийская компания, и я обещал заглянуть к нему в ближайшее время. Взглянув на прощание на Синтию, он изящным жестом приподнял шляпу, и мы наконец продолжили путь в поместье.

– Какой он милый, наш месье Пуаро, – заметила Синтия. – Но я и подумать не могла, что вы с ним знакомы.

– И совершенно не сознавали, что общались со знаменитостью, – заметил я.

Остаток поездки до дома я пересказывал моим спутникам разнообразные подвиги и триумфальные расследования Эркюля Пуаро.

Мы вернулись в особняк в отличном расположении духа. Когда мы вошли в холл, из своего будуара появилась миссис Инглторп. Она выглядела раскрасневшейся и глубоко расстроенной.

– О, вот вы и вернулись, – сказала она.

– Что-то случилось, тетушка Эмили? – спросила Синтия.

– Ничего подобного, – резко бросила миссис Инглторп. – Что у нас может случиться? – Потом, поймав взгляд Доркас, горничной, входящей

в столовую, она велела ей принести в будуар почтовые марки.

– Слушаюсь, мэм... – Нерешительно помедлив, старая служанка робко добавила: – Не кажется ли вам, мэм, что вам лучше полежать? Вы выглядите очень утомленной.

– Возможно, Доркас, вы правы... да... нет... пока рано отдыхать. Мне нужно закончить несколько писем, чтобы успеть отправить их сегодня. Вы разожгли у меня в спальне камин, как я велела?

– Да, мэм.

– Тогда я пойду спать сразу после ужина.

Синтия пристально посмотрела, как поспешно она уходит в будуар, и спросила, глянув на Лоуренса:

– Господи боже мой! Интересно, что же все-таки случилось?

Но тот, видимо, ничего не слышал, поскольку молча развернулся на каблуках и вышел из дома.

Синтия приняла мое предложение поиграть немного в теннис до ужина, и я отправился к себе в комнату за ракеткой.

Мне навстречу по лестнице спускалась миссис Кавендиш. Может, у меня разыгралось воображение, но она тоже выглядела необычайно взволнованной.

– Хорошо ли вы погуляли с доктором Бауэрштайном? – как можно небрежнее спросил я.

– Мы отменили прогулку, – резко ответила она. – Вы не знаете, где миссис Инглторп?

– У себя в будуаре.

Ее рука нервно сжала перила, но она тут же овладела собой, видимо, осознав неизбежность предстоящего неприятного разговора, стремительно спустилась по ступенькам, пересекла холл и, войдя в будуар, плотно закрыла за собой дверь.

Чуть позже, проходя в сторону теннисного корта мимо открытого окна будуара, я невольно подслушал обрывок следующего диалога.

– Тогда почему вы не хотите показать его мне? – спросила Мэри Кавендиш напряженным голосом, определенно отчаянно сдерживая свои эмоции.

– Моя милая Мэри, оно не имеет никакого отношения к тому делу, – ответила миссис Инглторп.

– Тогда покажите его мне.

– Да говорю же вам, это совсем не то, что вы думаете. Оно никоим образом не касается вас.

На что Мэри Кавендиш ответила с нарастающей горечью:

– Разумеется, я могла бы догадаться, что вы будете защищать его.

Поджидавшая меня Синтия пылко воскликнула:

– Слушайте! У нас действительно произошла ужаснейшая ссора. Я только что выспросила все у Доркас.

– Какая ссора?

– Между ним и тетушкой Эмили. Надеюсь, она наконец поняла, каков этот субчик на самом деле!

– Так Доркас присутствовала при их разговоре?

– Естественно, нет. Она заявила, что «чисто случайно оказалась около двери». Похоже, дело идет к доброму старому разводу. Хотелось бы узнать, что же спровоцировало ужасный скандал между ними...

Мне вспомнились соблазнительное личико миссис Рэйкс и предупреждения Эвелин Говард, но я мудро решил промолчать, позволив Синтии высказать все возможные догадки и радостные надежды.

– Наверное, теперь тетушка Эмили без всяких разговоров прогонит его прочь.

Мне хотелось поговорить с Джоном, но он точно куда-то пропал. Очевидно, в наше отсутствие тут сегодня произошло нечто крайне важное. Я старался забыть подслушанный разговор; но, при всем старании, он упорно возвращался в мои мысли. Что же так беспокоило Мэри Кавендиш?

Спустившись к ужину, я обнаружил в гостиной мистера Инглторпа. Его лицо выглядело, как обычно, невозмутимым, но меня вновь поразила странная отрешенность и чужеродность этого субъекта.

Миссис Инглторп вышла к столу последней. Она по-прежнему выглядела взволнованной, и за столом нынче вечером царило натянутое молчание. Да и сам Инглторп вел себя необычайно тихо и спокойно. Обычно он окружал свою супругу усердными знаками внимания, суетился, подкладывая подушки под спинку – в общем, разыгрывал роль любящего и преданного супруга. Сразу после ужина миссис Инглторп снова удалилась в свой будуар.

– Мэри, пусть кофе мне принесут сюда, – попросила она, задержавшись в дверях. – У меня осталось всего пять минут, чтобы успеть отправить письма с ближайшей почтой.

Мы с Синтией, выйдя из-за стола, устроились в креслах возле открытого окна гостиной.

Мэри Кавендиш принесла нам кофе. Она выглядела встревоженной.

– Вы, молодые люди, предпочитаете наслаждаться интимным полумраком или лучше зажечь свет? – спросила она и добавила: – Синтия, не затруднит ли вас позднее отнести кофе миссис Инглторп? А я могу налить его.

– Не беспокойтесь, Мэри, – вмешался Инглторп. – Я сам все сделаю и отнесу кофе Эмили.

Он налил кофе и вышел из комнаты, аккуратно неся поднос.

Лоуренс последовал за ним, а миссис Кавендиш присела рядом с нами.

Какое-то время мы хранили молчание. Выдался славный вечер, жаркий и безветренный. Миссис Кавендиш вяло обмахивалась веером из пальмовых листьев.

– Становится душновато, – пробормотала она. – Похоже, будет гроза.

Увы, гармонические моменты всегда быстро заканчиваются! И мое райское блаженство грубо нарушил хорошо знакомый и ненавистный мне голос, донесшийся из холла.

– Доктор Бауэрштайн! – воскликнула Синтия. – Странное время для визита.

Я ревниво глянул на Мэри, но она выглядела совершенно невозмутимо, не порозовели даже ее бледные щеки.

Вскоре Альфред Инглторп привел в гостиную доктора, который шутливо протестовал, говоря, что таких грязных бродяг в приличные дома не пускают. И правда, он представлял собой удручающее зрелище, будучи буквально с ног до головы покрыт грязью.

– Боже, доктор, чем это вы занимались? – воскликнула миссис Кавендиш.

– Примите мои извинения, – ответил доктор, – я вовсе не собирался заходить сюда, но мистер Инглторп настоял.

– Да уж, Бауэрштайн, видок у вас действительно плачевный, – произнес Джон, входя в гостиную из холла. – Выпейте кофейку и расскажите нам, что же такое с вами приключилось.

– Благодарю, с удовольствием, – согласился он и с горьким смехом поведал о том, как увидел в одном труднодоступном месте очень редкий вид папоротника и, пытаясь дотянуться до него, потерял равновесие и постыдно шлепнулся в илистый пруд.

– На солнце я вскоре обсох, – добавил он, – но, к сожалению, мой наряд выглядит крайне позорно.

В этот момент из холла донесся голос миссис Инглторп, призывавший Синтию, и девушка выбежала из гостиной.

– Не затруднит ли вас, дорогая, просто отправить мою почту? Я собираюсь лечь спать.

Дверь в холл была широко открыта. Я поднялся с кресла вместе с Синтией, Джон оказался рядом со мной. То есть было три свидетеля, которые могли бы поклясться, что миссис Инглторп держала в руке чашку кофе, хотя еще не пила его.

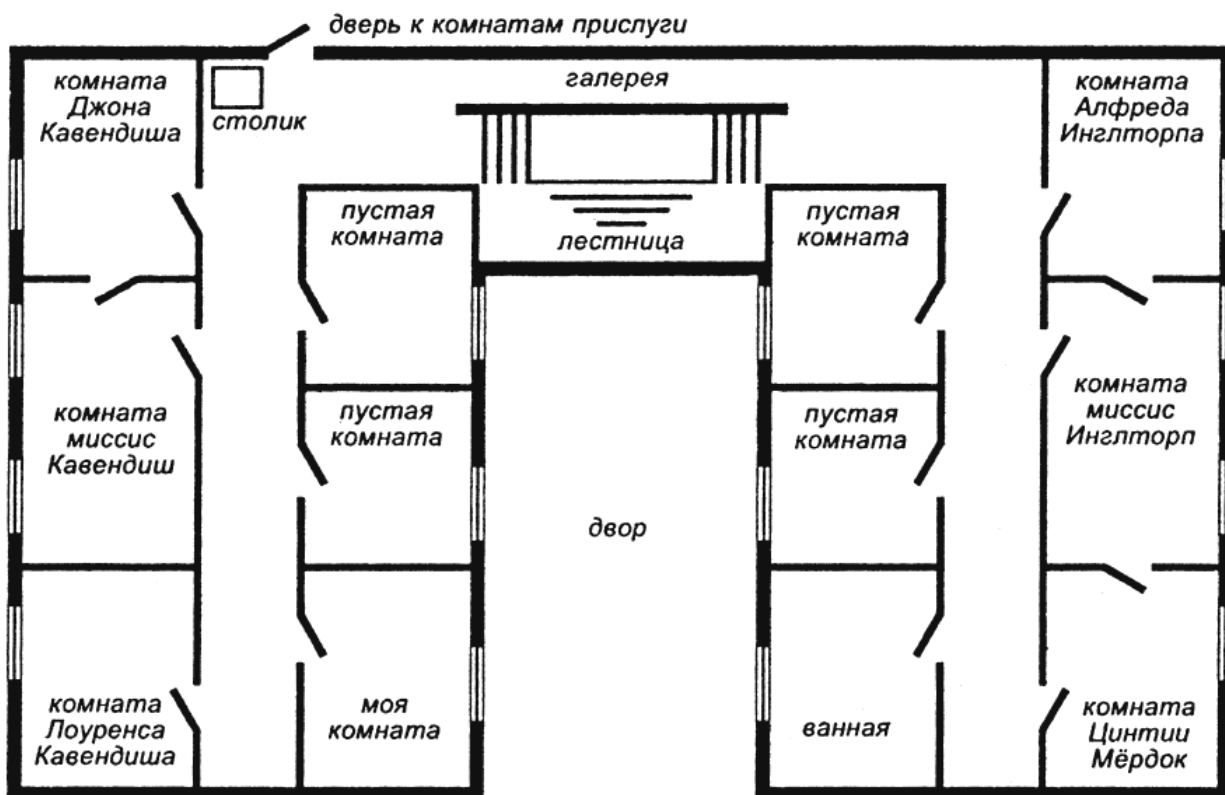
Присутствие доктора Бауэрштайна окончательно и бесповоротно испортило мне вечер. Создавалось впечатление, что этот человек не уйдет уже никогда. Однако в конце концов он все же встал, и я вздохнул с облегчением.

– Я прогуляюсь с вами до деревни, – заявил мистер Инглторп. – Мне необходимо заглянуть к нашему управляющему, проверить кое-какие счета, – пояснил он и добавил, повернувшись к Джону: – Нет нужды дожидаться меня. Я захвачу с собой ключ.

Глава 3

Трагическая ночь

Для более четкого понимания следующей части истории я решил предварить ее коротким описанием второго этажа особняка Стайлз.

Комнаты прислуги находятся за дверью левого крыла здания. Служебное крыло вообще не имело никакой связи с правым крылом дома, где расположились комнаты Инглторпов.

Посреди ночи меня разбудил Лоуренс Кавендиш. В руке он держал зажженную свечу, и по его потрясенному лицу я сразу понял, что в доме произошло нечто ужасное.

– Что случилось? – спросил я, поднимаясь с постели и пытаюсь собраться с мыслями.

– Мы боимся, что нашей матушке очень плохо. Похоже, у нее какой-то припадок. Но, к несчастью, она заперла дверь изнутри.

– Сейчас иду.

Я вскочил с кровати и, на ходу натягивая халат, проследовал за Лоуренсом по коридору в правое крыло дома.

К нам присоединился Джон Кавендиш, а всех нас уже поджидали несколько слуг в состоянии страшного волнения. Лоуренс повернулся к брату:

– Как ты думаешь, что нам лучше сделать?

«Никогда еще, – подумал я, – нерешительность его характера не проявлялась более очевидно».

Джон ожесточенно покрутил ручку двери спальни миссис Инглторп, но ничего не добился. Очевидно, ее заперли изнутри на ключ или щеколду. Вокруг нас уже собрались все домочадцы. Из спальни доносились крайне тревожные звуки. Стало ясно, что необходимо срочно что-то предпринять.

– Сэр, может, попытаться пройти к ней через комнату мистера Инглторпа? – крикнула Доркас. – Ох, бедняжка, как она там мучается!

Внезапно я осознал, что с нами нет Альфреда Инглторпа – он единственный не вышел в коридор. Джон открыл дверь его комнаты. Кромешную тьму его спальни Лоуренс осветил свечой, и в ее слабом свете мы увидели, что его кровать не разобрана и в комнате вообще не заметно признаков чьего-либо присутствия.

Мы сразу направились к двери в смежную комнату, но обнаружили только, что она тоже заперта с другой стороны.

Что же нам оставалось делать?

– О боже, сэр! – заламывая руки, вскричала Доркас. – что же нам теперь делать?

– Полагаю, придется взломать дверь. Хотя это трудная задача... Так, пусть одна из горничных спустится, разбудит Бейли и немедленно отправит его за доктором Уилкинсом. А мы пока попытаемся вскрыть дверь. Хотя... минутку, а нет ли еще какой-то двери со стороны комнаты мисс Синтии?

– Есть, сэр, только она обычно всегда заперта. Ее вообще не отпирают.

– Нет, лучше все же проверить.

Джон быстро пробежал по коридору к комнате Синтии. Туда уже вошла Мэри Кавендиш; она пыталась растрясти девушку, но, похоже, Синтия спала как убитая и ни на что не реагировала.

Вскоре Джон вернулся в спальню Инглторпа.

– Бесполезно, – буркнул он. – Все заперто. Надо взломать эту дверь. По-моему, внутренняя тоньше, чем коридорная.

Мы дружно попытались высадить злосчастную дверь, но ее плотно оказалось довольно прочным и долго сопротивлялось нашим усилиям. Наконец мы почувствовали, как под нашим весом твердыня начала поддаваться, и в итоге дверь с треском распахнулась.

Мы ввалились в спальню, Лоуренс по-прежнему держал свечу. Миссис Инглторп лежала в кровати; все ее тело сотрясали страшные судороги, во время которых она, видимо, опрокинула прикроватный столик. Когда мы вошли, однако, ее мышцы расслабились, и она откинулась на подушки.

Быстро метнувшись к стене, Джон включил газовый рожок. Обратившись к Энни, одной из горничных, он велел ей спуститься в столовую и принести бренди. Потом бросился к матери, а я отодвинул щеколду на двери в коридор.

Повернувшись к Лоуренсу, я уже хотел сказать, что мне лучше удалиться, поскольку больше в моих услугах нет никакой необходимости, но слова застыли у меня на языке. Никогда еще мне не приходилось видеть выражения такого ужаса на лице человека. Он побелел как мел, свеча дрожала в его руке так, что воск капал прямо на ковер, и в его глазах застыл неопишуемый страх или какое-то сходное чувство, при этом он пристально смотрел мимо меня в какую-то точку на противоположной стене. Создавалось впечатление, будто нечто, увиденное там, заставило его окаменеть. Невольно я взглянул в ту же сторону, но не заметил ничего пугающего. В камине еще слабо мерцали угли, а сверху на каминной полке вполне мирно и чопорно стояли декоративные безделушки.

Припадок миссис Инглторп, казалось, прошел. Она еще задыхалась, но сумела произнести несколько слов.

– Мне лучше... совсем неожиданно... как глупо... что я заперлась...

На кровать упали новые тени, и подняв глаза, я увидел, что возле двери стоит Мэри Кавендиш, обнимая Синтию за талию. Видимо, она поддерживала девушку, которая сонно пошатывалась и вообще выглядела очень странно. Ее лицо густо покраснело, и она постоянно зевала.

– Бедняжка Синтия совсем перепугалась, – произнесла миссис Кавендиш четким тихим голосом.

Сама она, как я заметил, успела накинуть белый рабочий халат, в котором обычно работала на ферме. Значит, подумал я, ночь уже, видимо, подходит к концу. Через щель в оконных шторах действительно пробивались слабые рассветные лучи, и часы на каминной полке показывали около пяти часов утра.

Я вздрогнул, услышав сдавленный крик с кровати. Несчастная старая леди скорчилась в новом приступе боли. Ее тело забилося в ужасных конвульсиях. В комнате царило оцепенелое замешательство. Мы столпились вокруг кровати, не зная, чем помочь, как облегчить страдания несчастной. От последней конвульсии тело миссис Инглторп выгнулось такой крутой дугой, что, казалось, она стоит, опираясь лишь на голову и пятки. Тщетно Мэри и Джон пытались влить в нее еще немного бренди. Напряжение ненадолго спало. Но вновь ее тело внезапно изогнулось той же дикой дугой.

В этот момент в спальню решительно ворвался доктор Бауэрштайн. На мгновение он застыл в изумлении, глядя на изогнувшуюся на кровати больную, и в то же мгновение миссис Инглторп сдавленно вскрикнула, устремив на доктора застывший взгляд:

– Альфред! Альфред!

В следующее мгновение ее оцепеневшее тело безжизненно застыло на кровати.

Сделав стремительный широкий шаг, доктор склонился над кроватью и, схватив больную за руки, принялся, насколько я понял, энергично делать искусственное дыхание. Одновременно он отрывисто отдал слугам пару строгих приказов. Повелительным взмахом руки он вынудил нас отступить к двери. Точно зачарованные, мы наблюдали за его действиями, хотя, мне кажется, все мы в глубине души понимали, что он пришел слишком поздно и непоправимое уже случилось. По выражению его лица я догадался, что и сам он мало на что надеется.

Наконец Бауэрштайн отказался от попыток и удрученно покачал головой. Из коридора донеслись торопливые шаги, и в комнату, отдуваясь, влетел тучный нервный коротышка, личный врач миссис Инглторп, доктор Уилкинс.

Доктор Бауэрштайн коротко пояснил, что случайно проходил мимо главных ворот поместья, увидел, как оттуда выезжает автомобиль, и, узнав, что он отправился за доктором Уилкинсом, со всех ног побежал к дому. Устало взмахнув рукой, он показал на распростертое на кровати тело.

– Да, прискорбно. Весьма прискорбно, – пробурчал доктор Уилкинс. – Бедняжка. Вечно она тратила слишком много сил... не жалела себя... не слушала моих советов. А я ведь предупреждал ее. Говорил, что с сердцем у нее далеко не все в порядке. Твердил ей: «Не волнуйтесь, смотрите на вещи проще». Но куда там... она ведь неутомимо стремилась творить добрые дела. Вот натура и взбунтовалась. Природа, знаете ли, бе-рет свое, – с выразительной расстановкой заключил он.

Доктор Бауэрштайн, как я заметил, пристально взирал на местного врача. По-прежнему не сводя с него взгляда, он сказал:

– Конвульсии были на редкость сильными, доктор Уилкинс. Жаль, что вы не успели увидеть последнего приступа. По виду это очень напоминало тетанию.

– Вот как? – с умным видом произнес доктор Уилкинс.

– Мне хотелось бы переговорить с вами с глазу на глаз, – добавил Бауэрштайн и обернулся к Джону: – Вы не возражаете?

– Конечно, пожалуйста.

Все мы направились в коридор, оставив двух докторов в спальне, и я услышал, как за нами закрыли дверь, повернув ключ в замке.

Мы медленно спустились на первый этаж. Меня охватило необычайное волнение. Имея склонность к дедукции, я заподозрил большую странность в поведении доктора Бауэрштайна, и в голове моей тут же возникло множество диких предположений.

Мэри Кавендиш тронула меня за руку.

– В чем дело? Почему доктор Бауэрштайн так странно повел себя?

– Вы знаете, о чем я думаю?

– О чем?

– Послушайте! – Оглянувшись, я убедился, что нас не подслушивают, и прошептал: – По-моему, ее отравили. Я уверен, что именно это подозревает доктор Бауэрштайн.

– *Что?* – Мэри привалилась к стене, зрачки ее глаз мгновенно расширились, почти лишившись радужной оболочки.

Всклипнув, она испугала меня, вдруг закричав:

– Нет, нет... не может быть... это невозможно!

Вырвавшись от меня, женщина побежала вверх по лестнице. Я последовал за ней, опасаясь, как бы она не упала в обморок. Смертельно побледнев, Мэри стояла, привалившись к перилам. Но, увидев меня, раздраженно махнула рукой:

– Нет, нет... оставьте меня. Мне надо немного побыть одной. Просто надо немного успокоиться. Прошу вас, возвращайтесь к остальным.

Я неохотно подчинился. Джон и Лоуренс зашли в столовую. Я присоединился к ним. Все мы долго молчали, но я решился нарушить молчание, задав, очевидно, интересовавший всех вопрос:

– А где мистер Инглторп?

Джон в недоумении покачал головой:

– По-моему, дома его нет.

Мы переглянулись. Так куда же подевался Альфред Инглторп? Его отсутствие казалось странно необъяснимым. Мне вспомнились последние слова умирающей миссис Инглторп. Что скрывалось за ними? Что еще она могла бы сказать нам, если бы у нее оставалось время?

Вскоре мы услышали, как доктора спускаются по лестнице. Доктор Уилкинс выглядел важным и напряженным, явно пытаясь скрыть странное возбуждение под напускным спокойствием. Доктор Бауэрштайн держался на заднем плане, выражение его мрачного бородатого лица не изменилось. Доктору Уилкинсу представилась возможность выразить их общее мнение.

– Мистер Кавендиш, – произнес он, обращаясь непосредственно к Джону, – мне нужно получить ваше согласие на посмертное вскрытие.

– Разве это так необходимо? – печально поинтересовался тот, скривившись от боли.

– Безусловно необходимо, – вставил доктор Бауэрштайн.

– Вы имеете в виду, что...

– Что в данных обстоятельствах ни доктор Уилкинс, ни я сам не можем выдать свидетельство о естественной смерти.

– В таком случае, – склонив голову, сказал Джон, – у меня нет иного выхода, кроме как согласиться.

– Благодарю вас, – оживленно произнес доктор Уилкинс, – мы предполагаем, что процедура произойдет завтра вечером... или, вернее, уже сегодня вечером, – добавил он, глянув на рассеявшийся ночной сумрак. – И учитывая все обстоятельства, боюсь, вряд ли удастся избежать некоторого дознания... Но прошу вас, не терзайте себя, просто таковы необходимые формальности.

После небольшой паузы доктор Бауэрштайн вытащил из кармана два ключа и передал их Джону.

– Это ключи от дверей двух смежных комнат. Сейчас я запер их, и, на мой взгляд, до прибытия официальных лиц их лучше не открывать.

Доктора удалились.

Я же обдумал одну идею и теперь почувствовал, что пора бы высказать ее. Однако, опасаясь негативной реакции, продолжал нерешительно медлить. Джон, как я понимал, крайне боялся любой огласки и, будучи беспечным оптимистом, предпочитал по возможности избегать любых трудностей. Его будет трудно убедить в благоразумии моего плана. Лоуренс, с другой стороны, будучи более консервативным и обладая богатым воображением, вполне мог бы стать моим союзником.

Вне всякого сомнения, в данный момент мне следовало проявить инициативу.

– Джон, хочу предложить вам кое-что, – осторожно произнес я.

– Что же?

– Вы помните, я рассказывал о моем друге, месье Пуаро?

– О том бельгийце, который прибыл сюда? Он ведь считался знаменитым детективом...

– Верно. Я хочу, чтобы вы позволили мне пригласить его сюда... расследовать это дело.

– Что... так сразу? До вскрытия?

– Именно, нельзя терять преимущества времени, если... если уж... совершено преступление.

– Какие глупости! – гневно вскричал Лоуренс. – На мой взгляд, этот Бауэрштайн просто выдумал черт знает что! Уилкинс ни о чем плохом не подумал, пока тот не настроил его. Но, как любой подобный эксперт, Бауэрштайн одержим навязчивой идеей. Он помешался на своих ядах, и, естественно, ему повсюду мерещатся отравления.

Признаюсь, меня удивило отношение Лоуренса. Учитывая, что он вообще крайне редко испытывал сильные эмоции.

Джон нерешительно помолчал.

– Не могу сказать, Лоуренс, что я готов согласиться с тобой, – наконец заявил он. – Я склонен предоставить Гастингсу свободу действий, хотя предпочел бы немного повременить. Ведь, возможно, нам удастся избежать скандала.

– Никакого скандала! – пылко воскликнул я. – вам совершенно нечего опасаться. Пуаро – сама осмотрительность, из него лишнего слова не вытянешь.

– Тогда отлично, поступайте как знаете. Даю вам карт-бланш. Хотя, если наши подозрения верны, то дело представляется вполне ясным. Прости меня, господи, если я в нем ошибаюсь!

Я глянул на свои часы. Стрелки подошли всего лишь к шести утра. Я решил, что медлить нельзя, но все-таки позволил себе задержаться минут на пять. Зайдя в библиотеку, я отыскал медицинский справочник, где описывались признаки отравления стрихнином.

Глава 4

Пуаро приступает к расследованию

Деревенский коттедж, где остановились бельгийцы, находился неподалеку от парковых ворот. Сокращая путь в деревню, домочадцы обычно пользовались луговой тропинкой, а не петляющей автомобильной дорогой. И мне, естественно, кратчайший путь показался более привлекательным. Я уже подходил к воротам, когда мое внимание привлекла бегущая мне навстречу фигура. Это был мистер Инглторп. Где же он пропал? Как, интересно, он объяснит свое отсутствие?

– Боже мой! – вскричал он, заметив меня. – Какой кошмар! Моя бедная жена! Мне только что сообщили...

– Где вы были? – прервал я его.

– Вчера вечером мы засиделись у Денби. Закончили дела уже около часа ночи. Тогда я обнаружил, что все-таки забыл ключ. Мне не хотелось никого будить, и Денби предоставил мне диван.

– И откуда же вы узнали новость?

– Уилкинс зашел к Денби и сообщил ему. Моя бедная Эмили! Она была такой самоотверженной... такой великодушной... И совершенно себя не щадила.

Меня окатила волна отвращения. Как же виртуозно он умел лицемерить!

– Я спешу, – сухо бросил я, с облегчением осознав, что он не поинтересовался, какое же у меня спешное дело.

Вскоре я уже стучался в дверь коттеджа Листуэйз. Не дождавшись никакой реакции, я сопроводил стук взволнованными возгласами. Окно на втором этаже осторожно приоткрылось, и оттуда выглянул сам Пуаро.

Увидев меня, он издал удивленное восклицание. В нескольких словах я сообщил ему о случившейся трагедии и попросил его о помощи.

– Подождите, друг мой, сейчас я впущу вас, и вы посвятите меня в подробности дела, пока я буду одеваться.

Через пару минут он открыл дверь, и я проследовал за ним в его комнату.

Устроившись в предложенном мне кресле, я пересказал ему всю историю, ничего не утаивая и не упуская ни малейшей, даже самой незначительной подробности, а он между тем с обычной тщательностью и сосредоточенностью совершал утренний туалет.

Я сообщил в том числе о моем ночном пробуждении, о последних словах миссис Инглторп, об отсутствии дома ее мужа, их вчерашней ссоре и о подслушанном мной обрывке разговора между Мэри и ее свекровью. Упомянул даже более раннюю ссору миссис Инглторп с Эвелин Говард, высказавшей свои нелюбезные подозрения.

Вряд ли рассказ мой прозвучал так логично, как мне хотелось. Несколько раз я повторялся, а иногда мне приходилось вставлять забытые детали.

Пуаро любезно улыбнулся, глянув на меня.

– Душа в смятении? Не так ли? Не спешите, *mon ami*. Вы слишком взволнованы, слишком потрясены... вполне естественно. Вскоре, успокоившись, мы выстроим все факты четко, в надлежащей последовательности. Мы все изучим... и отбросим несущественное. Все важное учтем, а пустяки... фью! – он состроил ангельскую мину и дунул, забавно раздув щеки, – они улетучатся сами собой!

– Прекрасный план расследования, но как вы сумеете вычислить, что важно, а что нет? – возразил я. – На мой взгляд, такое решение принять весьма сложно.

Пуаро энергично покачал головой. Он как раз с особым тщанием расчесывал свои щеголь-ские усы.

– Не так страшен черт... *Voyons!*^[5] Один факт указывает на другой... мы их связываем. Допустим, их связь логична. *À merveille!*^[6] Отлично! Можно двигаться дальше. Но, к примеру, очередной мелкий факт почему-то не согласуется с остальными. Вот это уже любопытно! Значит, чего-то не хватает, какое-то звено выпало из цепи. Мы исследуем все нюансы, проводим поиски. И тот мелкий любопытный факт – возможно, пустяковая, неучтенная мелкая деталь – встает на свое место! – Он торжествующе взмахнул рукой. – И тогда он становится существенным! Потрясающе важным!

– М-да, возможно... – неуверенно протянул я.

– Ах! – Пуаро так яростно погрозил мне пальцем, что я невольно спасовал. – Нельзя ничего упускать! Провал ждет детектива, который говорит: «Такой пустяк не имеет никакого значения. Он абсолютно не вяжется с остальными. Забудем о нем». Такой подход ведет к замешательству и путанице. В расследовании имеет значение любая мелочь.

– Я понимаю. Так вы мне обычно и говорили. Потому-то я и пустился описывать все подробности этой истории, какими бы незначительными они мне ни казались.

– Да, я доволен вами. У вас отличная память, и вы достоверно представили мне все факты. О порядке, в коем вы изложили их, лучше умолчать... честно говоря, он прискорбен! Но я принимаю во внимание ваше расстройство. К этому обстоятельству я отношу и то, что вы упустили и один крайне важный факт.

– Какой же?

– Вы не сообщили мне, хорошо ли миссис Инглторп ела вчера вечером.

Я удивленно уставился на него. Война, несомненно, повредила мыслительные способности моего славного друга. Разговаривая со мной, он продолжал тщательно чистить пиджак, и, казалось, это занятие полностью завладело его вниманием.

– Не припоминаю, – признался я, – но во всяком случае мне не понятно...

– Неужели вам не понятно? Ведь ее вчерашний ужин имеет первостепенное значение.

– Решительно не понимаю причин такой важности, – несколько раздраженно проворчал я. – Насколько я помню, ела она немного. Она пребывала в расстроенных чувствах, и у нее пропал аппетит. Вполне естественно, по-моему.

– Верно, – задумчиво произнес Пуаро, – именно естественно.

Открыв ящик комода, он достал свой кожаный рабочий баульчик и повернулся ко мне.

– Итак, я готов. Мы отправимся в усадьбу и изучим факты на месте. Простите, *top ami*, вы одевались в спешке и криво завязали галстук. Позвольте, я поправлю. – Не дожидаясь моего разрешения, он ловко перевязал его, сделав идеальный узел. – Вот так! *Ça y est!*^[7] Итак, не пора ли нам тронуться в путь?

Быстро оставив позади деревенскую улочку, мы вошли в ворота усадьбы. Пуаро немного помедлил, окинул печальным взглядом прекрасный большой парк, еще поблескивающий каплями утренней росы.

– Какая красота, дивная красота, и, увы, несчастные ее владельцы охвачены скорбью, потрясены горем, – изрек он, пронизательно глядя на меня, и я почувствовал, что невольно покраснел под его долгим пристальным взглядом.

Охвачено ли на самом деле скорбью здешнее семейство? Глубоко ли они скорбят о смерти миссис Инглторп? Я вдруг осознал, что атмосфере этого дома не хватало эмоциональной искренности. Покойница не обладала даром внушения любви. Ее кончина стала мучительным потрясением, однако никто не будет убиваться и посыпать голову пеплом.

Пуаро, похоже, прочел мои мысли и печально кивнул.

– Да, вы правы, – заметил он, – и не только потому, что они не связаны кровными узами. Она окружала братьев Кавендишей щедрой заботой, но все-таки оставалась для них неродной матерью. Кровное родство, разумеется, имеет важнейшее значение, не забывайте, оно сказывается на уровне подсознания.

– Пуаро, – сказал я, – мне хотелось бы, чтобы объяснили, почему вам так приспичило узнать, хорошо ли миссис Инглторп вчера отужинала? Я все раздумываю над вашими словами, но, хоть убейте, не могу понять, какое это имеет значение.

Мы двинулись по аллее, и, помолчав немного, он наконец сказал:

– Что ж, я согласен дать пояснения, хотя, как вам известно, не в моих привычках объяснять что-то до завершения расследования. На данный момент предполагается, что миссис Инглторп умерла от отравления стрихнином, вероятно, подсыпанным в ее кофе.

– Вероятно...

– Итак, в какое время подали кофе?

– Около восьми часов.

– Следовательно, она выпила его до половины девятого... то есть, очевидно, ненамного позже. Далее, стрихнин, несомненно, является быстродействующим ядом. Его воздействие сказывается очень скоро, вероятно, в течение часа. Однако в случае миссис Инглторп симптомы отравления не проявляли себя почти до пяти часов утра, то есть

порядка девяти часов! Однако плотный ужин, вскоре после которого человек принял яд, существенно замедляет процесс действия отравы, хотя вряд ли так надолго. Тем не менее возможно, этот факт надо учесть. Но, согласно вашим воспоминаниям, она мало ела за ужином, и все-таки симптомы отравления не проявились почти до утра! Вот что является подозрительным, друг мой. После вскрытия дело может проясниться. Но пока надо просто помнить об этой странности.

Мы подошли к дому, навстречу нам вышел Джон. Он выглядел усталым и осунувшимся.

– Чудовищная история, месье Пуаро, – сказал он. – Гастингс сообщил вам, что нам не хотелось бы никакой преждевременной скандальной огласки?

– Я всецело понимаю и поддерживаю вас в данном вопросе.

– Да, тем более что пока у нас есть одни подозрения. Никаких определенных фактов.

– Совершенно верно. Главное – соблюдать разумную осмотрительность.

Джон повернулся ко мне, достал портсигар и, прикуривая сигарету, спросил:

– Вы уже в курсе, что вернулся наш пропащий Инглторп?

– Да, я встретил его.

Джон отбросил спичку на ближайшую клумбу, и его небрежность явно пришлась не по душе аккуратному Пуаро. Он нашел обгоревшую спичку и аккуратно закопал ее.

– Чертовски трудно понять, как теперь вести себя с ним.

– Ну, эта трудность быстро разрешится, – успокоил его бельгиец.

Джон явно удивился, не вполне понимая последствия этих загадочных слов. Он вручил мне два ключа, переданных ему доктором Бауэрштайном.

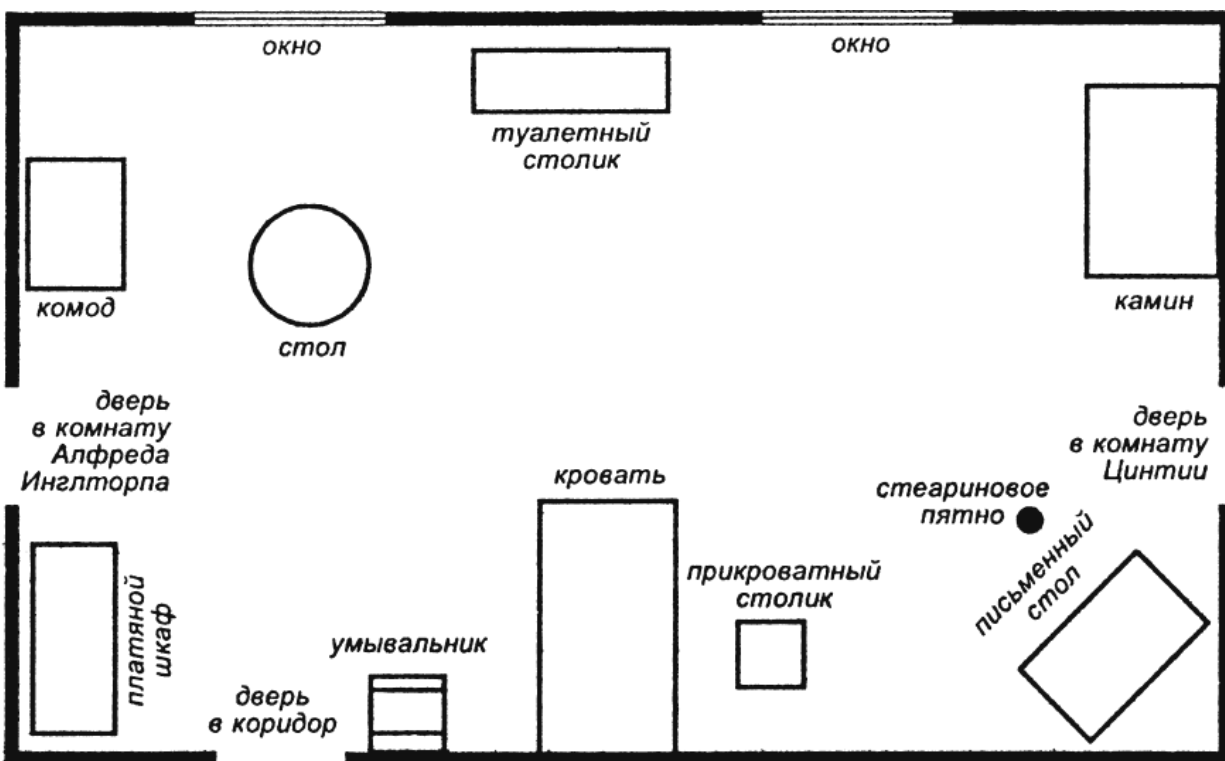
– Покажите месье Пуаро все, что он захочет увидеть.

– Так эти комнаты заперты? – спросил бельгиец.

– Доктор Бауэрштайн счел это целесообразным.

– Значит, у него не возникло никаких сомнений, – задумчиво кивнув, пробурчал Пуаро. – Что ж, это упрощает нам дело.

Мы вместе поднялись в комнату, где произошла трагедия. Для более ясного понимания я добавлю описание этой спальни и расположение основных предметов обстановки.

Пуаро запер дверь изнутри и приступил к доскональному осмотру места преступления. Его взгляд с живостью кузнечика перепрыгивал с предмета на предмет. Боясь уничтожить улики, я остался возле двери. Пуаро, однако, оценил мою предусмотрительность по-своему.

– Что это вы там застыли, друг мой! – воскликнул он и с запинкой прибавил: – Как-то... как это у вас говорится... Ах да, как баран перед новыми воротами?

Я пояснил, что боюсь уничтожить какие-то следы.

– Следы? Вот еще выдумки! В этой комнате уже побывала целая армия! Чьи же следы нам могут быть полезны? Нет уж, идите сюда и помогите моим поискам. Я оставлю пока здесь за ненадобностью свой баульчик.

Он поставил его на круглый столик возле окна, но, как выяснилось, поступил опрометчиво – столешница накренилась, и баул свалился на пол.

– *Eh voila une table!*^[8] – возмутился Пуаро. – Увы, друг мой, можно жить в роскошном доме, не имея, однако, при этом приличной мебели.

После этой печальной сентенции маленький бельгиец возобновил поиски.

Какое-то время он с интересом разглядывал на бюро пурпурный бювар с изящным ключом в замке. Вытащив ключ из замка, предложил его мне для осмотра. Я не увидел в нем, честно говоря, ничего особенного. Типичный ключ от американского замка Йейла^[9] с пропущенной через головку проволочкой.

Далее Пуаро обследовал коробку взломанной нами двери, убедившись, что она действительно была заперта на щеколду, а затем перешел к двери, ведущей в комнату Синтии. Щеколда этой двери, как я и говорил, тоже была задвинута. Тем не менее Пуаро решил проверить задвижку и несколько раз открыл и закрыл ее; причем старался проделать это совершенно бесшумно. Но что-то в самой этой щеколде, похоже, привлекло его внимание. Тщательно осмотрев задвижку, он ловко извлек из своего баульчика изящный пинцет, снял с засова какие-то волоски и запечатал их в пакетик.

На комодѣ стоял поднос со спиртовкой и установленным на ней ковшиком. В ковшике еще осталось немного темной жидкости, а рядом стояла чашка с блюдцем, из которой что-то пили.

Удивительно, как я мог быть столь невнимательным, чтобы не заметить их раньше. Ведь, вероятно, там обнаружится важная улика. Пуаро слегка коснулся пальцем остатков жидкости и осторожно попробовал ее.

– Какао, – поморщившись, сообщил он, – с добавлением... по моему... рома.

После чего его внимание привлекли осколки на полу возле перевернутого прикроватного столика. Помимо мелких осколков кофейной чашки, на полу еще валялись детали настольной лампы, спички, несколько книжек и связка ключей.

– Странно, – пробормотал Пуаро.

– Честно говоря, – хмыкнув, возразил я, – ничего странного я тут не вижу.

– Неужели? Обратите внимание на светильник: его ламповое стекло расколось всего на две части, и они лежат так же, как упали. Но кофейная чашка почему-то разбилась в мелкие дребезги.

– Что ж, допустим, – вяло предположил я, – кто-то случайно раздавил осколки.

– Именно, – загадочно произнес Пуаро, – кто-то раздавил осколки.

Он поднялся с колен, медленно подошел к каминной полке и, рассеянно разглядывая безделушки, начал выстраивать их в строгой симметрии – так Пуаро обычно поступал в моменты волнения.

– *Mon ami*, – наконец, повернувшись ко мне, заявил он, – кто-то раздавил осколки чашки, раздавил специально, либо потому, что в нее добавили стрихнин, либо – что гораздо существеннее – потому, что там не было никакого стрихнина!

Я предпочел промолчать. Вывод Пуаро привел меня в замешательство, но я понимал, что бесполезно добиваться от него объяснений.

Задумчиво помедлив, он наконец оживился и продолжил свои поиски. Поднял с пола связку ключей, повертел их в руках и наконец, выбрав самый блестящий и отполированный ключ, попытался вставить его в замочек бювара. Ключ подошел, и Пуаро открыл бювар, но после легкого колебания закрыл и опять запер его, а связку ключей наряду с тем ключом, что изначально находился в замке бювара, спрятал себе в карман.

– Я не имею права смотреть эти бумаги. Но это надо будет сделать незамедлительно!

Далее Пуаро тщательно изучил содержимое шкафчика над умывальником. Направляясь к расположенному в левой стороне окну, он вдруг остановился и начал с особой пристальностью разглядывать округлое пятно, еле заметное на поверхности темно-коричневого ковра. Опустившись на колени, бельгиец дотошно изучил пятно, даже принюхался к его запаху.

В итоге он налил немного какао в пробирку и тщательно закрыл ее пробкой. Спрятав пробирку в специальное отделение баула, извлек оттуда записную книжечку и произнес, быстро строча в ней что-то:

– Итак, мы обнаружили в этой комнате шесть интересных находок. Могу их перечислить, если вы не против...

– Ни в коей мере, – поспешно ответил я.

– Тогда прекрасно. Во-первых, раздавленная в пыль кофейная чашка; во-вторых, бювар с ключом в замке; в-третьих, пятно на ковре.

– Но оно ведь могло появиться гораздо раньше, – вставил я.

– Отнюдь, пятно еще немного влажное и пахнет кофе. В-четвертых, обрывки темно-зеленой ткани... всего пара ниточек,

но цвет легко определяется.

– Ах! – воскликнул я. – Так вот что вы спрятали в пакетик.

– Да. Хотя если эти нитки из платья самой миссис Инглторп, то вряд ли они представляют для нас интерес. Поживем – увидим. Пятая находка опять же представлена на полу, – выразительным жестом он показал на брызги свечного сала на ковре возле бюро. – Их, наверное, оставили вчера, иначе усердная горничная уже избавилась бы от них с помощью промокательной бумаги и горячего утюга. Однажды так же пострадала одна из моих лучших шляп... впрочем, не будем отвлекаться.

– Вполне вероятно, ковер случайно закапали прошедшей ночью. Все мы пребывали в жутком волнении. Или миссис Инглторп сама могла запачкать свечой ковер.

– Вы принесли сюда только одну свечу?

– Да. Подсвечник держал Лоуренс Кавендиш. И он жутко разволновался. Мне показалось, что он увидел вон там, – я показал на каминную полку, – нечто столь ужасное, что буквально оцепенел.

– Интересно, – быстро произнес Пуаро. – Да, это наводит на некоторые размышления, – его взгляд скользнул по стене над камином, – однако ту здоровенную кляксу оставила не его свеча, поскольку, как вы видите, пятно там от белой свечи, а месье Лоуренс любезно оставил нам на туалетном столике свою розовую свечу. С другой стороны, в спальне миссис Инглторп вообще нет подсвечников, только настольная лампа.

– Понятно, – промямлил я. – И какой вы делаете вывод?

Но мой друг отделался лишь досадным ответом, побуждая меня использовать мои собственные умственные способности.

– И какова же шестая находка? – поинтересовался я. – Вероятно, проба какао?

– Нет, – задумчиво произнес Пуаро. – Я мог бы включить ее в нашу интересную шестерку, но передумал. Нет, шестую находку я позволю себе пока не оглашать.

Он пробежал взглядом по спальне.

– Полагаю, нам здесь больше нечего делать, разве что... – Он склонился к камину и начал пристально разглядывать пепел в топке. – Да, огонь сделал свое дело... уничтожил бумагу. Но случайно могло... давайте-ка посмотрим!

Ловко опустившись на четвереньки, он начал разбирать кусочки пепла, с величайшей осторожностью выкладывая их на край решетки. Внезапно он тихо ахнул.

– Пинцет, Гастингс!

Я быстро передал ему инструмент, и он искусно извлек из топки полуобгоревший кусочек бумаги.

– Смотрите, *mon ami*! – вскричал он. – Что вы думаете об этом?

Я тщательно изучил клочок. Он явно имел отношение к какому-то документу...

[10]

Да, тут стоит поломать голову. Клочок был довольно толстым, резко отличавшимся от тонкой почтовой бумаги. И вдруг меня осенило.

– Пуаро! – вскричал я. – Это же остаток завещания!^[11]

– Именно так.

Я подозрительно глянул на него.

– Разве вы не удивлены?

– Нисколько, – серьезно ответил он, – как раз этого я и ожидал.

Получив от меня драгоценную находку, Пуаро уложил ее в пакетик с присущей ему по жизни методичностью и аккуратностью. Вихрь вопросов закружился в моей голове. Что это за таинственное завещание? Кто мог уничтожить его? Человек, заляпавший ковер белым стеарином? Очевидно. Но как он проник в спальню? Ведь все двери были заперты изнутри.

– Итак, друг мой, – оживленно произнес Пуаро, – уходим отсюда. Мне нужно бы задать несколько вопросов горничной... если не ошибаюсь, ее зовут Доркас.

Мы вышли через комнату Альфреда Инглторпа, и Пуаро задержался там для быстрого, но вполне всеобъемлющего осмотра. Выйдя в коридор, мы заперли его комнату так же, как заперли до этого спальню миссис Инглторп.

Я проводил Пуаро на первый этаж в будуар, который он выразил желание осмотреть, а сам отправился на поиски Доркас. Однако, вернувшись с ней, я обнаружил, что в будуаре уже никого нет.

– Пуаро, – воскликнул я, – где же вы?

– Я здесь, друг мой, – его голос доносился из-за застекленных дверей, выходящих в сад.

Бельгиец стоял там перед цветником с разнообразными ухоженными клумбами, очевидно, преисполненный восхищения.

– Восхитительно! – проворковал он. – Восхитительно! Какая симметрия... Взгляните на тот полумесяц и на эти ромбы, их точные формы радуют глаз. И расстояния между посадками также идеальны. Полагаю, цветы высадили тут совсем недавно?

– Да, по-моему, их высаживали вчера днем. Но возвращайтесь к нам, я привел Доркас.

– *Eh bien, eh bien!*^[12] Не сердитесь, что я позволил себе немного полюбоваться такой красотой.

– Всё в порядке, но у нас есть еще более важные дела.

– Почему же вы решили, что наши прекрасные бегонии менее важны?

Я молча пожал плечами. Когда он пребывал в таком настроении, спорить с ним не имело смысла.

– Так вы не согласны? Напрасно, иногда цветы могут многое рассказать... Итак, приступим к разговору с нашей славной Доркас.

Горничная стояла в будуаре, скрестив на груди руки; белоснежная форменная шапочка покрывала ее волнистые седые волосы, уложенные в строгую прическу. Она являла собой чопорный образец преданной и добропорядочной служанки.

Поначалу Доркас отнеслась к Пуаро с подозрением, но он быстро сумел завоевать ее расположение.

– Прошу вас, мадемуазель, присаживайтесь, – предложил он, подвигая к ней стул.

– Благодарю, сэр.

– Если не ошибаюсь, вы служили у миссис Инглторп много лет?

– Десять лет, сэр.

– Долгий срок для столь безупречной службы. Вероятно, вы сильно привязались к ней?

– Она была очень добра ко мне, сэр.

– Тогда, надеюсь, вас не затруднит ответить на несколько интересующих меня вопросов. Разумеется, я веду расследование с полного одобрения мистера Кавендиша.

– Да, конечно, сэр.

– Итак, для начала меня волнуют некоторые события вчерашнего дня. Насколько мне известно, вашу хозяйку вчера расстроила какая-то ссора?

– Да, сэр. Но не знаю, уместно ли мне... – Доркас нерешительно умолкла.

– Любезная Доркас, – проницательно взглянув на служанку, с убедительной мягкостью произнес Пуаро, – мне необходимо как можно полнее разобраться в ситуации, узнать все в мельчайших деталях. Даже не думайте о том, что вы выдаете хозяйские секреты. Ваша хозяйка умерла, и нужно выяснить все подробности, если мы хотим отомстить за нее. Ничто уже не вернет ее к жизни, но у нас есть надежда, если произошло убийство, отдать виновного в руки правосудия.

– Воистину так! – горячо поддержала его Доркас. – Ладно, не называя имен, могу сказать, что есть в этом доме один тип, которого все мы терпеть не можем! В злосчастный день, сэр, этот грешный проходимец переступил порог нашего дома...

Пуаро дал выплеснуться ее негодованию и спросил, вновь переходя на деловой тон:

– Так что вам известно о вчерашней ссоре? Во-первых, как вы узнали о ней?

– В общем, сэр, вчера мне случилось проходить через холл...

– В какое время?

– Не могу сказать точно, сэр, но до чая было еще далеко. Может, часа четыре или чуток позже. Значит, сэр, как я и говорила, мне случилось проходить по холлу, тогда-то я и услышала голоса, очень громкие и сердитые голоса. Я вовсе не собиралась подслушивать, но... В общем, я невольно остановилась. Дверь в будуар была закрыта, но я узнала резкий и громкий голос хозяйки и вполне четко услышала,

что она говорила. «Вы лгали, вы беспардонно обманывали меня», – заявила она. Мне не удалось разобрать, что именно ответил мистер Инглторп, он говорил гораздо тише, но она возмущенно ответила ему: «Как вы смеете? Я содержала вас, кормила и одевала! Вы обязаны мне всем! И вот как вы отблагодарили меня! Навлекли позор на наше имя!» И опять я не расслышала его ответа, а она продолжила: «Ваши оправдания ничего не изменят. Мне вполне понятно, как я должна поступить. Все уже решено. Не думайте, что меня остановит боязнь огласки или семейного скандала». Потом мне показалось, что они направились к двери, и я поспешила удалиться.

– Вы уверены, что узнали голос мистера Инглторпа?

– Ну да, сэр, кто же еще там мог быть?

– Хорошо, и что же произошло потом?

– Позднее я вернулась в холл, но все уже успокоилось. В пять часов миссис Инглторп вызвала меня колокольчиком и велела принести чашку чая – только чая, без сэндвичей – к ней в будуар. Хозяйка выглядела ужасно... огорченной и побледневшей. «Доркас, – сказала она, – я пережила страшное потрясение». «Очень жаль, мэм, – ответила я. – Надеюсь, после чашки ароматного горячего чая, мэм, вы почувствуете себя лучше». Она держала в руке какую-то бумагу. Не знаю, то ли письмо, то ли какой-то документ, но лист был исписан, и она читала его с таким видом, словно не могла поверить написанному. Точно забыв, что я еще в комнате, она прошептала: «Всего несколько слов... а мой мир перевернулся». А потом и говорит мне: «Никогда не верьте мужчинам, Доркас, они недостойны этого!» Быстро удалившись, я принесла ей чашку горячего крепкого чая, и она поблагодарила меня и сказала, что хороший чай, наверное, поможет ей успокоиться. А потом вдруг и говорит: «Ох, Доркас, не представляю, что мне теперь делать. Скандал меж супругами чреват громадными неприятностями. Я предпочла бы, по возможности, избежать огласки». Но в тот момент к нам присоединилась миссис Кавендиш, поэтому хозяйка больше ничего не сказала.

– А то письмо или документ все еще оставался у нее в руках?

– Да, сэр.

– Как вы думаете, что она могла с ним сделать потом?

– Ну, трудно сказать, сэр... может, убрала его в свой пурпурный бювар.

– Там она обычно хранила важные бумаги?

– Да, сэр. Она приносила его в будуар каждое утро и забирала в спальню по вечерам.

– Когда она потеряла ключ от бювара?

– Ой, она хватилась его вчера перед обедом, сэр, и попросила меня постараться отыскать его. Ее очень огорчила эта потеря.

– Но у нее ведь имелся запасной ключ?

– Ну да, сэр.

Доркас взирала на него с большим любопытством, так же как и я, честно говоря. Как он узнал о потерянном ключе?

– Не удивляйтесь, Доркас, – с улыбкой заметил Пуаро, – у меня профессиональная проницательность. Не этот ключ потерялся?

Он извлек из кармана ключ, вынутый из бювара в спальне миссис Инглторп.

От удивления у Доркас глаза полезли на лоб.

– Именно этот, сэр, точно. А где же вы нашли его? Я ведь повсюду искала.

– Ах, видите ли, сегодня он оказался совсем не в том месте, где был вчера... Теперь перейдем к другому вопросу: есть ли в гардеробе вашей хозяйки темно-зеленое платье?

Доркас, видимо, поразил столь неожиданный вопрос.

– Нет, сэр.

– Вы уверены?

– О да, сэр.

– А у кого в доме есть зеленое платье?

– У мисс Синтии, по-моему, я видела зеленое вечернее платье, – подумав, ответила Доркас.

– Светлое или темное?

– Светло-зеленое, сэр; вроде его называли шифоновым.

– Понятно, но это не то, что мне нужно... А у кого-нибудь еще есть какая-то зеленая одежда?

– Нет, сэр... не припомню, чтобы видела нечто подобное.

Пуаро не выказал никакого разочарования, лицо его оставалось бесстрастным.

– Ладно, забудем пока этот вопрос и пойдем дальше. Есть у вас какие-то причины полагать, что ваша хозяйка вчера вечером приняла снотворное?

– Только не вчера, сэ; я знаю, что вчера она никаких порошков не принимала.

– И почему же вы так уверены?

– Потому что в аптечке они закончились. Она взяла последний порошок из коробочки два дня тому назад и пока не успела заказать новые.

– Вы абсолютно уверены в этом?

– Определенно, сэ.

– Тогда ситуация проясняется!.. Кстати, ваша хозяйка не просила вас вчера подписать что-нибудь?

– Подписать документ? Нет, сэ.

– Вернувшись в дом вчера к вечеру, мистер Гастингс и мистер Лоуренс обнаружили, что ваша хозяйка пишет письма. Полагаю, у вас нет никаких идей по поводу того, кому они могли быть адресованы?

– К сожалению, нет, сэ. Вечером я уходила в гости. Возможно, Энни могла бы что-то подсказать вам, хотя она весьма легкомысленна. Даже чашки не помыла после вчерашнего вечернего кофе. Такое с ней бывает, если я не проверю, всё ли в порядке.

Пуаро всплеснул руками.

– Раз уж так случилось, то я прошу вас, Доркас, оставьте их еще ненадолго грязными. Мне необходимо осмотреть их.

– Хорошо, сэ.

– А когда вы ушли вчера вечером?

– После чая, около шести часов, сэ.

– Благодарю вас, Доркас, это все, о чем я хотел спросить вас. – Бельгиец встал и подошел к окну. – Меня восхитил ваш цветник с клумбами. Кстати, много ли садовников трудится в усадьбе?

– Только трое, сэ. Раньше, до войны, было пятеро, тогда сад содержался по высшему классу. Вот поглядели бы вы на него тогда, сэ... Красота была неземная. А теперь только старина Мэннинг да молодой Уильям, и еще одна новомодная садовница в штанах и прочих экстравагантных нарядах... Прости господи, ну и времена настали!

– Ничего, Доркас, хорошие времена еще вернуться. По крайней мере, мы надеемся на это. А сейчас, будьте добры, пришлите ко мне Энни.

– Конечно, сэ. Спасибо, сэ.

– Как вы узнали, что миссис Инглторп принимала снотворное? – с оживленным интересом спросил я, когда Доркас покинула будуар. – И о потерянном и запасном ключах?

– Давайте разберемся с вашими вопросами по очереди. – Пуаро вдруг показал мне картонную коробочку, в каких аптекари обычно продают порошки.

– Где вы нашли ее?

– В шкафчике над умывальником в спальне миссис Инглторп. Эта коробочка проходила в моем списке под номером шесть.

– Но, полагаю, она не имеет особого значения, раз последний порошок оттуда взяли два дня тому назад?

– Возможно, и не имеет, но разве вы не заметили ничего странного в этой коробочке?

– Нет, ничего особенного, – признался я, внимательно осмотрев ее.

– Обратите внимание на этикетку.

Я задумчиво прочел предписание:

– «Для миссис Инглторп. При необходимости принимать по одному порошку перед сном». Не вижу ничего необычного.

– Вас не удивил тот факт, что там нет имени аптекаря?

– Ах! – воскликнул я. – Конечно, вот в чем странность!

– Да, разве вы встречали когда-либо аптекаря, посылающего своим заказчикам такие коробочки с этикетками без подписи?

– Нет, такие мне не попадались.

Я воодушевился, но Пуаро охладил мой пыл, добавив:

– Однако объяснение может быть элементарным. Поэтому не обольщайтесь, друг мой.

Громкий скрип половиц свидетельствовал о приближении Энни, поэтому у меня не осталось времени на возражения.

Энни, миловидную рослую девицу, явно взволновала случившаяся в доме трагедия, однако к ее возбуждению примешивалось легкое злорадство.

Пуаро сразу приступил к допросу, взяв резкий деловой тон:

– Я послал за вами, Энни, полагая, что вы сможете рассказать мне кое-что о письмах, которые написала вчера миссис Инглторп. Сколько писем она написала? И, возможно, вы сообщите мне имена и адреса?

Энни погрузилась в воспоминания.

– Четыре письма, сэр. Одно предназначалось для мисс Говард, а второе – для мистера Уэллса, адвоката, хотя не помню, кому она написала другие два письма, сэр... ах, да, на третьем письме вроде бы стояло имя мистера Росса, нашего поставщика продуктов из Тэдминстера. А вот про последнее ничего не помню.

– Подумайте, – настаивал Пуаро.

Энни старательно морщила лоб, тщетно стараясь пробудить свою девичью память.

– Мне очень жаль, сэр, но больше ничего не удастся вспомнить. По-моему, я вообще не видела его.

– Это не так важно, – успокоил ее бельгиец, не выдав ни малейшего разочарования. – Теперь мне нужно спросить вас еще кое о чем. В спальне миссис Инглторп находится ковшик с остатками какао. Он появлялся там каждый вечер?

– Да, сэр, какао каждый вечер приносили к ней в спальню, и она сама подогревала ее ночью... когда ей вдруг вступало в голову такое желание.

– Из чего готовили напиток? Просто из какао?

– В общем, сэр, его сдабривали чайной ложкой сахара и двумя чайными ложками рома.

– И кто приносил ковшик в ее комнату?

– Я, сэр.

– Всегда только вы?

– Да, сэр.

– В какое время?

– Обычно когда заходила задернуть шторы, сэр.

– Вы поднимались к ней с ковшиком прямо из кухни?

– Нет, сэр, на газовой плите у нас не слишком много конфорок, поэтому кухарка готовила напиток заранее, перед тем как поставить овощное рагу для ужина. Сначала я обычно брала поднос с ковшиком и ставила его на стол возле вращающейся двери, а позже забирала и уже относила к ней в спальню.

– Вращающаяся дверь ведет в левое крыло дома?

– Точно, сэр.

– А тот стол находится снаружи или за дверью на людской стороне?

– Снаружи, сэр.

- И в какое время вы выставили туда напиток вчера вечером?
- По-моему, сэр, примерно в четверть восьмого.
- А когда перенесли его в спальню миссис Инглторп?
- Ну, когда отправилась закрывать окна, сэр. Около восьми часов.

И еще при мне миссис Инглторп тоже пришла в спальню.

– Значит, с четверти восьмого до восьми напиток стоял на раздаточном столе около двери в левое крыло?

– Да, сэр... – Лицо Энни становилось все краснее и вдруг она не выдержала и крикнула: – И если кто-то сыпанул туда соли, сэр, то я не виновата! Я никогда не оставляла солонку рядом с ее ковшиком.

– Почему вдруг вы подумали, что в напитке могла оказаться соль? – спросил Пуаро.

– Да уж, сэр, заметила потом эту соль на подносе.

– Вы заметили соль на вашем подносе?

– Ну да. Обычная крупная поваренная соль. Сначала-то я не видела ее, но когда забирала поднос со стола, чтобы идти в спальню хозяйки, то сразу и увидела. Может, следовало унести поднос обратно на кухню и попросить кухарку сделать новый напиток... Но из-за того, что Доркас ушла, я торопилась и понадеялась, что соль просыпали только на поднос, а в напиток ничего не попало... В общем, я просто смахнула соль передником и понесла поднос наверх.

Мне с огромным трудом удавалось сдерживать волнение. Сама того не сознавая, Энни предоставила нам важную улику. Как бы она изумилась, если бы узнала, что ее «крупная поваренная соль» оказалась стрихнином, одним из самых смертельных ядов, известных человечеству. Но меня также изумило спокойствие Пуаро. Его сдержанность была поразительна. Я с нетерпением ждал его следующего вопроса, но он разочаровал меня.

– Когда вы пришли в спальню миссис Инглторп, закрыта ли была дверь в комнату мисс Синтии?

– Ох! Ну да... сэр, она обычно всегда закрыта. Ее никогда и не открывали.

– А дверь в комнату мистера Инглторпа? Вы заметили, что она тоже была закрыта?

Энни нерешительно помолчала.

– Не могу сказать наверняка, сэр. Она, в принципе, тоже запиралась, но не знаю, была ли заперта вчера вечером.

– А заперла ли миссис Инглторп дверь за вами, когда вы ушли из спальни?

– Нет, сэр, видимо, она заперлась позднее. На ночь-то она обычно запиралась. То есть я имею в виду, запирала дверь в коридор.

– А когда вы вчера убирали в ее спальне, не заметили на ковре большого стеаринового пятна?

– Пятна от свечи? О нет, сэр. Миссис Инглторп вообще не пользуется свечами, только настольной лампой.

– Значит, если бы на ковре осталось такое пятно, то вы полагаете, что обязательно заметили бы его?

– Конечно, сэр, уж я бы наверняка вывела его горячим утюгом через промокательную бумагу.

Далее Пуаро повторил вопрос, который уже задавал Доркас:

– Ваша хозяйка когда-нибудь носила зеленое платье?

– Нет, сэр.

– А может быть, у нее имелась накидка или плащ, или... как это вы называете... спортивная куртка такого цвета?

– Ничего зеленого, сэр.

– И никто в доме не носил ничего зеленого?

– Нет, сэр, – немного подумав, ответила Энни.

– Вы уверены?

– Вполне уверена.

– *Bien!* Это все, что мне хотелось у вас узнать. Большое вам спасибо, мадемуазель.

С нервным смешком Энни развернулась и, скрипя половицами, удалилась.

Наконец мое сдерживаемое волнение прорвалось.

– Пуаро! – воскликнул я. – Поздравляю вас! Какое потрясающее раскрытие!

– Что вы имеете в виду под потрясающим раскрытием?

– Бросьте, отравили ведь вовсе не кофе, а какао. Это же все объясняет! Естественно, он не оказал воздействия почти до утра, поскольку она выпила его только посреди ночи.

– Так вы полагаете, что в какао – заметьте, Гастингс, именно в какао – подсыпали стрихнин?

– Ну конечно! Чем же еще могла оказаться та «соль» на подносе?

– Возможно, обычной солью, – невозмутимо ответил Пуаро.

Я раздраженно пожал плечами. Раз уж он предпочитал во всем сомневаться, то его не переспоришь. И вдруг, уже не в первый раз, мне пришла в голову мысль о том, как постарел бедняга Пуаро. Втайне я даже подумал, как мне повезло, что я успел пообщаться с ним в то время, когда его ум еще славился блестящей проницательностью и восприимчивостью.

Бельгиец наблюдал за мной, спокойно поблескивая глазами.

– Вы не согласны со мной, *мон ами*?

– Дорогой Пуаро, – сухо ответил я, – не мне навязывать вам свое мнение. Вы имеете право видеть все по-своему, так же как и я.

– Превосходное замечание, – подхватил Пуаро, проворно поднимаясь с кресла. – Итак, видимо, в этой комнате нам больше делать нечего. Кстати, чья это конторка там в углу?

– Мистера Инглторпа.

– Вот как! – Он попытался открыть выдвижную крышку. – Заперта. Но, возможно, нам поможет один из ключей связки миссис Инглторп... – Испробовав несколько разных ключей, он с опытным видом повертел каждым в замочной скважине и в итоге издал довольный возглас. – Вуаля! Ключ, конечно, не совсем тот, но в крайнем случае и он открывает этот замок.

Подняв крышку бюро, Пуаро мельком глянул на аккуратно сложенные бумаги. К моему удивлению, он не стал изучать их, а просто одобрительно хмыкнул и опять закрыл крышку.

– Положительно, этот мистер Инглторп весьма методичный человек, – заключил он.

Определение «методичный человек», по оценке Пуаро, являлось высшей похвалой, какой мог от него дожидаться любой из индивидуумов.

Мне опять показалось, что друг мой уже не тот, когда он вдруг бессвязно бросил:

– В его конторке не оказалось никаких почтовых марок, но ведь они могли быть там, верно, *мон ами*? Могли быть?.. Да, – его блуждающий взгляд прошелся по комнате, – этот будуар ничего нам больше не скажет. Не слишком продуктивно. Всего лишь одна находка.

Он вытащил из своего кармана помятый конверт и вручил его мне. Это оказался весьма любопытный документ. Простой грязноватый

старый конверт с какими-то, очевидно, случайно нацарапанными словами. К делу приложили его копию.

possessed
I am possessed

He is possessed

I am possessed

possessed

Глава 5

«Это ведь был не стрихнин, верно?»

– Где вы обнаружили это? – оживившись, поинтересовался я.

– В мусорной корзине. Вы узнаете почерк?

– Да, это рука миссис Инглторп. Но что означают эти каракули?

– Пока не знаю, – Пуаро пожал плечами, – но об этом стоит поразмыслить.

В голове у меня пронеслась безумная мысль. Может, миссис Инглторп слегка помешалась? Или ею овладела странная мания? И если так, то не могла ли она сама покончить с собой?

Я уже собирался поделиться с Пуаро моими версиями, но он отвлек меня, бодро воскликнув:

– Вперед, пора исследовать кофейные чашки!

– Дорогой Пуаро, к чему нам возиться с ними, если мы уже узнали о какао?

– О ля-ля! – небрежно бросил Пуаро. – Далось же вам то несчастное какао!

Он рассмеялся с явной радостью, в шутливом отчаянии вздев руки к небесам, что я невольно воспринял лишь как проявление на редкость дурного вкуса.

– И в любом случае, – заметил я с нарастающей холодностью, – миссис Инглторп сама отнесла кофе к себе в спальню, и я не понимаю, что вы рассчитываете найти, если только не подозреваете, что мы обнаружим на кофейном подносе пакетик стрихнина!

Лицо Пуаро мгновенно стало серьезным.

– Полноте, друг мой, – примирительно произнес он, беря меня под руку, – *ne vous fâchez pas!*^[14] Позвольте мне изучить кофейные чашки, и я не оставлю без внимания ваше какао. Вот так! Справедливая сделка?

Он выглядел до того комично, что я невольно рассмеялся, и мы вместе направились в гостиную, где со вчерашнего вечера остался неубранным кофейный поднос.

Пуаро заставил меня воспроизвести вчерашнюю сцену в гостиной, слушая очень внимательно и уточняя, где стояли чашки каждого

из участников кофейного десерта.

– Итак, миссис Кавендиш стояла около подноса и наливала кофе. Да. Потом она подошла к окну, где сидели вы с мадемуазель Синтией. Понятно. Здесь у нас три чашки. И еще одна – на каминной полке, недопитая, видимо, мистера Лоуренса Кавендиша. А чья же осталась на подносе?

– Джона Кавендиша. Я видел, как он поставил ее туда.

– Отлично. Одна, две, три, четыре, пять... но где же тогда чашка мистера Инглторпа?

– Он не пил кофе.

– Тогда число сходится. Минутку, друг мой...

С безграничной осторожностью он взял понемногу гущи из каждой чашки и, попробовав каждую на вкус, запечатал в отдельные пробирки. Его физиономия отразила странную перемену. Могу лишь сказать, что лицо его выражало как озадаченность, так и облегчение.

– *Bien!* – воскликнул он в итоге. – Это очевидно! У меня возникла одна идея, но теперь ясно, что я ошибался. Да, все-таки я ошибся. Однако это странно... Впрочем, не важно!

И с типичным для него легким пожатием плеч он выкинул из головы то, что беспокоило его. Я мог бы с самого начала сказать ему, что одержимость кофе заведет его в тупик, но тактично сдержался. В конце концов, пусть он постарел, но в свое время по праву считался великим детективом.

– Завтрак готов, – входя в гостиную, сообщил Джон Кавендиш. – Не желаете ли позавтракать с нами, месье Пуаро?

Тот, склонив голову, принял приглашение. Я пригляделся к Джону. Выглядел он уже практически как обычно. Ему плачевно не хватало воображения, в отличие от своего брата, имевшего его, пожалуй, сверх меры.

С раннего утра сегодня Джон усердно занимался делами, отправляя телеграммы – одна из первых полетела к Эвелин Говард – и составляя извещения для газет; в общем, исполнял печальные обязанности, которые всегда влечет за собой смерть близких.

– Позвольте спросить, как продвигаются ваши поиски? – поинтересовался он. – Расследование склоняет вас к мысли о естественной кончине моей матушки... или... или нам надо готовиться к худшему?

– Полагаю, мистер Кавендиш, – серьезно ответил Пуаро, – вы поступите разумно, не обольщаясь ложными надеждами. Не могли бы вы поделиться со мной мнениями других членов семьи?

– Мой брат Лоуренс убежден, что мы делаем из мухи слона. Он считает, что все указывает на обычный случай сердечной недостаточности.

– Вот, значит, как? Интересное мнение... весьма интересное, – тихо пробурчал Пуаро. – А миссис Кавендиш?

Лицо Джона слегка омрачилось.

– Понятия не имею, что думает по этому поводу моя жена, – вежливо, со сдержанной церемонностью ответил он и, пытаясь преодолеть щекотливый момент, неловко добавил: – Не помню, говорил ли я вам уже, что вернулся мистер Инглторп?

Пуаро склонил голову.

– Все мы сейчас находимся в неловком положении, – продолжил Джон. – Разумеется, приходится вести себя с ним как обычно, но, черт подери, как же отвратительно сидеть за одним столом с возможным убийцей!

– Я вас отлично понимаю, – кивнув, сочувственно произнес бельгиец. – Да, мистер Кавендиш, вы попали в сложнейшую ситуацию. Мне хотелось бы прояснить у вас один вопрос. Насколько я понимаю, мистер Инглторп не вернулся домой вчера вечером по причине того, что забыл ключ. Я прав?

– Да.

– И полагаю, вы не сомневаетесь, что он действительно забыл ключ... то есть не брал его с собой?

– Не знаю, что и сказать. Мне не пришло в голову проверить. Обычно ключи лежат в холле в ящике комода. Могу сейчас сходить и проверить...

– Нет, уже поздно, мистер Кавендиш, – махнув рукой, с легкой улыбкой сказал Пуаро. – Я уверен, что сейчас вы уже обнаружите там ключ. Если мистер Инглторп и брал его, то вполне мог успеть вернуть на место.

– Но неужели вы думаете...

– Я ничего не думаю. Однако, если бы кто-то случайно убедился в наличии ключа до его возвращения, то это могло бы стать ценным свидетельством в его пользу. Только и всего.

Джон выглядел озадаченным.

– Не беспокойтесь, – ободряюще добавил Пуаро, – я уверен, что вам нечего об этом даже думать. Давайте лучше пойдем завтракать, раз уже вы любезно пригласили нас.

Все уже собрались в столовой. В сложившихся обстоятельствах наша компания, естественно, выглядела безрадостно. Последствия потрясения обычно мучительны, и все мы, по-моему, так или иначе переживали их. Правила приличия и хорошее воспитание, естественно, предписывали нам вести себя с обычной сдержанностью, однако я невольно задумался, так ли уж трудно на самом деле домочадцам сохранять самообладание. Я не заметил покрасневших от слез глаз, не услышал тяжких вздохов, не увидел никаких признаков затаенной скорби. Видимо, я не ошибся, полагая, что более всего эта трагедия затронула чувства Доркас.

Я обошел вниманием Альфреда Инглторпа, который разыгрывал роль безутешного вдовца в манере, показавшейся мне отвратительно лицемерной. Интересно, догадался ли он, что мы подозреваем его? Несомненно, он не мог не сознавать такой возможности, как бы мы ни скрывали свои чувства. Не дрожал ли он втайне от страха – или же не сомневался, что это преступление сойдет ему с рук? Наверняка витавшая в столовой атмосфера подозрительности предупредила его о том, что к нему относятся настороженно.

Но все ли подозревают его? Непонятно, что думает миссис Кавендиш. Я заметил, как она села во главе стола – элегантная, спокойная, загадочная. В своем светло-сером платье с белыми кружевными манжетами, прикрывающими ее изящные руки, она выглядела очаровательно. При желании, однако, выражение ее лица в своей непостижимости могло бы превзойти самого сфинкса. За завтраком Мэри почти не разговаривала, едва открывала рот, но тем не менее я почувствовал, что каким-то странным образом незаурядная сила ее личности довлеет над всеми собравшимися.

А юная Синтия? Какие подозрения у нее? Она явно выглядела очень усталой, даже больной. В ее поведении определенно выражалась какая-то вялая подавленность. Я спросил, не заболела ли она, и получил честный ответ:

– Да, у меня голова раскалывается.

– Не желаете ли еще кофейку, мадемуазель, – заботливо предложил Пуаро, – он взбодрит вас. Этот напиток бесподобно снимает... – он замялся, подыскивая английское слово и в итоге закончил по-французски: – *Mal à la tête*^[15].

Встав из-за стола, бельгиец взял у нее пустую чашку.

– Без сахара, – вяло обронила Синтия, заметив, что он поднял щипчики для сахара.

– Совсем несладкий? Вы не думаете, что в данном случае можно отбросить привычки военного времени?

– Нет, просто я никогда не пью сладкий кофе.

– *Sacre!*^[16] – пробурчал себе под нос Пуаро, возвращая наполненную чашку.

Только я расслышал его бурчание и, с любопытством взглянув на моего маленького друга, увидел, что на лице его отразилось сдержанное волнение, а позеленевшие, точно у кошки, глаза сверкнули потаенным огнем. Похоже, его сильно заинтересовало что-то увиденное или услышанное, но что же именно? Я не отношу себя к тупицам, однако должен признать, что пока ничего особенно не привлекло моего внимания.

Через минуту открылась дверь и в столовой появилась Доркас.

– Сэр, к вам пришел мистер Уэллс, – сообщила она Джоню.

Я вспомнил, что так звали адвоката, которому миссис Инглторп как раз вчера отправила письмо.

Джон мгновенно поднялся из-за стола.

– Проводите его в мой кабинет, – ответил он Доркас и, взглянув на нас с Пуаро, пояснил: – Адвокат моей матери. Видите ли, он также занимает должность коронера, – понизив голос, добавил он. – Возможно, вы пожелаете присоединиться к нам?

Молча приняв его предложение, мы вышли вслед за ним из столовой. Уверенно шагая к кабинету, Джон немного опередил нас, и я, улучив момент, шепотом спросил Пуаро:

– Значит, будет расследование?

Бельгиец рассеянно кивнул. Казалось, он поглощен глубокими размышлениями; что значительно подогрело мое любопытство.

– В чем дело? Похоже, вы меня не слушаете.

– Это правда, друг мой. Я крайне обеспокоен.

– Чем же?

- Тем, что мадемуазель Синтия не пьет кофе с сахаром.
- Что? Уж не шутите ли вы?
- Увы, я более чем серьезен... Ах, я пока не могу понять одну странность. Но интуиция не подвела меня.
- При чем тут ваша интуиция?
- Интуиция заставила меня проверить кофейные чашки... *Chut!*^[17]

Потом поговорим.

Джон пропустил нас в кабинет и плотно закрыл дверь.

Мистер Уэллс, располагающий к себе мужчина среднего возраста, обладал пронизательным взглядом и типичной для адвокатов напыщенностью. Джон представил нас обоим и объяснил причину нашего присутствия.

– Вы же понимаете, Уэллс, – добавил он, – что все это строго конфиденциально. Мы пока надеемся, что вскоре вообще отпадет нужда в расследовании.

– Вполне, вполне понимаю, – успокаивающе произнес мистер Уэллс. – И мне тоже хотелось бы, чтобы мы с вами избежали мучительной огласки дознания, но, разумеется, оно станет неизбежным, если мы не получим убедительного заключения о естественной смерти.

– Да, видимо, вы правы.

– Бауэрштайн, знаете ли, слывет большим ученым. Весьма авторитетным, полагаю, в области токсикологии.

– Несомненно, – с долей напряженности согласился Джон и, помедлив, неуверенно добавил: – То есть нам придется предстать в роли свидетелей... я имею в виду, всем нашим домочадцам?

– Да, конечно... и м-да... э-э... и мистеру... э-э... Инглторпу.

Последовала выразительная пауза, после чего адвокат продолжил в своей успокаивающей манере:

– Любые другие свидетельства будут взяты просто для подтверждения, это чисто формальная процедура.

– Понятно.

На лице Джона слабо отразилось облегчение. Оно озадачило меня, поскольку я не видел для этого никаких причин.

– Если у вас не будет никаких возражений, – добавил мистер Уэллс, – я предложил бы повременить до пятницы. Тогда мы уже

наверняка получим отчет медэксперта. По-моему, вскрытие собирались сделать сегодня вечером?

– Да.

– Тогда, видимо, вас устроит мое предложение?

– Отлично устроит.

– Нет необходимости, мой дорогой Кавендиш, говорить вам, как сам я опечален этим прискорбным событием.

– А не могли бы вы, месье, оказать небольшую помощь в прояснении одного вопроса? – вставил Пуаро, впервые со времени появления в кабинете подав голос.

– Я?

– Да, нам сообщили, что вчера вечером миссис Инглторп написала вам письмо. Вы, должно быть, получили его с утренней почтой?

– Получил, но оно вам ничем не поможет. Это просто записка с просьбой навестить ее нынче утром, она хотела посоветоваться со мной о каком-то крайне важном деле.

– А она не намекнула, с чем связано это дело?

– К сожалению, нет.

– Жаль, – сказал Джон.

– Да, очень жаль, – озабоченно поддержал его Пуаро.

Молчание затягивалось. Бельгиец погрузился в какие-то размышления. Но через пару минут он вновь обратился к адвокату:

– Мистер Уэллс, мне хотелось бы спросить вас об одном деле... то есть если это не противоречит профессиональной этике. Кто унаследует деньги миссис Инглторп в случае ее кончины?

После минутного колебания адвокат заметил:

– Эти сведения очень скоро будут оглашены, поэтому, если не возражает мистер Кавендиш...

– Определенно не возражаю, – прервал его Джон.

– Тогда я не вижу причин для уклонения от ответа на ваш вопрос. Согласно последнему завещанию, датированному августом прошлого года, миссис Инглторп завещала все свое состояние своему приемному сыну, мистеру Джону Кавендишу, не считая разных мелких выплат слугам и прочим домочадцам.

– А не является ли это – простите за этот вопрос, мистер Кавендиш, – весьма несправедливым по отношению к ее второму приемному сыну, мистеру Лоуренсу Кавендишу?

– Нет, я так не думаю. Видите ли, по условиям завещания их отца после смерти приемной матери Джон унаследует недвижимость, а Лоуренс получит значительную сумму денег. Миссис Инглторп оставила свое состояние старшему приемному сыну, понимая, что ему придется содержать усадьбу. На мой взгляд, это очень справедливое и объективное распределение.

– Это ясно, – задумчиво произнес Пуаро, – но правильно ли я понимаю, что по вашим английским законам такое завещание автоматически отменяется в случае нового замужества миссис Инглторп?

– Я как раз собирался добавить, месье Пуаро, что тот документ на данный момент утратил свою законную силу.

– *Hein!*^[18] – воскликнул тот и, подумав немного, спросил: – А осознавала ли сама миссис Инглторп этот факт?

– Не знаю. Возможно, и осознавала.

– Она все знала, – неожиданно заявил Джон. – Мы как раз вчера обсуждали вопрос о том, что брак отменяет более ранние завещания.

– М-да. Тогда возникает еще один вопрос, мистер Уэллс. Вы сказали «согласно последнему завещанию». Не значит ли это, что миссис Инглторп оставляла иные, более ранние завещания?

– В среднем она составляла новое завещание по меньшей мере раз в год, – невозмутимо ответил Уэллс. – У нее имелась склонность менять завещательные распоряжения, по-разному назначая размеры пожертвований и выплат своим родственникам.

– Допустим, – сказал Пуаро, – что, не поставив вас в известность, она написала новое завещание в пользу человека, не являющегося членом семьи в любом смысле этого слова... ну, к примеру, в пользу мисс Говард. Вас удивило бы наличие такого документа?

– Ни в коей мере.

– Ясно. – Пуаро, видимо, исчерпал свои вопросы.

Джон начал обсуждать с адвокатом какие-то вопросы, связанные с документами миссис Инглторп, а я подсел поближе к Пуаро и тихо спросил:

– Неужели вы думаете, – с любопытством спросил я, понизив голос, – что миссис Инглторп написала новое завещание, оставив все свои деньги мисс Говард?

– Нет, – улыбнувшись, ответил бельгиец.

– Тогда зачем же вы привели ее в пример?

– Тише!

Джон Кавендиш, подняв голову от бумаг, обратился к Пуаро:

– Не желаете ли вы, месье, пойти с нами? Мы просматриваем документы моей матери. Мистер Инглторп готов предоставить решение всех вопросов мистеру Уэллсу и мне.

– Что значительно упрощает дело, – проворковал адвокат. – Поскольку формально, конечно, он имеет право... – Он не закончил, сознавая, что все и так его поняли.

– Мы хотим начать с ее письменного стола в будуаре, – пояснил Джон, – а потом подняться в ее спальню. Наиболее важные документы она хранила в пурпурном бюваре, и мы должны внимательно изучить их.

– Согласен, – поддержал его адвокат, – вполне возможно, что там обнаружится новое завещание, написанное позднее того, что имеется в моем распоряжении.

– Да, более позднее завещание имеется, – произнес Пуаро.

– Что? – Джон и адвокат потрясенно взглянули на него.

– Или, точнее, – преспокойно продолжил мой друг, – оно существовало.

– Что значит «существовало»? Где же оно сейчас?

– Сгорело.

– Сгорело?

– Да. Взгляните сюда. – Он извлек обгоревший клочок, найденный нами в камине спальни миссис Инглторп, и вручил его адвокату, кратко пояснив, где и когда он нашел его.

– Но, возможно, это было какое-то старое завещание?

– Я так не думаю. Более того, я почти уверен, что его написали не далее как вчера днем.

– Что? Невероятно! – одновременно вырвалось у обоих мужчин.

Пуаро взглянул на Джона.

– Я докажу вам это, если вы пошлете за вашим садовником.

– Ну, разумеется... однако не понимаю...

Подняв руку, Пуаро вынудил его замолчать и предложил:

– Сделайте, как я прошу. А потом можете спрашивать все, что пожелаете.

– Отлично. – Джон позвонил в колокольчик.

Вскоре, как положено, появилась Доркас.

– Доркас, попросите, пожалуйста, Мэннинга зайти сюда, чтобы поговорить со мной.

– Слушаюсь, сэр. – Служанка удалилась.

Ожидание проходило в напряженном молчании. Лишь Пуаро выглядел абсолютно спокойным. Придирчиво взглянув на книжную полку, он смахнул оставленную в углу пыль.

Тяжелая поступь подбитых гвоздями башмаков по гравиевой дорожке возвестила о приближении Мэннинга. Джон вопросительно глянул на Пуаро. Последний кивнул.

– Заходите, Мэннинг, – пригласил Джон. – Мне нужно поговорить с вами.

Медленно и робко садовник вошел из сада в кабинет через застекленные двери и остановился на почтительном расстоянии. Стащив с головы шляпу, он нервно мял ее в руках. Спина его сильно сгорбилась, хотя, вероятно, он выглядел старше своих лет, а его смысленные и пронизательные глаза противоречили медлительной и весьма осторожной манере разговора.

– Мэннинг, – сказал Джон, – мне нужно, чтобы вы ответили на несколько вопросов, которые задаст вам этот господин.

– Ясное дело, сэр, – пробурчал садовник.

Пуаро живо выступил вперед. Скользящий по нему взгляд Мэннинга отразил легкое пренебрежение.

– Вы ведь вчера днем высаживали бегонии на клумбе с южной стороны дома, не так ли, Мэннинг?

– Да, сэр, мы с Уиллом.

– А миссис Инглторп подошла к окну и позвала вас, верно?

– Да, сэр, позвала.

– Расскажите мне попросту, что именно произошло потом.

– Ну, в общем, сэр, ничего особенного. Она просто попросила Уилла съездить на велосипеде до деревни и привезти какую-то форму для завещания, или что-то в таком роде... я точно не знаю... она записала ему нужные слова на бумажке.

– И что же дальше?

– В общем, он так и сделал, сэр.

– А что произошло потом?

– Мы опять отправились сажать бегонии, сэр.

– Разве миссис Инглторп не позвала вас снова?

– Позвала, сэр, хозяйка позвала и меня, и Уилла.

– Зачем же?

– Она предложила нам зайти прямо к ней в комнату и поставить наши имена под каким-то длинным документом... там еще стояла ее подпись.

– А вы видели, что было написано над ее подписью? – резко спросил Пуаро.

– Нет, сэр, там лежала промокашка.

– И вы просто подписали там, где она велела вам?

– Да, сэр, сначала я, а потом и Уилл.

– И что же она сделала после этого?

– Ну, сэр, она сложила бумагу, сунула ее в длинный конверт и убрала в какую-то красную папку, что лежала у нее на столе.

– В какое время она первый раз позвала вас?

– Да вроде около четырех, сэр.

– Не раньше? Не могло ли это случиться около половины четвертого?

– Нет, сэр, вроде нет. Скорее уж чуток позже четырех, а не раньше.

– Благодарю вас, Мэннинг, больше у меня нет вопросов, – любезно произнес Пуаро.

Садовник глянул на своего хозяина; увидев, что Джон молчаливым кивком отпустил его, он отдал своеобразную честь, приложив палец ко лбу, что-то тихо пробурчал и осторожно удалился в сад по своим же следам.

Мы обменялись взглядами.

– О боже! – глухо простонал Джон. – Какое странное совпадение.

– В чем же тут... совпадение?

– Что моя мать надумала написать завещание именно в день своей смерти!

– А вы уверены, Кавендиш, – прочистив горло, сухо спросил мистер Уэллс, – что это совпадение?

– Что вы подразумеваете?

– Ваша мать, как мне сказали, вчера днем имела бурный разговор... с кем-то...

– О чем вы говорите? – снова вскричал Джон. Он сильно побледнел, а в его голосе проявилась предательская дрожь.

– В результате того конфликта ваша мать внезапно поспешила составить новое завещание. Но его содержание мы, видимо, никогда не узнаем. Она никому не сообщила о его положениях. Сегодня утром, несомненно, миссис Инглторп хотела проконсультироваться со мной по этому поводу... но ей не дали шанса. Само завещание исчезает, и она уносит его тайну в могилу. Кавендиш, боюсь, ни о каком совпадении не может быть и речи. И месье Пуаро, я уверен, согласится, что эти факты наводят на серьезные размышления.

– К чему бы ни привели эти размышления, – подхватил Джон, – мы весьма благодарны месье Пуаро за то, что он пролил нам свет на это дело. Полагаю, вы не сможете ответить мне, месье, что именно навело вас на мысль о завещании?

– Каракули на старом конверте, – с улыбкой ответил Пуаро, – и свежие посадки на клумбе бегоний.

Джон, по-моему, предпочел бы продолжить разговор, но в этот момент с улицы донеслось громкое ворчание мотора, и все мы, обернувшись к окну, увидели подъехавший к главному входу автомобиль.

– Эви! – воскликнул Джон. – Простите меня, Уэллс.

Он торопливо вышел в холл.

Пуаро заинтригованно глянул на меня.

– Мисс Говард, – пояснил я.

– Ах, как я рад, что она приехала, – откликнулся он. – Женщины, Гастингс, бывают тоже умными и восприимчивыми. Хотя, по господнему произволу, порой и обделены красотой.

Я последовал примеру Джона и вышел в холл, где мисс Говард старалась выпутаться из плотных слоев вуали, покрывающих ее голову. Заметив брошенный на меня взгляд, я внезапно испытал мучительное чувство вины. Ведь эта женщина так настоятельно просила меня приглядеть за миссис Инглторп, а я, увы, пропустил ее просьбы мимо ушей! Как же быстро и как пренебрежительно я выбросил из головы ее слова... И вот теперь, когда она оказалась столь трагически права, я устыдился своего легкомыслия. Видимо, она отлично знала, что представляет собой Альфред Инглторп. Интересно, произошла бы у нас трагедия, если бы она осталась в Стайлзе, или злодей испугался бы ее бдительных глаз?

Я вздохнул с облегчением, когда она приветствовала меня своим хорошо запомнившимся мне болезненно-крепким рукопожатием. В ее печальном взгляде, хвала Господу, не таилось упрека; покрасневшие глаза выдавали, что Эви дала волю слезам, но в целом она не изменила привычному, грубовато-резкому и лаконичному стилю общения.

– Выехала, как только получила телеграмму. Едва вернулась с ночного дежурства. Взяла напрокат машину. Быстрее сюда не добраться.

– Эви, вы успели позавтракать? – спросил Джон.

– Нет.

– Я так и думал. Пойдемте, стол еще накрыт, и для вас заварят свежий чай. – Он оглянулся на меня. – Будьте любезны, Гастингс, позаботьтесь о ней. Меня еще ждет Уэллс... Ах да, Эви, позвольте представить вам месье Пуаро. Вы понимаете, он помогает нам.

Пожимая руку Пуаро, Эви подозрительно смотрела через его плечо на Джона.

– Что значит помогает, в чем?

– Помогает нам провести расследование.

– Нечего тут расследовать. Разве его еще не арестовали?

– Кого арестовали?

– Как кого? Альфреда Инглторпа, конечно!

– Эви, дорогая, не стоит делать скоропалительных выводов. По мнению Лоуренса, наша мать умерла от сердечной недостаточности.

– Ну и дурак ваш Лоуренс! – парировала мисс Говард. – Безусловно, бедняжку Эмили убил Альфред Инглторп... сколько уж раз я вам повторяла, что он способен на любую подлость?

– Не надо так кричать, дорогая Эви. Наши мысли и подозрения пока лучше оставить при себе. Дознание назначено только на пятницу.

– А до этого будем молоть всякий вздор! – Презрительная усмешка мисс Говард выглядела на редкость впечатляюще. – Похоже, вы все тут ополоумели. Да к пятнице этот тип уже смоемся из Англии! Если у него есть хоть капля ума, то он не станет покорно ждать, пока его здесь повесят.

Джон Кавендиш беспомощно взглянул на нее.

– Я понимаю, что происходит, – запальчиво заявила она, – вы наслушались докторов. Нельзя их слушать. Что они могут понимать? Ничегошеньки... и уже одного этого достаточно, чтобы понять,

насколько они опасны. Мне ли их не знать, мой отец тоже врачевал... А такого невероятного глупца, как ваш коротышка Уилкинс, я еще в жизни не встречала. Сердечная недостаточность! Именно что-то в таком роде он и мог сказать. Любой разумный человек сразу понял бы, что ее отравил муж. Я всегда говорила, что он прикончит ее, бедняжку, в собственной постели. И вот, пожалуйста, он осуществил свой коварный план. А вы только и можете, что бубнить всякие глупости про сердечную недостаточность да уповать на пятничное дознание... Вам должно быть стыдно, Джон Кавендиш.

– А что же, по-вашему, мне следует сделать? – поинтересовался Джон, не сумев скрыть вялой улыбки. – Черт побери, Эви, не могу же я взять его за шиворот и оттащить в местный полицейский участок.

– Ну, кое-что все-таки можете. Выяснить, допустим, как он исхитрился отравить ее. У этого мерзавца изощренный ум. Может, он воспользовался ядом с липучек от мух... Надо узнать у кухарки, не пропало ли чего из ее хозяйства.

Мне вдруг с неотвратимой определенностью представилось, что устройство мирного сосуществования мисс Говард и Альфреда Инглторпа под одной крышей, вероятно, будет задачей, по сложности сравнимой с подвигами Геракла, и тогда я не позавидовал Джону. По выражению его лица я догадался, что он тоже вполне оценил трудности ситуации. Однако на данный момент Кавендиш предпочел спастись бегством и стремительно удалился.

Доркас принесла свежесваренный чай. После ее ухода Пуаро отошел от окна и присел за стол напротив мисс Говард.

– Мадемуазель, – сдержанно произнес он, – вы позволите поговорить с вами?

– Говорите, – ответила эта дама, неприязненно глянув на него.

– Могу ли я рассчитывать на вашу помощь?

– Я охотно помогу вам повесить Альфреда, – мрачно бросила она, – хотя виселица слишком слабое наказание для него. Этого убийцу следовало бы выпотрошить и четвертовать, как в добрые старые времена.

– Тогда наши цели совпадают, – заметил Пуаро, – поскольку я тоже стремлюсь предать преступника казни.

– Альфреда Инглторпа?

– Его или кого-то другого.

– Никого другого и быть не может. Пока этот прощельга не появился тут, никто и не думал убивать бедняжку Эмили. Не скажу, что ее не окружали зубастые вымогатели... окружали. Но они охотились только за ее деньгами. А жизнь ее оставалась в безопасности. Но вот появляется мистер Альфред Инглторп... и буквально через пару месяцев – вуаля!

– Поверьте мне, мисс Говард, – с особой убедительностью произнес Пуаро, – если убийство совершил мистер Инглторп, то, честное слово, я обеспечу ему виселицу не менее впечатляющую, чем то дерево, на котором повесили Амана!^[19]

– Так-то лучше, – воодушевляясь, бросила мисс Говард.

– Но я должен попросить вас довериться мне. Сейчас ваша помощь может оказаться весьма ценной. И я скажу вам причину. Так вот, причина в том, что, хотя в этом доме царит траурное настроение, только ваши глаза покраснели от слез.

Мисс Говард моргнула от удивления, и в ее грубоватом голосе проявился новый оттенок.

– Вы правы, если намекаете на то, что я любила ее... Понимаете, по-своему Эмили была эгоистичной особой. Она щедро оказывала благодеяния, но далеко не бескорыстно. Она не позволяла благодетельствованным забывать о ее щедротах, но из-за этого теряла их любовь. Впрочем, не думаю, что сама она осознавала это или же страдала от недостатка любви. Во всяком случае, надеюсь, что не страдала. Я же поступила сюда на других условиях. С самого начала я твердо определила свою позицию. «За мои услуги вы будете платить столько-то фунтов в год. И больше никаких подачек... не надо мне ни перчаток, ни билетов в театр – в общем, никаких подарков». Она не поняла меня... порой даже обижалась. Называла меня глупой гордячкой. Гордость тут ни при чем, но я не сумела объяснить ей свои мотивы. Короче, я сохранила чувство собственного достоинства. И потому, в отличие от всей этой своры, только у меня не было повода не любить ее. Я заботилась о ней. Защищала от их алчных притязаний, а потом появился этот пронырливый мерзавец, и – фьють! – мои многолетние заботы пошли прахом.

– Я понимаю вас, мадемуазель, – Пуаро сочувственно кивнул, – отлично понимаю ваши чувства. Они вполне естественны. Вам кажется,

что мы тут зря прохлаждаемся, что нашим действиям не хватает рвения, но поверьте мне, это не так.

В этот момент появился Джон и пригласил нас с Пуаро подняться в спальню миссис Инглторп, поскольку они с мистером Уэллсом уже закончили изучать бумаги в столе будуара.

Когда мы поднимались по лестнице, Джон оглянулся на дверь столовой и, понизив голос, произнес:

– Кошмар... Как вы думаете, что произойдет, когда эти двое встретятся?

Я удрученно покачал головой.

– Я уже попросил Мэри постараться по возможности держать их подальше друг от друга.

– Вы думаете, она справится?

– Одному богу известно. Остается надеяться, что сам Инглторп не горит желанием столкнуться с ней.

– Ключи еще у вас, не так ли, Пуаро? – спросил я, когда мы подошли к запертой двери спальни.

Взяв у бельгийца ключ, Джон открыл дверь, и мы вошли внутрь. Адвокат направился прямо к столу, и Джон последовал за ним.

– Полагаю, самые важные бумаги моя мать хранила в этом бюваре, – заметил он.

Пуаро вытащил небольшую связку ключей.

– Позвольте мне, – сказал он. – На всякий случай я запер его нынче утром.

– Но бювар уже открыт.

– Невозможно!

– Смотрите, – сказал Джон, спокойно поднимая крышку.

– *Mille tonnerres!*^[20] – ошеломленно воскликнул Пуаро. – Как глупо... зачем же я таскал в кармане эти ключи!

Он бросился к бювару и, взяв его в руки, вдруг точно оцепенел.

– *En voilà une affaire!*^[21] Замок-то взломали.

– Что?

Пуаро положил бювар на стол.

– Но кто взломал его? И зачем? Когда? И как? Ведь дверь-то была заперта! – в смятении восклицал каждый из нас.

Пуаро отвечал нам практически машинально, но твердо:

– Кто? Хороший вопрос. Зачем? Ах, хотелось бы мне знать. Когда? Я запер бювар всего час тому назад. А что до запертой коридорной двери, то в ней самый простой замок. Вероятно, он открывается практически любым другим дверным ключом.

Мы беспомощно переглядывались друг с другом. Пуаро перешел к камину. Лицо его выглядело спокойно, но я заметил, как сильно подрагивали его руки, когда в силу давней привычки он машинально начал выравнять ряд вазочек на каминной полке.

– Послушайте, дело, по-моему, было так, – наконец нарушил он молчание. – В этом бюваре лежало нечто важное, какая-то улика, незначительная по сути, но тем не менее достаточно веская, чтобы связать нашего убийцу с преступлением. Для него было жизненно важно уничтожить улику прежде, чем кто-то успеет обнаружить и оценить ее значение. Поэтому он пошел на риск, большой риск, и проник сюда. Обнаружив, что бювар заперт, он был вынужден взломать его и тем самым выдал свое присутствие. Раз уж он решился на такой риск, значит, в бюваре хранилось нечто весьма опасное для него.

– Но что?

– Ах! – раздраженно взмахнув рукой, бросил Пуаро. – Этого как раз я не знаю. Какой-то документ, несомненно; возможно, тот самый листок бумаги, что Доркас видела у нее в руках вчера днем. А я... – его раздражение наконец выплеснулось, – какой же я жалкий, щепетильный болван! Я ни о чем не подозревал! Повел себя как идиот! Мне не следовало оставлять тут бювар без присмотра. Следовало забрать его с собой... Нет, троекратный дурак, безмозглая ищейка! И вот теперь улика пропала. Ее уничтожили... или не уничтожили? Может, есть еще шанс? Мы должны использовать любую возможность и...

В каком-то безумном порыве он вылетел из комнаты, а я, слегка опомнившись, последовал за ним. Но, выйдя из коридора, обнаружил, что Пуаро уже и след простыл.

На развилке лестницы стояла Мэри Кавендиш, глядя в холл, видимо, в том направлении, где исчез наш порывистый бельгиец.

– Мистер Гастингс, что случилось с вашим замечательным маленьким другом? Он пролетел мимо меня с каким-то безумным видом.

– Его очень расстроило одно дельце, – туманно ответил я.

На самом деле я просто не знал, *что* Пуаро предпочел бы пока скрыть от домочадцев. Увидев выразительную улыбочку, скользнувшую по губам миссис Кавендиш, я попытался перевести разговор на другую тему, спросив:

– Они ведь еще не виделись, правда?

– Кто?

– Мистер Инглторп и мисс Говард.

Она как-то странно глянула на меня.

– А вы думаете, что если они встретятся, то произойдет нечто ужасное?

– Неужели вы так не думаете? – опешив, поинтересовался я.

– Нет, – заявила она, одарив меня своей мягкой улыбкой. – Я предпочла бы увидеть бурную ссору. Она могла бы разрядить атмосферу. Ведь сейчас все мы напряженно о чем-то думаем, но жутко мало говорим.

– Джон думает иначе, – заметил я. – Ему хотелось удержать их от встречи.

– Джон слишком многого хочет.

Что-то в ее тоне возмутило меня, и я выпалил:

– Старина Джон крайне порядочен и справедлив.

Она помолчала, с любопытством разглядывая меня, а потом заявила, к моему изумлению:

– Так вы верны старому другу... Такая черта достойна восхищения.

– А вы разве не отличаетесь верностью?

– Ах, я отношусь к дружбе менее щепетильно.

– Почему вы так говорите?

– Потому что это правда. Сегодня я могу быть очарована моими друзьями, но завтра, возможно, уже вовсе забуду о них.

Не знаю, что на меня нашло, но я страшно разозлился и заявил, довольно глупо и бестактно:

– Однако доктора Бауэрштайна вы, видимо, неизменно считаете очаровательным!

Мне пришлось мгновенно пожалеть о своих словах. Мэри точно окаменела. На ее лицо будто опустилось забрало шлема, полностью скрыв черты реальной женщины. Она молча развернулась и быстро

пошла вверх по лестнице, а я стоял, как последний идиот, пялясь ей вслед.

Донесшиеся из холла суматошные крики вывели меня из оцепенения. Я услышал, как Пуаро громогласно рассказывает о пропавшей улике. Подумав, что моя дипломатичность оказалась напрасной, я испытал досаду. Этот маленький безумец, казалось, решил посвятить всех домочадцев в тайны расследования, хотя я лично сильно сомневался в разумности такой огласки. И вновь мне невольно стало жаль того, что мой разволновавшийся друг настолько потерял голову. Я быстро сбежал по ступенькам. При виде меня Пуаро практически сразу успокоился.

– Старина, – тихо произнес я, оттащив его в сторону, – разумно ли вы ведете себя? Не хотите же вы на самом деле, чтобы весь дом узнал о нашем досадном промахе... Вы же играете на руку убийце!

– Вы так думаете, Гастингс?

– Уверен.

– Ладно, ладно, друг мой, впредь я буду учитывать ваши предусмотрительные советы.

– Вот и хорошо. Хотя, к сожалению, они немного запоздали.

– Несомненно.

Он выглядел таким подавленным и смущенным, что я даже пожалел его, хотя продолжал думать, что он заслужил мой разумный упрек.

– Что ж, – изрек он в итоге, – нам пора уходить, *mon ami*.

– Вы считаете, что уже все закончили здесь?

– Да, на данный момент. Вы прогуляетесь со мной до деревни?

– С удовольствием.

Он взял свой маленький баул, и мы вышли в парк через застекленные двери гостиной. Навстречу нам попала Синтия Мэрдок, и Пуаро галантно посторонился, пропуская ее.

– Простите, мадемуазель, позвольте задержать вас на минутку.

– Да? – Она заинтригованно обернулась к нему.

– Вам приходилось готовить лекарства для миссис Инглторп?

– Нет, – слегка покраснев, стесненно ответила Синтия.

– Только приносили ей порошки?

– Ах, да, однажды я принесла ей немного снотворного, – еще больше покраснев, призналась она.

– В этой коробке? – уточнил Пуаро, показав ей опустевшую коробку.

Она кивнула.

– Вы можете сказать мне, как оно называлось? Сульфонал? Или веронал?

– Нет, порошок бромида.

– Вот как! Благодарю вас, мадемуазель, всего наилучшего.

Мы быстро направились к выходу из парка. По пути я то и дело поглядывал на своего спутника. Раньше я частенько замечал, что в моменты волнения глаза его становятся по-кошачьи зелеными. И сейчас они сияли, как изумруды.

– Друг мой, – нарушил он молчание в конце концов, – у меня появилась одна оригинальная версия, довольно странная и даже невероятная... И в то же время... она объясняет все произошедшее.

Я пожал плечами. В глубине души мне подумалось, что Пуаро слишком увлекается разнообразными невероятными и причудливыми версиями. В данном случае, несомненно, очевидная правда буквально лежала на поверхности.

– В общем, вы получили объяснение отсутствия обычных сведений на аптечной коробке, – заметил я. – Очень простое, как вы и предполагали. Даже странно, как я сам об этом не подумал.

Пуаро, казалось, вовсе не слышал меня.

– Они *là-bas*^[22] сделали еще одно открытие, – заявил он, указав большим пальцем через плечо в сторону особняка Стайлз-корт. – Мистер Уэллс упомянул о нем, когда мы поднимались в спальню миссис Инглторп.

– О чем же он поведал?

– В запечатом письменном столе будуара они обнаружили завещание миссис Инглторп, написанное до ее недавнего замужества, в котором все ее состояние отписывалось Альфреду Инглторпу. Должно быть, она составила его сразу после их обручения. Оно изумило не только мистера Уэллса, но и Джона Кавендиша. Завещание было написано на специальном бланке и засвидетельствовано двумя другими слугами, Доркас действительно ничего не подписывала.

– А мистер Инглторп знал о нем?

– Говорит, что не знал.

– По-моему, стоит усомниться в его честности, – скептически заметил я. – И вообще, такое количество завещаний кажется мне подозрительным. Кстати, не поясните ли, как те каракули на конверте привели вас к мысли о составлении нового завещания?

– *Моп аті*, – с улыбкой произнес Пуаро, – случилось ли вам при написании письма остановиться, задумавшись о правописании какого-то слова?

– Да, частенько. Полагаю, каждый сталкивался с такими трудностями.

– Совершенно верно. А не приходилось ли вам в таком случае попробовать написать сомнительное слово разок-другой на промокашке или ненужном клочке бумаги, чтобы посмотреть, какое из написаний выглядит правильно?.. В общем, миссис Инглторп поступила именно так. Вы можете заметить, что слово «обладаю» произносится с тремя «а», но правильно начинать его с «о». Убедившись в правильности второго варианта, она и написала «Все, чем я обладаю». А теперь, что же это подсказало мне? Это подсказало мне, что миссис Инглторп в тот день писала что-то о принадлежащей ей собственности, и я сразу подумал о найденном в камине клочке бумаги и о вероятности написания нового завещания – ведь в таком документе вполне мог использоваться такой глагол. А возможность написания подтвердило чуть позже и еще одно обстоятельство. Из-за царившего в доме смятения нынче утром никто не подумал об уборке в будуаре, поэтому на полу около стола остались грязные земляные следы. Погода стояла сухой несколько дней, и такие следы могли оставить только особые посетители.

Подойдя к окну, – помедлив, продолжил Пуаро, – я немедленно обратил внимание на клумбы с недавно высаженными бегониями. Цвет земли на клумбах точно совпадал с оттенком грязных следов обуви на полу будуара; кроме того, я выяснил, что цветы высаживали вчера днем. Получив эти сведения, я и пришел к выводу, что один, а скорее всего, два садовника – поскольку на полу осталось две пары разных отпечатков – заходили в будуар. Ведь если бы миссис Инглторп просто захотелось поговорить с ними, она сделала бы это через окно, и им бы не пришлось нести грязь в дом. Тогда-то у меня возникла веская версия того, что она написала новое завещание и пригласила двух садовников

заверить ее подпись. И вот дальнейшие события подтвердили правильность моей гипотезы.

– Какое остроумное решение! – невольно восхитился я. – Должен признать, что, увидев те нацарапанные на конверте слова, сам я пришел к абсолютно неверным выводам.

– У вас разыгралось воображение, – с улыбкой заметил Пуаро. – Как говорится, воображение нам славно служит, но волю ему лучше не давать. Обычно самым вероятным является простейшее объяснение.

– Тогда другой вопрос... Как вы узнали, что ключ от того бювара потерялся?

– Ну, точно я этого знать не мог. Просто моя догадка оказалась верной. Вы ведь тоже заметили на головке ключа погнутое проволочное колечко. Оно сразу навело меня на мысль о том, что ключ сорвался с брелка. И если бы ключ действительно потеряли и вновь нашли, то миссис Инглторп успела бы вернуть его в свою связку. Однако в ее связке я обнаружил один новый, блестящий ключ и понял, что это и есть запасной ключ от бювара, поэтому у меня возникла версия того, что кто-то другой вставил в замок бювара потерянный ключ.

– Да, – воодушевился я, – несомненно, бювар открывал Альфред Инглторп.

– Вы абсолютно уверены в его виновности? – Пуаро с любопытством взглянул на меня.

– Ну естественно. Ведь новые факты, видимо, еще более четко указывают на него.

– Напротив, – спокойно возразил Пуаро, – как раз добавляется несколько фактов в его защиту.

– Неужели?

– Именно так.

– Я вижу только один.

– И какой же?

– Что вчера ночью он отсутствовал в доме.

– «Пальцем в небо», как говорится у вас, англичан! Вы выбрали как раз тот факт, который, на мой взгляд, говорит против него.

– Почему же?

– Потому что, если мистер Инглторп знал, что прошлой ночью его жена будет отравлена, то наверняка постарался бы обеспечить свое отсутствие. И ушел он из дома под явно надуманным предлогом. Таким

образом, остаются две возможности: либо он знал, что должно случиться, либо ему понадобилось уйти по иной причине.

– Но по какой? – недоверчиво спросил я.

– Откуда же я знаю? – ответил Пуаро, пожав плечами. – Безусловно, постыдной. Наш мистер Инглторп, смею сказать, изрядный мошенник... но совсем не обязательно убийца.

Я с сомнением покачал головой.

– Пожалуй, сейчас мы не сможем прийти к согласию, – заметил бельгиец. – Ладно, оставим пока этот вопрос. Время покажет, кто из нас прав. Давайте лучше рассмотрим другие аспекты нашего дела. Как вы объясняете то, что все двери в спальне были заперты изнутри?

– Ну, тут уж... – задумчиво протянул я, – тут уж надо призвать на помощь логику.

– Несомненно.

– Попробуем рассуждать логически. Двери были закрыты – мы видели это собственными глазами, однако наличие стеаринового пятна на полу и сожженное завещание доказывают то, что ночью кто-то входил в ее комнату. Вы согласны?

– Полностью. Пока все превосходно логично. Продолжайте.

– Итак, – приободрившись, сказал я, – поскольку наш злоумышленник не проник в комнату через окно или иным колдовским способом, следовательно, миссис Инглторп сама впустила его, открыв дверь. Таким образом, укрепляется подозрение о том, что нашим неизвестным преступником является ее муж. Вполне естественно, что она впустила к себе своего мужа.

– Почему же «естественно», – возразил Пуаро, покачав головой. – Ведь дверь в его комнату она закрыла на засов, но этот весьма странный поступок объясняется тем, что как раз днем между ними произошла бурная ссора. То есть менее всего миссис Инглторп захотела бы впустить именно его.

– Но вы согласны, что дверь открыла сама миссис Инглторп?

– Есть другой вариант объяснения. Укладываясь спать, она могла забыть запереть дверь в коридор, а потом встала посреди ночи и только тогда заперла ее.

– Неужели, Пуаро, вы действительно так думаете?

– Нет, я лишь сказал, что такой вариант тоже возможен. Давайте лучше вспомним сейчас о подслушанном вами обрывке разговора

между миссис Кавендиш и ее свекровью.

– Я уж и забыл о нем, – задумчиво сказал я. – Да, на редкость загадочный разговор. Кажется невероятным, что такая гордая и сдержанная женщина, как миссис Кавендиш, с пылкой страстью вмешивалась в дело, которое ее определенно не касалось.

– Вот теперь вы попали в яблочко. Поразительное поведение для столь благовоспитанной особы.

– Вы правы, она вела себя странно, – согласился я. – И все-таки это не важно; не будем же мы учитывать всякие мелочи.

– Сколько раз я могу повторять вам? – со стоном произнес Пуаро. – При расследовании необходимо учитывать всё, любые мелочи. А если факты противоречат выдвинутой версии, то данную версию надо отбросить.

– Ладно, давайте разберемся, – уязвленно согласился я.

– Да, непременно разберемся.

Мы уже подошли к коттеджу Листуэйз, и Пуаро предложил мне подняться в его комнату. Он угостил меня одной из своих маленьких русских сигарет, которые иногда любил покурить. Забавно было наблюдать, с какой аккуратностью бельгиец складывал использованные спички в фарфоровую пепельницу. Моя недавняя досада мгновенно исчезла.

Пуаро поставил наши два кресла перед выходящим на деревенскую улицу окном. Оттуда еще веяло теплым свежим ветерком. Но день обещал быть жарким.

Внезапно мое внимание привлек вид тощего молодого человека, стремительно бегущего по улице. Самым странным казалось выражение лица парня, на нем застыла странная смесь ужаса и смятения.

– Взгляните-ка, Пуаро! – воскликнул я.

Он подался к окну.

– *Tiens!*^[23] – изумленно воскликнул он. – Это же мистер Мэйс из аптеки. Похоже, он спешит к нам.

Молодой человек остановился перед коттеджем Листуэйз и, поборов легкую нерешительность, громко постучал в дверь.

– Минуточку! – крикнул ему Пуаро из окна. – Сейчас я вам открою.

Жестом предлагая мне следовать за ним, он быстро сбежал по лестнице и распахнул дверь. Не теряя времени на приветствия, мистер Мэйс сразу перешел к делу.

– Ах, мистер Пуаро, простите за беспокойство, но мне сказали, будто вы только что вернулись из особняка.

– Да, верно.

Парень облизнул пересохшие губы. На лице его отразилось необычайное любопытство.

– Там у нас вся деревня только и судачит, что о внезапной кончине старой миссис Инглторп. Правду ли говорят... – он опасливо понизил голос, – что ее отравили?

Лицо Пуаро оставалось совершенно невозмутимым.

– На данный вопрос, мистер Мэйс, нам могут ответить только доктора.

– Да, верно... конечно... – Парень помялся, явно не решаясь высказать свои мысли, но его смятение быстро подавило сомнения. В явном смятении вцепившись в руку бельгийца, он взмолился уже страшным шепотом: – Только скажите мне, мистер Пуаро, это ведь был не стрихнин, верно?

Я не разобрал, что именно пробурчал в ответ мой друг. Очевидно, что-то уклончивое.

Парень быстро удалился, и когда Пуаро закрыл дверь, мы обменялись взглядами.

– Все верно, – печально кивнув, заметил он, – у него имеется свидетельство для начала расследования.

Мы медленно поднялись обратно в комнату. Я уже открыл рот, собираясь задать вопрос, но Пуаро жестом остановил меня.

– Не сейчас, *top ati*, давайте немного помолчим. Мне необходимо подумать. Мои мысли пришли в некоторое смущение, и это весьма досадно.

Минут десять мы провели в полном молчании, он застыл в напряженной позе, лишь его брови пару раз выразительно поднимались, а горящие глаза становились все зеленее. Наконец он издал глубокий вздох.

– Итак. Теперь всё в порядке. Всё разложено по нужным полочкам. Нельзя позволять чувствам вносить беспорядок в мысли. Дело пока не прояснилось... увы. Однако преступление совершено весьма

хитроумно! Оно даже меня привело в смятение. Меня, Эркюля Пуаро! Впрочем, мы располагаем двумя важными фактами.

– И какими же?

– Во-первых, вчерашняя погода. Она крайне важна...

– Но вчера же простоял великолепный день! – прервал его я. – Пуаро, вы просто морочите мне голову!

– Отнюдь. Вчера градусник показывал около восьмидесяти градусов^[24] в тени. Попомните эти слова, мой друг. Они дадут нам главный ключ к разгадке!

– Ну а второй факт? – спросил я.

– Также важно, что черная борода, очки и оригинальный стиль одежды придают мистеру Инглторпу весьма экстравагантный вид.

– Пуаро, мне не верится, что вы говорите серьезно.

– Абсолютно серьезно, друг мой.

– Но это же какие-то детские причуды!

– Нет, все это крайне важно.

– А что, если коллегия присяжных при коронере признает Альфреда Инглторпа виновным в преднамеренном убийстве? Что тогда станет с вашими важными фактами?

– Они будут потрясены, осознав, что двенадцати глупцам удалось вынести ошибочный вердикт! Но этого, разумеется, не случится. Во-первых, сельские присяжные не захотят взять на себя такую ответственность, к тому же ведь мистер Инглторп формально находится в положении крупного местного сквайра. А кроме того, – спокойно добавил он, – я этого не допущу.

– Вы не допустите?

– Не допущу.

Разрываясь между изумлением и раздражением, я пристально посмотрел на этого экстраординарного маленького умника. Он выглядел чертовски самоуверенным. И, словно прочтя мои мысли, Пуаро уверенно подтвердил:

– О, да, *top at it*, уверяю вас, все будет именно так, как я говорю.

Поднявшись, он положил руку мне на плечо. Выражение его лица резко изменилось, в глазах поблескивали слезы.

– Занимаясь этим расследованием, я все больше думаю о кончине бедной миссис Инглторп. Она, увы, не пользовалась всеобщей

любовью, однако проявила большую щедрость к нам, бельгийцам, и мне надлежит вернуть ей долг.

Я попытался что-то возразить, но Пуаро продолжил, повысив голос:

– Позвольте мне договорить, Гастингс. Она никогда не простила бы мне, если бы я позволил арестовать ее мужа Альфреда Инглторпа сейчас, когда одно мое слово способно спасти его!

Глава 6

Дознание

Дни, оставшиеся до пятничного дознания, Пуаро действовал с неисчерпаемой энергией. Дважды он совещался с мистером Уэллсом, а кроме того, совершал долгие прогулки по окрестностям. Я даже обиделся, что он перестал делиться со мной своими находками, особенно из-за того, что никак не мог догадаться, в какую сторону движутся его поиски.

Мне пришло в голову, что он проводит какое-то расследование на ферме Рэйкса; поэтому, наведавшись в среду вечером в Листуэйз и выяснив, что моего друга нет дома, я тоже отправился туда по полям в надежде встретиться с ним. Но мои надежды не оправдались, и я не решился зайти на саму ферму. На обратном пути я встретил старого поселянина, который с хитрецей глянул на меня.

– Вы небось из поместья? – спросил он.

– Да. Я ищу одного моего друга; по-моему, он направился к ферме.

– Вы небось имеете в виду того чудаковатого малого? Того, кто все болтает да размахивает руками? Одного из бельгийцев, отдыхающих в деревне?

– Точно, – пылко подтвердил я. – Значит, он заходит сюда?

– Ну, пожалуй, заходил. И не раз. Ваш друг, говорите? Да уж, зачастили к нам ваши господа из особняка... видно, им тут маслом намазано! – И он опять покосился на меня, прищуриив хитрющие глаза.

– Зачем же господам из особняка часто захаживать сюда? – поинтересовался я как можно более небрежно.

– Кому-то, знать, приспичило, мистер, – понимающе подмигнув мне, бросил он. – Уж не будем тыкать пальцем... Один-то из них, кстати, на редкость щедрый господин! Ну, благодарствуйте, сэр, однако что-то я заболтался.

Я решительно пошел дальше. Значит, Эвелин Говард была права... Я испытал острый приступ отвращения, подумав о том, как нагло Альфред Инглторп транжирил деньги своей жены. Может, та хитрая соблазнительница и подбила его на преступление, или главным стимулом стали деньги?

Вероятно, в мотиве равным образом смешались вожделение и алчность.

Один вопрос, как мне помнилось, навязчиво преследовал Пуаро. Раз или два он заметил мне, что, по его мнению, Доркас, должно быть, ошиблась в установлении времени ссоры. И у нее самой он повторно спрашивал, уверена ли она, что слышала голоса ссорившихся в четыре часа, а не позже, в половине пятого.

Но Доркас непреклонно стояла на своем. Целый час, а то и больше оставалось еще до пяти часов, когда она принесла чай для своей хозяйки.

Пятничное дознание организовали в приемном зале деревенского трактира^[25] «Приют фермера». Мы с Пуаро сели в сторонке, зная, что нам не надо давать показания.

Все формальности уладили заранее. Присяжные уже осмотрели тело, а Джон Кавендиш засвидетельствовал личность умершей.

Далее в ходе допроса он рассказал, как его разбудили посреди той ночи, и описал обстоятельства, завершившиеся кончиной его матери.

После этого зачитали заключение судебно-медицинской экспертизы. Все затаив дыхание внимали знаменитому лондонскому эксперту, одному из крупнейших современных авторитетов в области токсикологии.

Он коротко огласил результаты вскрытия. Помимо непонятных медицинских терминов и подробностей, заключение донесло до нас тот факт, что миссис Инглторп умерла в результате отравления стрихнином. А лабораторные анализы показали, что она приняла не менее трех четвертей грана^[26] стрихнина, но вероятнее, даже целый гран или немногим больше.

– Могла ли миссис Инглторп принять яд случайно? – спросил коронер.

– Я считаю это исключительно маловероятным. Стрихнин не используется в домашнем хозяйстве, как некоторые другие ядовитые вещества, и на его продажу к тому же наложено ограничение.

– Удалось ли вам в ходе вскрытия установить, с чем она приняла яд?

– Нет.

– Насколько мне известно, вы оказались в Стайлзе до прибытия доктора Уилкинса?

– Верно. Я заметил машину, как раз выезжавшую за доктором из ворот усадьбы, и как можно скорее направился в особняк.

– Не могли бы вы точно описать нам, что произошло дальше?

– Я вошел в спальню миссис Инглторп. В тот момент у нее проявились типичные тонические судороги. И, увидев меня, она, задыхаясь, произнесла: «Альфред... Альфред...»

– Мог ли стрихнин содержаться в вечернем кофе миссис Инглторп, который ей принес муж?

– В принципе, мог, однако стрихнин действует довольно быстро. Симптомы отравления проявляются через час, максимум два часа после приема. На время всасывания могут повлиять определенные условия, однако ничего подобного в данном случае мы не обнаружили. Я полагаю, что миссис Инглторп выпила кофе после ужина около восьми часов вечера, в то время как симптомы отравления проявились лишь ближе к утру. Следовательно очевидно, что яд попал в организм значительно позже.

– Миссис Инглторп имела обыкновение по ночам выпивать чашку какао. Могли ли подсыпать в него стрихнин?

– Нет, я лично взял пробу остатков напитка из кастрюльки и произвел анализ. Никакого стрихнина там не оказалось.

Я услышал, как Пуаро тихо усмехнулся.

– Откуда же вы узнали? – шепотом спросил я.

– Слушайте дальше.

– Должен сказать, – продолжил доктор, – что меня самого крайне удивил бы иной результат.

– Почему?

– Просто потому, что стрихнин имеет необычайно горький вкус. Достаточно добавить в раствор чуть больше сотой доли грана, чтобы резко огорчить его вкус, и только иные сильные вкусовые добавки могли бы замаскировать горечь. А вкус какао совершенно бессилен скрыть ее.

Один из присяжных захотел узнать, такие же ли возможности в данном случае у кофе.

– Нет. Кофе сам по себе имеет горький вкус и, вероятно, мог бы скрыть наличие стрихнина.

– Следовательно, вы считаете вероятным, что этот яд подсыпали в кофе, но по какой-то неизвестной причине он оказал действие гораздо

позднее?

– Да. Однако кофейная чашка разбилась вдребезги, и проанализировать остатки ее содержимого не представляется возможным.

Так доктор Бауэрштайн закончил свои показания. Доктор Уилкинс выразил согласие с ним по всем вопросам. Он также решительно отверг вероятность самоубийства.

– Покойная, – сказал он, – страдала от сердечной слабости, но во всех прочих отношениях обладала отличным здоровьем и имела активную и здравомыслящую натуру. Менее всего миссис Инглторп могла бы вздумать покончить с собственной жизнью.

Следующим вызвали Лоуренса Кавендиша. Его показания не содержали ничего нового, почти полностью повторяя сказанное братом. Перед тем как вернуться на место, он вдруг замялся и нерешительно спросил:

– А позволено ли мне высказать одно предположение?

Заметив его смущенный взгляд, коронер быстро ответил:

– Конечно, конечно, мистер Кавендиш, мы же собрались здесь для поиска истины и будем рады любым сведениям, способным прояснить обстоятельства дела.

– Просто у меня возникла одна идея, – добавил Лоуренс, – и хотя я могу ошибаться, но мне все-таки кажется, что смерть моей матери могла быть вызвана естественными причинами.

– Почему же вам так кажется, мистер Кавендиш?

– Понимаете, моя мать принимала тонизирующее средство, содержащее стрихнин.

– Вот как! – удивленно произнес коронер.

Присяжные заметно оживились.

– Полагаю, – продолжил Лоуренс, – известны случаи, когда кумулятивный эффект принимаемых определенное время незначительных доз ядовитого вещества приводит к летальному исходу. Кроме того, разве не могло быть так, что она случайно приняла сверхдозу своего лекарства?

– Мы впервые слышим о том, что покойная принимала лекарство со стрихнином. И мы крайне признательны вам, мистер Кавендиш, за новые сведения.

Вызванный повторно доктор Уилкинс заявил, что идея отравления тонизирующим средством смехотворна.

– Предположение мистера Кавендиша совершенно невероятно, – возмущенно произнес он. – Любой врач скажет вам то же самое. В известном смысле стрихнин, безусловно, представляет собой кумулятивный яд, способный накапливаться в организме, однако абсолютно исключено, что в нашем случае он мог привести к такого рода внезапной смерти. Даже если допустить такую возможность, то тогда длительное время у миссис Инглторп должны были проявляться постоянные симптомы, каковые, безусловно, привлекли бы мое внимание. Нет, версия естественной смерти совершенно абсурдна.

– А как вы смотрите на второе предположение? О случайной передозировке?

– Три или даже четыре предписанные дозы не могли бы привести к летальному исходу. Миссис Инглторп обычно располагала достаточным запасом лекарств, заказывая их в тэдминстерской аптеке Кута. И чтобы принять количество стрихнина, обнаруженного при вскрытии, ей пришлось бы выпить сразу целую бутылку.

– Следовательно, вы полагаете, что данный тонизирующий препарат никоим образом не мог стать причиной, вызвавшей ее смерть?

– Безусловно. Такое предположение просто смехотворно.

Уже выступавший ранее присяжный предположил, что ошибиться с дозами мог и аптекарь.

– Ошибки, разумеется, бывают, – признал доктор.

Однако вызванная очередным свидетелем Доркас исключила такую возможность. Бутылочку с этим тоником сделали давно. К тому же в день смерти миссис Инглторп как раз допила последние остатки. Таким образом, сомнение в качестве тоника окончательно отпало, и коронер продолжил процедуру дознания.

Выяснив у Доркас, что той ночью она проснулась, услышав трезвон колокольчика хозяйки, и потом разбудила домочадцев, коронер перешел к вопросам о произошедшей в тот день ссоре. Свидетельства Доркас на эту тему по существу совпадали с тем, что мы с Пуаро уже слышали от нее, поэтому нет смысла сейчас повторять их.

Следующей вызвали Мэри Кавендиш. Она стояла, гордо подняв голову и расправив плечи, говорила тихо, четко и совершенно спокойно. В ответ на вопрос coronera женщина поведала,

что будильник, как обычно, разбудил ее в половине пятого утра, и она как раз одевалась, когда ее вдруг испугал такой грохот, словно упало что-то тяжелое.

– Возможно, как раз упал прикроватный столик? – заметил коронер.

– Я открыла дверь, – продолжила Мэри, – и прислушалась. Через несколько минут раздался неистовый звон колокольчика. Потом прибежала Доркас; она разбудила моего мужа, и мы втроем отправились в спальню моей свекрови, но она оказалась запертой...

– Не думаю, что нам надо в очередной раз выслушивать эту историю, – прервав ее, сказал коронер. – Нам всем уже известно, что произошло дальше. Но я был бы признателен, если бы вы рассказали нам все, что знаете о ссоре, произошедшей ранее в тот день.

– А что я могла знать? – удивленно спросила она.

В ее голосе проявился легкий надменный оттенок. Подняв руку, миссис Кавендиш нервно поправила кружевной воротник и чуть склонила голову. И внезапно у меня мелькнула четкая мысль: «Да она же тянет время!»

– Конечно, насколько мне известно, – медленно произнес коронер, – в то время вы читали, сидя в саду на скамейке, возле большого окна будуара. Это правда?

А вот это уже новость! Я искоса глянул на Пуаро, предполагая, что он также впервые услышал об этом.

После секундной паузы, просто легкой нерешительности, она ответила:

– Да, вы правы.

– И окно было, очевидно, открыто, не так ли?

– Очевидно, – согласилась она, заметно побледнев.

– Тогда вы не могли не услышать доносившиеся из будуара голоса, тем более что разговор там шел на повышенных тонах.

– Да, возможно, я что-то слышала.

– Не могли бы вы рассказать нам, из-за чего произошла ссора?

– На самом деле я не помню, чтобы слышала что-то конкретное.

– Вы подразумеваете, что не слышали голоса?

– О нет, голоса я слышала, но не прислушивалась к тому, о чем они говорили. – На ее бледной щеке проступило розовое пятно. –

Видите ли, я не имею привычки подслушивать конфиденциальные разговоры.

– Так вы ничего не помните? – настойчиво уточнил коронер. – Решительно ничего, миссис Кавендиш? Ни одного слова или фразы, по которым вы поняли, что разговор был именно конфиденциальный?

Она помедлила, казалось, вспоминая что-то, и внешне оставаясь спокойной, как всегда.

– Нет, я припоминаю... Миссис Инглторп говорила что-то... не помню, что именно... о скандале между супругами.

– Вот как! – Коронер удовлетворенно откинулся на спинку стула. – Ваши показания соответствуют тому, что слышала Доркас. Но, простите меня, миссис Кавендиш, осознав, что там ведется частный разговор, вы ведь не ушли из сада. Вы по-прежнему оставались на скамейке?

Мэри устремила взгляд в потолок, и я заметил, как сверкнули ее ореховые глаза. У меня появилось четкое ощущение, что она готова разорвать на куски адвокатишку за его инсинуации, но ответ ее прозвучал вполне спокойно:

– Верно. Там очень удобная скамейка. Но все мое внимание сосредоточилось на книге.

– И это все, что вы можете сказать нам?

– Да, больше мне ничего не известно.

Мэри позволили вернуться на свое место в зале, хотя я сомневался, что коронера удовлетворили результаты ее допроса. По-моему, он подозревал, что миссис Кавендиш предпочла умолчать о подробностях ссоры.

Затем на свидетельское место пригласили Эми Хилл, продавщицу, и та засвидетельствовала, что семнадцатого июля днем примерно в половине пятого продала бланк для завещания Уильяму Эрлу, помощнику садовника из поместья Стайлз-корт.

После нее выступали Уильям Эрл и Мэннинг, подтвердившие, что поставили подписи под каким-то документом. Мэннингу запомнилось, что подписание завещания произошло примерно в половине пятого, а по мнению Уильяма – немного раньше.

Далее очередь дошла до Синтии Мэрдок. Она, однако, мало что могла сказать, поскольку узнала о трагедии только после того, как ее разбудила миссис Кавендиш.

– Неужели вы не слышали, как перевернулся столик?

– Нет. Я очень крепко спала.

– Чем чище совесть, тем здоровей сон, – с улыбкой заметил коронер. – Благодарю вас, мисс Мэрдок, можете быть свободны... Мисс Говард!

Та предъявила письмо, написанное ей миссис Инглторп вечером семнадцатого июля. Мы с Пуаро, разумеется, уже читали его. Оно ничего не добавляло к нашему пониманию причин трагедии.

К делу приложили следующую копию, означив ее как «написанная от руки записка»:

July 17th

Stylos Court

Essex

My dear Welbys
Can we not bury
the hatchet? I have
found it hard to forget
the things you said
against my dear husband
but I am an old woman
very fond of you
Yours affectionately
Emily Ingelthorpe

[27]

Копию передали в руки присяжных, и они внимательно прочитали ее.

– Боюсь, это не особенно нам поможет, – вздохнув, признал коронер. – В записке ни слова не сказано о событиях того злосчастного дня.

– Для меня дело ясно как день, – заявила мисс Говард в своей отрывистой лаконичной манере. – Оно достаточно явно показывает, что как раз перед смертью миссис Инглторп поняла, как жестоко ее обманывали!

– Но по содержанию записки этого не скажешь, – возразил коронер.

– Верно, потому что Эмили терпеть не могла признавать свои ошибки. Но я-то успела отлично узнать ее. Она захотела, чтобы я вернулась, но не собиралась признавать, что я оказалась права. Предпочла уклониться. Такая слабость свойственна большинству людей. Сама-то я от нее не страдаю.

Мистер Уэллс вяло улыбнулся. Такие же улыбки, как я заметил, мелькнули на губах нескольких присяжных. Очевидно, мисс Говард завоевала в этом местечке своеобразную репутацию.

– И вообще, все ваше шутовское дознание – пустая трата времени, – продолжила эта дама, смерив присяжных пренебрежительным взглядом. – Одна бесплодная говорильня! Хотя всем нам отлично известно, что...

– Благодарю вас, мисс Говард, – быстро прервал ее коронер, мучительно опасаясь ее опрометчивого обвинения, – и прошу вас вернуться на свое место.

Я услышал, как он с облегчением вздохнул, когда она подчинилась.

Следующее выступление стало сенсацией дня. Коронер вызвал Альберта Мэйса, помощника аптекаря.

Им оказался наш знакомый испуганный юноша с бледным лицом. В ответ на вопрос коронера он сообщил, что является квалифицированным фармацевтом, но поступил на службу в местную аптеку совсем недавно, поскольку прежнего помощника призвали в армию.

Покончив с формальностями, коронер перешел к делу.

– Скажите, мистер Мэйс, вы продавали недавно стрихнин какому-либо не имеющему специального предписания лицу?

– Да, сэр.

– Когда это было?

- В прошедший понедельник вечером.
- В понедельник? А не во вторник?
- Нет, сэр, именно в понедельник, шестнадцатого числа.
- Можете ли сказать нам, кому продали его?

В тот момент вы могли бы услышать, как по залу пролетает муха.

- Да, сэр. Мистеру Инглторпу.

Все головы одновременно повернулись к невозмутимому Альфреду, сидевшему в напряженной позе. Тот слегка вздрогнул, услышав осуждающие слова молодого фармацевта. Мне даже показалось, что он готов вскочить со стула, но ничего подобного не произошло; лишь на лице его проявилось замечательно разыгранное выражение нарастающего изумления.

- Вы уверены в своих показаниях? – строго спросил коронер.

- Совершенно уверен, сэр.

– Так у вас вошло в привычку продавать стрихнин из-под прилавка кому попало?

Несчастный фармацевт съежился под грозным взглядом coronera.

– О, нет, сэр... Ей-богу, нет. Но, зная, что мистер Инглторп живет в особняке, я подумал, что ничего плохого не случится, если я разок отступлю от правил. Он сказал, что отравы нужна для усыпления собаки.

В глубине души я ему посочувствовал. По-человечески понятно, что парню хотелось угодить обитателю «особняка», особенно сознавая, что в результате такой сговорчивости деревенская аптека может получить хорошую рекламу среди влиятельных покупателей.

– А разве не положено тем, кто покупает яд, расписываться в вашем журнале учета?

- Положено, сэр, и мистер Инглторп так и сделал.

- Вы принесли с собой журнал?

- Да, сэр.

Аптекарский журнал оформили в качестве вещественного доказательства, и коронер, кратко высказав суровое порицание, отпустил несчастного мистера Мэйса.

Далее, в мертвой тишине, был вызван Альфред Инглторп. «Осознает ли он, – подумал я, – что на его шею уже практически накинули петлю?»»

Коронер перешел прямо к возникшему в связи с показаниями фармацевта вопросу.

– Итак, вы покупали в понедельник вечером стрихнин с целью усыпления собаки?

Инглторп ответил с полнейшим спокойствием:

– Нет, не покупал. В особняке нет никаких собак, за исключением дворовой овчарки, но она молода и абсолютно здорова.

– Так вы решительно отрицаете, что покупали стрихнин у Альберта Мэйса в понедельник вечером?

– Решительно.

– И вы также отрицаете, что это ваша подпись?

Коронер вручил ему журнал, где стояла подпись Инглторпа.

– Безусловно, это не моя подпись. Она совершенно не похожа на мой росчерк. Сейчас я докажу вам это.

Он вынул из кармана какой-то старый конверт и, расписавшись на нем, передал присяжным. Его подпись определенно отличалась от сделанной в журнале.

– Тогда как вы объясните показания мистера Мэйса?

– Должно быть, мистера Мэйса ввели в заблуждение.

Нерешительно помолчав, коронер сказал:

– Чисто формальный вопрос, мистер Инглторп: не могли бы вы сообщить нам, где находились вечером в понедельник шестнадцатого июля?

– Честно говоря... сейчас даже не вспомню...

– Глупости, мистер Инглторп, – резко произнес коронер. – Подумайте хорошенько.

Тот недоуменно покачал головой:

– Точно не помню. Возможно, отправился на прогулку.

– В какую сторону?

– Право, не вспомню.

Лицо коронера помрачнело.

– Вы гуляли в одиночестве?

– Да.

– Возможно, вы встретили кого-то во время прогулки?

– Нет.

– Весьма жаль, – сухо бросил коронер. – Насколько я понимаю, вы отказываетесь сказать, где находились в то время, когда,

по утверждению мистера Мэйса, покупали стрихнин в аптеке?

– Да, если вам угодно так поставить вопрос.

– Будьте осторожны, мистер Инглторп, – предупредил коронер.

Пуаро нервно поерзал на стуле. «*Sacré nom!*^[28] – раздраженно пробормотал он. – Неужели этот идиот нарывается на арест?»

Инглторп действительно произвел плохое впечатление. Его уклончивые ответы не убедили бы даже ребенка. Коронер, однако, быстро перешел к очередному вопросу, и Пуаро издал вздох глубокого облегчения.

– Вы вели какую-то бурную дискуссию с вашей женой днем во вторник?

– Простите, – прервал его Альфред Инглторп, – вас неверно информировали. Я лично ни о чем с моей дорогой женой не спорил. Вся эта история абсолютно ложна. Меня вообще не было дома до вечера.

– И кто-то может подтвердить ваши слова?

– Я готов присягнуть в этом, – надменно заявил Инглторп.

– Есть два свидетеля, – точно не услышав последнего заявления, продолжил коронер, – и они готовы присягнуть в том, что слышали, как вы выражали несогласие с мнением миссис Инглторп.

– Эти свидетели ошибаются.

Я пребывал в замешательстве. Этот мерзавец говорил с такой незыблемой убежденностью, что моя собственная убежденность поколебалась. Я глянул на Пуаро. По лицу его блуждала какая-то непонятная ликующая улыбочка. Убедился ли он наконец в виновности Альфреда Инглторпа?

– Мистер Инглторп, – вкрадчиво произнес коронер, – вы слышали показания о последних словах вашей жены. Можете ли вы объяснить их смысл?

– Конечно, могу.

– Можете?

– По-моему, все очень просто. В спальне было сумрачно. А доктор Бауэрштайн по росту и фигуре похож на меня, к тому же у него тоже есть борода. Учитывая плохое освещение и плачевное состояние моей жены, она ошиблась, приняв его за меня.

– Ах! Какая интересная версия! – пробурчал Пуаро себе под нос.

– Вы полагаете, это правда? – прошептал я.

– Я этого не говорил. Но предположение поистине оригинально.

– Вы восприняли последние слова моей жены как обвинение, – продолжил Инглторп, – однако она как раз призывала меня на помощь.

– Полагаю, – после минутного размышления произнес коронер, – вы сами в тот вечер налили кофе и отнесли вашей жене.

– Да, я налил его. Но не относил. Я намеревался отнести, но в тот момент мне сказали, что меня ждет знакомый, поэтому я вышел в парк, оставив чашку кофе на столе в холле. А когда вернулся спустя несколько минут, кто-то уже унес кофе.

Это уточнение могло оказаться как правдивым, так и ложным, но, на мой взгляд, оно не особенно улучшило положение Инглторпа. В любом случае у него имелось достаточно времени, чтобы подсыпать отраву.

Тут Пуаро слегка подтолкнул меня локтем, показав на двух мужчин, сидевших вместе около входа. Один был невысоким брюнетом, с узким лицом, напоминавшим мордочку хорька, а второй – высоким блондином.

Я вопросительно глянул на Пуаро.

– Вы узнаете того брюнета? – на ухо спросил он меня.

Я отрицательно покачал головой.

– Это Джеймс Джепп, инспектор уголовной полиции из Скотленд-Ярда. Джимми Джепп. И его спутник тоже из Скотленд-Ярда... Да, друг мой, события развиваются стремительно.

Я пригляделся к этой столичной парочке. Судя по внешности, определенно никто, не сказал бы, что они служат в полиции. Я-то уж точно не заподозрил бы в них полицейских ищеек.

Все еще увлеченно разглядывая их, я вдруг вздрогнул, услышав оглашенный вердикт:

– Факт преднамеренного убийства в отношении конкретного лица или группы лиц не установлен.

Глава 7

Пуаро платит долги

Когда мы вышли из «Приюта фермера», Пуаро мягко оттеснил меня в сторону. Я понял его намерение. Он хотел дождаться своих знакомых из Скотленд-Ярда.

Вскоре они появились, и Пуаро, выступив вперед, обратился к менее рослому брютету:

– Боюсь, вы не помните меня, инспектор Джепп?

– Бог ты мой, неужели я вижу мистера Пуаро? – воскликнул инспектор и, повернувшись к своему спутнику, добавил: – Вы помните, как я рассказывал вам о мистере Пуаро? Мы работали вместе с ним по делу о фальшивках сбежавшего в Брюссель Аберкромби... Ах, славные были времена, *мусье*! А вы помните «Барона» Альтара? Тот шельмец оказался крепким орешком! Как он ловко водил за нос полицию половины европейских стран... Но мы сцапали его в Антверпене благодаря вам, мистер Пуаро.

Пока они увлеченно обменивались общими воспоминаниями, я успел подойти поближе, и меня представили инспектору уголовной полиции Джеппу, который, в свой черед, представил нас обоим своему спутнику, старшему инспектору Саммерхэй.

– Едва ли, господа, мне имеет смысл спрашивать, что вам здесь понадобилось, – заметил Пуаро.

Джепп понимающе прищурил глаз.

– Да, вы правы. Могу сказать, что это дельце вполне очевидно.

– Позвольте с вами не согласиться, – веско возразил бельгиец.

– О, да бросьте! – впервые подав голос, воскликнул Саммерхэй. – Преступление-то ясно как божий день. И негодяя практически взяли с поличным. Непонятно только, как он мог оказаться таким дураком!

Однако Джепп озабоченно взглянул на Пуаро.

– Погодите, Саммерхэй, не кипятитесь, – шутливо произнес он. – Мы с *мусье* давно знакомы... и нет в мире другого такого человека, к чьему мнению я предпочел бы прислушаться. Я почти не сомневаюсь, что у него припрятан козырь в рукаве. Разве я не прав, *мусье*?

– Да, вы правы... я пришел к определенным заключениям, – с улыбкой признал Пуаро.

Саммерхэй еще выглядел сомневающимся, но Джепп продолжал испытующе взирать на бельгийца.

– Мы пока, конечно, ознакомились лишь с внешней стороной дела, – заявил он. – Ярд имеет преимущества в делах того рода, где убийство раскрывается только, как говорится, после расследования. Многое зависит от выявления горячих следов, и в данном случае мистер Пуаро, безусловно, опередил нас. Мы и сегодня не приехали бы сюда, если б тот смысленный доктор не предупредил нас быстро через коронера. Но вы были здесь с самого начала и могли обнаружить какие-то полезные подозрительные детали... Если же судить по показаниям, сделанным в ходе дознания, то мистер Инглторп убил свою жену так же несомненно, как то, что я стою здесь перед вами, и если бы не вы, дорогой Пуаро, усомнились в этом, а кто-то другой, то я рассмеялся бы ему в лицо. Честно говоря, меня удивило, что присяжные сразу же не обвинили его в предумышленном убийстве. По-моему, они могли бы так и поступить, если бы не коронер; видимо, именно он склонил их к столь неопределенному вердикту.

– Может, у вас даже заготовлен ордер на его арест? – предположил Пуаро.

Выразительное лицо Джеппа мгновенно лишилось живости, скрывшись за непроницаемой официальной маской.

– Может, и заготовлен, а может, и нет, – сухо ответил он.

– Мне очень не хотелось бы, господа, чтобы его арестовали.

– Пожалуй, мы так и подумали, – саркастически заметил Саммерхэй.

Джепп с забавным смущением поглядывал на бельгийца.

– Не могли бы вы, мистер Пуаро, приоткрыть свои карты? От вас нам достаточно даже легкого намека... мы понятливы. Вы ведь осматривали место преступления, и кому, как не вам, знать, что столичной полиции не пристало выносить поспешные ошибочные заключения?

– Именно так я и думаю, – важно произнес Пуаро. – Ладно, вот что я вам скажу. Вы можете использовать ваш ордер на арест мистера Инглторпа. Но не получите за это никакого одобрения. Ибо дело против

него будет прекращено в один миг! *Comme ça!*^[29] – и он звонко прищелкнул пальцами.

Джепп помрачнел, а Саммерхэй скептически хмыкнул. Что до меня, то я буквально онемел от изумления. В голове крутилась лишь мысль о том, что Пуаро обезумел.

Джепп, достав носовой платок, мягко промокнул лоб.

– Ну, я не посмею сделать этого, мистер Пуаро. Я верю вам на слово, но у меня есть начальство, а оно спросит, какого черта я тяну тут резину. Не могли бы вы пролить хоть немного света на причины вашей убежденности в его невинности?

– Немного света можно пролить, – задумчиво помолчав, согласился Пуаро. – Хотя, признаться, мне не хотелось бы. Это вынудит меня раскрыть карты. А я предпочел бы пока еще продолжать тайное расследование, но ваши слова, увы, справедливы... кто поверит на слово бывшему бельгийскому полицейскому! Однако Альфред Инглторп должен быть на свободе. Я поклялся в этом, как известно моему другу, мистеру Гастингсу. Итак, скажите-ка, мой добрый Джепп, когда вы собираетесь навеститься в Стайлз?

– Ну, часика через пол. Сначала нам необходимо встретиться с коронером и доктором.

– Отлично. Загляните по пути ко мне, я живу в последнем деревенском коттедже рядом с усадьбой. И мы все вместе отправимся в Стайлз. И тогда мистер Инглторп предоставит вам нужные сведения, либо, если он откажется, то я предоставлю вам такие доказательства, которые убедят вас в том, что обвинение против него абсолютно ничем не подкрепляется. Договорились?

– Отличная сделка, – охотно ответил Джепп. – И от имени Ярда, я буду вам очень обязан, хотя, должен признаться, пока не вижу ни малейшей лазейки в имеющихся против него свидетельствах. Однако вам всегда удавалось потрясти нас!.. Ладно, до скорого, *мусье*.

И оба детектива решительно удалились, причем Саммерхэй продолжал скептически улыбаться.

– Итак, друг мой, – воскликнул Пуаро, не давая мне опомниться, – что же вы думаете? *Mon Dieu!*^[30] Я пережил несколько досадных моментов на этом дознании. Вот уж не представлял, что этот позер так глупо лишится памяти... Решительно, он выбрал дурацкую тактику.

– Гм! Возможно, помимо глупости, есть и другие объяснения, – возразил я. – Ведь если обвинения против него справедливы, то что, кроме молчания, могло защитить его?

– Ну, пожалуй, есть еще множество оригинальных способов, – воскликнул Пуаро. – Послушайте, допустим, я совершил это убийство; тогда я придумал бы с полдюжины правдоподобных историй! Гораздо более убедительных, чем тупое беспамятство мистера Инглторпа.

– Мой дорогой Пуаро, – невольно рассмеявшись, заметил я, – не сомневаюсь, что вы придумали бы и шесть дюжин! Но – отбросим шутки – полагаю, теперь вы не можете всерьез верить в невиновность Альфреда Инглторпа, несмотря на то что только что наговорили этим детективам?

– Почему же нет, я уверен в этом, как и раньше! Ничего не изменилось.

– Но ведь свидетельства против него на редкость убедительны.

– Вот именно, на редкость убедительны.

Мы свернули к калитке коттеджа Листуэйз и поднялись по уже хорошо знакомой мне лестнице.

– Да, да, чересчур убедительны, – пробурчал Пуаро, словно разговаривая сам с собой. – Подлинные свидетельства обычно бывают смутными и сомнительными. Их нужно проверять... тщательно анализировать, просеивать через мелкое сито. Но обвинение против него кажется настолько определенным, точно заранее подготовлено. Нет, друг мой, это свидетельство хитроумно сфабриковали, однако излишнее хитроумие в итоге зачастую оборачивается против самого хитреца.

– Почему же вы так решили?

– Пока свидетельства против него были смутными и, скажем так, неосязаемыми, их было крайне сложно опровергнуть. Но преступник перестарался и накинул на шею Инглторпа столь явную петлю, что ее можно скинуть одним махом.

Я молча размышлял над его словами, а Пуаро через минуту-другую продолжил:

– Давайте рассмотрим сущность этого дела. Вот, допустим, некий мужчина задумал отравить свою жену. Раньше он жил своим собственным умом, изворачивался, как говорится, всеми правдами и неправдами, добывая себе средства к существованию. Отсюда, по-

видимому, следует, что некоторым умом он не обделен – в общем, не полный болван. Итак, как же он собирается осуществить задуманное? Идет напрямик в ближайшую аптеку и, оставив свою подпись в журнале, покупает стрихнин, выдав абсурдную историю о собаке, которую никому не составит труда опровергнуть. Причем он не стал использовать отраву в тот же вечер. Нет, он дожидается крупной ссоры с женой, такой бурной, что о ней известно всем домочадцам и в силу чего, естественно, их подозрения теперь будут направлены на него. Он никак не защищает себя, не устраивает себе ни малейшего алиби, сознавая при том, что фармацевт неизбежно даст показания. *Bah!*^[31] Никто не заставит меня поверить, что этот человек мог быть настолько глуп! Так мог действовать разве что безумец, не решающийся сам совершить самоубийство и решивший предоставить властям право повесить его!

– И все-таки... я не понимаю... – начал я.

– Я тоже кое-что не понимаю, – перебил Пуаро. – Говорю вам, *mon ami*, это преступление заводит меня в тупик. Меня, Эркюля Пуаро!

– Но если вы считаете его невиновным, как объяснить то, что он прикупил стрихнин?

– Элементарно. Он не покупал его.

– Но Мэйс же узнал его!

– Нет, уж простите, он всего лишь видел мужчину с черной бородой, как у мистера Инглторпа, в таких же очках и одетого в том оригинальном и броском стиле, какой предпочитает мистер Инглторп. Не мог он узнать человека, которого, вероятно, и видел-то только издали, поскольку, если помните, и сам появился в деревне всего две недели тому назад, а миссис Инглторп преимущественно заказывала лекарства в тэдминстерской аптеке Кута.

– Значит, вы считаете...

– *Mon ami*, вы помните, каким двум моментам я придавал особое значение. Оставим пока первый, но какой же второй?

– То, что Альфред Инглторп странно одевается, у него черная борода и он носит очки, – припомнил я.

– Точно. А теперь представим, что кто-то захотел выдать себя за кого-то, к примеру, за Джона или Лоуренса Кавендиша. Просто ли было бы осуществить такое желание?

– Вряд ли, – задумчиво сказал я. – Конечно, если бы какой-то актер...

– А в чем, собственно, сложность? – жестко оборвал меня Пуаро. – Вот что я скажу вам, друг мой: оба они чисто выбриты. Чтобы успешно выдать себя за одного из них при свете дня, понадобился бы гениальный актер, к тому же натурально имеющий некоторое сходство с ними. Однако в случае с Альфредом Инглторпом ситуация совершенно иная. Стиль одежды, борода и очки, скрывающие глаза, – вот самые яркие черты его внешности. Ну а о чем преступник инстинктивно думает в первую очередь? Как отвести подозрения от себя, не так ли? И как же это лучше всего сделать? Бросив подозрения на кого-то другого. И в нашем случае как раз имеется нужный человек. Ведь все будут склонны поверить в виновность мистера Инглторпа. Заранее предрешено, что он будет главным подозреваемым; но для убедительности нужно, конечно, вещественное доказательство – к примеру, такое, как покупка яда, и ее легко организовать, учитывая странную внешность мистера Инглторпа. Как вы помните, молодой Мэйс ни разу лично не разговаривал с мистером Инглторпом. Так как же он мог усомниться, является ли на самом деле Альфредом Инглторпом бородатый, экстравагантно одетый очкарик?

– Да, вряд ли, – согласился я, зачарованный красноречием Пуаро. – Но если он ничего не покупал, то почему не сказал, где находился в шесть часов вечера в понедельник?

– Ах, в самом деле почему? – успокоенно произнес Пуаро. – Если бы его арестовали, то он, вероятно, заговорил бы, но мне не хотелось бы, чтобы дело дошло до ареста. Я должен заставить его понять опасность положения. За его молчанием, разумеется, кроется нечто дискредитирующее. Пусть Инглторп и не убивал свою жену, тем не менее он остается мерзавцем, и ему есть что скрывать, даже если отбросить убийство.

– Что бы это могло быть? – задумчиво протянул я, побежденный доводами Пуаро, хотя у меня по-прежнему оставались слабые сомнения в верности его очевидных заключений.

– Неужели вы не догадываетесь? – улыбаясь, спросил Пуаро.

– Нет, а вы догадываетесь?

– О, да, недавно у меня появилась одна версия... и оказалось, что она вполне правдоподобна.

– И вы даже не поделились со мной, – с упреком заметил я.

Пуаро смущенно развел руками.

– Простите меня, *mon ami*, но вы же отнеслись к моему мнению с решительным... скажем так, *désapprobation*^[32]. – Он серьезно посмотрел на меня. – Вот скажите-ка мне... теперь-то вы понимаете, что его нельзя было арестовать?

– Возможно, – с сомнением ответил я, поскольку меня совершенно не волновала судьба Альфреда Инглторпа, и скорее уж я считал, что его не мешало бы хорошенько припугнуть.

Пуаро внимательно посмотрел на меня и глубоко вздохнул.

– Ладно, друг мой, что еще поразило вас на этом дознании, – меняя тему, поинтересовался он, – помимо Альфреда Инглторпа?

– О, в остальном я как раз ожидал примерно таких показаний.

– Неужели вам ничего не показалось странным?

На ум мне сразу пришли показания Мэри Кавендиш, но я предпочел уклониться от прямого ответа.

– Что вы имеете в виду?

– Ну, к примеру, показания мистера Лоуренса Кавендиша...

– Ах, Лоуренса! – воскликнул я, облегченно вздохнув. – Нет, ничего особенного в его показаниях я не заметил. Просто он по натуре весьма застенчив.

– *Hein?*^[33] Неужели вас не поразило даже его предположение о том, что его мать отравилась случайно, выпив слишком много тонизирующего лекарства?

– Нет, не сказал бы, что поразило. Доктора высмеяли его, разумеется. Но для дилетанта такое предположение вполне естественно.

– Месье Лоуренс, однако, не дилетант. Вы сами говорили мне, что он изучал медицину и получил диплом врача.

– Да, верно. Я как-то не подумал об этом, – пораженно ответил я. – Тогда действительно, странно.

– Его поведение, – кивнув, продолжил Пуаро, – выглядело странным с самого начала. Из всех домочадцев только он, вероятно, мог бы распознать симптомы отравления стрихнином, однако, как мы знаем, он – единственный – активно поддерживает версию

естественной смерти. Я еще мог бы понять, если бы так говорил месье Джон. У него нет профессиональных знаний, да и по натуре он лишен воображения. Но месье Лоуренс... нет! И вот *сегодня* он высказывает предположение столь смехотворное, что и сам знает, сколь оно смехотворно. Тут есть о чем поразмыслить, *mon ami*.

– Да, это сильно запутывает положение, – согласился я.

– Теперь перейдем к миссис Кавендиш, – продолжил Пуаро. – Она тоже говорила не все, что знает. Что вы думаете о ее показаниях?

– Не знаю, что и думать. Кажется невыносимым, что она может покрывать Альфреда Инглторпа. Ее показания, однако, прозвучали именно так.

– Да, странно. – Пуаро задумчиво кивнул. – Несомненно, однако, что она слышала из того «конфиденциального разговора» гораздо больше, чем пожелала сообщить.

– И однако менее всего я заподозрил бы ее в склонности к подслушиванию!

– Безусловно. Но в ее показаниях мне показалось убедительным только одно. Да, я ошибся. Доркас оказалась совершенно права. Ссора произошла раньше, около четырех часов, как она и говорила.

Я с интересом взглянул на него. Меня и раньше удивляло его упорное внимание к столь мелкой детали.

– Да, *сегодня* обнаружилось много странностей. К примеру, с чего вдруг доктор Бауэрштайн ни свет ни заря, на редкость своевременно, в полном облачении прогуливался у ворот усадьбы? Удивительно, почему никто не обратил внимания на этот факт.

– Может, он страдает бессонницей, – с сомнением предположил я.

– Слишком просто свалить на бессонницу то, что может иметь гораздо более сложные причины, – заметил Пуаро. – Такое объяснение вполне всеобъемлюще, но ничего не проясняет. Надо будет присмотреться к нашему даровитому доктору Бауэрштайну.

– Какие же еще ошибки можно обнаружить в показаниях? – саркастически поинтересовался я.

– *Mon ami*, когда люди утаивают правду, – рассудительно ответил Пуаро, – то следует быть настороже! В общем, если не ошибаюсь, на сегодняшнем дознании только один, от силы два человека безоговорочно и искренне говорили правду.

– Да бросьте, Пуаро! Я не стал бы, конечно, упоминать Лоуренса или миссис Кавендиш. Но есть еще Джон и мисс Говард, разве они хоть что-то скрывали?

– Вы ошибочно отнесли их в одну компанию, друг мой. Хотя один из них, согласен, ничего не скрывал...

Его слова неприятно поразили меня. Какими бы маловажными ни казались показания мисс Говард, она давала их в такой откровенной и непосредственной манере, что мне и в голову не пришло бы усомниться в ее искренности. И тем не менее я привык относиться с огромным уважением к проницательности Пуаро, за исключением тех случаев, когда он оказывался, как я определял это для себя, «глупым упрямым».

– Неужели вы и вправду так думаете? – удивился я. – Мисс Говард всегда казалась мне в высшей степени честной... практически до бестактности.

Пуаро так загадочно взглянул на меня, что я совсем растерялся. Его взгляд, казалось, выдавал и одновременно утаивал какие-то важные знания.

– И мисс Мэрдок тоже, – продолжил я, – ее ответы прозвучали совершенно правдиво.

– Верно. Хотя странно то, что она ничего не слышала, хотя спала в смежной со спальней миссис Инглторп комнате. Зато миссис Кавендиш аж из другого крыла дома отчетливо услышала грохот упавшего стола.

– Ну, девушка молода... Просто крепко уснула.

– О да, безусловно! Должно быть, у нее на редкость крепкий сон.

Мне не понравилось, каким тоном он это произнес, но тут до наших ушей донесся громкий стук, и, выглянув в окно, мы увидели, что внизу нас ждут двое столичных полицейских.

Пуаро схватил шляпу, лихо подкрутил усы и, озабоченно смахнув незримую пылинку со своего рукава, предложил мне следовать за ним вниз, к выходу, где мы присоединились к детективам и все вместе направились в Стайлз.

По-моему, появление в доме двух полицейских из Скотленд-Ярда стало потрясением для всех его обитателей – особенно для Джона, хотя, разумеется, после неопределенного вердикта присяжных он понимал, что в свое время полицейские сюда к ним обязательно заявятся.

И все-таки присутствие столичных детективов впервые заставило его глубоко осознать трагизм сложившейся ситуации.

По пути к особняку Пуаро и Джепп о чем-то тихо совещались, и в итоге столичный инспектор официально потребовал собрать в гостиной всех домочадцев, за исключением слуг. Я понял задумку такого собрания. Пуаро хотелось щегольнуть своими уникальными находками.

Лично я, правда, сомневался в успехе его представления. Пуаро, возможно, имел отличные и убедительные резоны для доказательства невиновности Инглторпа в убийстве, но Саммерхэю требовались доказательства вещественные, а я сомневался, что Пуаро сможет их предоставить.

Вскоре уже домочадцы собрались в гостиной, и Джепп закрыл дверь. Пуаро учтиво рассадил всех по креслам. Взгляды обитателей Стайлза были прикованы к полицейским из Скотленд-Ярда. По-моему, все мы впервые осознали, что смерть Эмили – не просто дурной сон, а прискорбная и осязаемая реальность. Раньше о подобных историях нам доводилось только читать, а теперь мы сами стали героями драмы. Завтра ежедневные газеты запестрят броскими заголовками, разнеся эту новость по всей Англии: «Таинственная трагедия в Эссексе», «Отравление богатой леди»... Напечатают фотографии особняка Стайлз-корт, снимки родственников под заголовком «Семья покидает дознание» – деревенскому фотографу скучать не придется! О криминальных историях посторонних людей каждый из нас читал сотни раз, абсолютно не представляя, что с нами произойдет нечто подобное. И вот убийство совершено в этом самом доме. И в гостиной нам приказали собраться «детективы, уполномоченные расследовать преступление». Все эти популярные расхожие фразы пронеслись в моей голове, пока все рассаживались, до того, как Пуаро объявил о цели собрания.

По-моему, все немного удивились, что именно он, а не один из столичных полицейских взял инициативу в свои руки.

– Мадам и месье, – сказал Пуаро с легким поклоном, точно знаменитость, приглашенная для чтения лекции, – я пригласил вас собраться здесь с определенной целью. И тема нашего собрания касается Альфреда Инглторпа.

Последний сидел немного особняком – по-моему, каждый неосознанно слегка отодвинул от него свое кресло – и слегка вздрогнул, когда Пуаро произнес его имя.

– Мистер Инглторп, – продолжил бельгиец, обращаясь непосредственно к нему, – на этот дом опустилась мрачная тень – тень убийства.

Инглторп удрученно покачал головой.

– Моя бедная жена, – пробормотал он, – бедная Эмили! Ужасное несчастье.

– Не думаю, месье, – многозначительно произнес Пуаро, – что вы полностью осознаете, насколько ужасным оно может стать... лично для вас, – и заметив, что на лице Инглторпа не отразилось понимания, добавил: – Мистер Инглторп, вы находитесь в смертельной опасности.

Детективы явно занервничали. Мне показалось, что официальное предупреждение: «Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде» – буквально вертелось на языке Саммерхэя.

– Теперь вы поняли свое положение, месье?

– Нет. Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, – медленно произнес Пуаро, – что вас подозревают в отравлении вашей жены.

По гостинной пронесся легкий вздох людей, оценивших прямоту этого высказывания.

– Господи, какая чудовищная идея! – вскочив, воскликнул Инглторп. – Меня подозревают в... отравлении моей дорогой Эмили?!

– На мой взгляд, – пристально глянув на него, произнес Пуаро, – вы не в полной мере осознаете, какое крайне неблагоприятное впечатление произвели ваши показания на дознании. Итак, мистер Инглторп, услышав теперь мои пояснения, вы по-прежнему откажетесь сообщить, где находились в шесть часов вечера в понедельник?

Альфред Инглторп со стоном опустился в кресло и закрыл лицо руками. Пуаро встал перед ним.

– Говорите! – угрожающе воскликнул он.

Преодолев себя, Инглторп опустил руки и взглянул на него. Затем нарочито медленно покачал головой.

– Так вы не желаете говорить?

– Нет. Это просто чудовищная мысль... я не могу поверить, чтобы кто-то мог обвинить меня в упомянутом вами преступлении...

Пуаро задумчиво кивнул с видом человека, принявшего решение.

– *Soit!*^[34] – сказал он. – Тогда я сам предоставлю эти сведения.

Альфред Инглторп вновь вскочил с кресла.

– Вы? Что вы можете предоставить? Вы же ничего не знаете... – резко выкрикнул он.

Пуаро обвел взглядом собравшихся.

– Мадам и месье! Я буду говорить. Слушайте! Я, Эркюль Пуаро, утверждаю, что человек, зашедший в аптеку и купивший стрихнин в шесть вечера понедельника, не мог быть Альфредом Инглторпом, поскольку в шесть вечера того дня мистер Инглторп провожал домой миссис Рэйкс с соседней фермы. Я могу предоставить вам не менее пяти свидетелей, которые присягнут в том, что видели их вместе как в шесть часов, так и немного позже. И, как вам, возможно, известно, монастырская ферма, где живет миссис Рэйкс, находится по меньшей мере в двух с половиной милях от деревни. И данное алиби не вызывает абсолютно никаких сомнений!

Глава 8

Новые подозрения

В гостиной воцарилось оцепенелое безмолвие. Джепп, удивленный менее всех нас, первым нарушил молчание.

– Вот это да! – воскликнул он. – Просто великолепно! Это бесспорно, мистер Пуаро? Полагаю, вам известны все эти свидетели?

– Уаля! Я составил для вас их список с именами и адресами. Конечно, вам придется встретиться с ними. Но вы узнаете все, что требуется.

– Ничуть не сомневаюсь. – Джепп понизил голос. – Очень вам признателен. Хороши бы мы были, арестовав невиновного... – Он глянул на Инглторпа. – Но, простите мое любопытство, сэр, почему же вы сами не сказали этого прямо на дознании?

– Я скажу вам, – вмешался Пуаро. – Ходили некоторые слухи...

– Злонамеренные и совершенно ложные! – не выдержав, возмущенно выпалил Альфред Инглторп.

– И мистери Инглторпу крайне не хотелось вновь давать повод для столь скандальных слухов. Я прав?

– Совершенно правы, – согласился Альфред. – Мою бедную Эмили еще даже не предали земле, так разве удивительно, что мне решительно не хотелось давать повод для новых ложных слухов?

– Между нами говоря, сэр, – заметил Джепп, – я скорее предпочел бы любые слухи, чем арест по обвинению в убийстве. И смею думать, что ваша бедная супруга предпочла бы то же самое. И если бы не вмешательство нашего знаменитого мистера Пуаро, то вы как пить дать уже сидели бы под арестом!

– Безусловно, я вел себя глупо, – проворчал Инглторп, – но вы не представляете, инспектор, как мне докучали этими клеветническими слухами, – добавил он, стрельнув злобным взглядом в Эвелин Говард.

– Теперь, сэр, – оживленно сказал Джепп, повернувшись к Джону, – я хотел бы, если не возражаете, осмотреть спальню вашей покойной матушки, после чего нам придется немного побеседовать

со слугами. Но вам не о чем беспокоиться, меня любезно согласился проводить месье Пуаро.

Когда все разошлись, бельгиец знаком пригласил меня следовать за ним наверх. На втором этаже он взял меня за руку и увлек в сторону.

– Немедленно идите к другому крылу. Встаньте там прямо возле обитой сукном двери и ждите меня, – прошептал он и, оставив меня, быстро вернулся к детективам.

Следуя его указаниям, я занял пост возле этой обитой сукном двери, тщетно пытаюсь понять, что скрывается за его поручением. Чего ради мне надо стоять тут на страже? Я задумчиво поглядывал на тянущийся от двери коридор. И тогда у меня возникла одна идея. В этом коридоре находились комнаты остальных членов семьи, за исключением Синтии Мэрдок. Возможно, дело именно в этом. Надо ли мне будет доложить потом, кто входил сюда или выходил отсюда? Я честно стоял на посту. Время шло. Никто не появлялся. Ничего не происходило.

Только минут через двадцать ко мне присоединился Пуаро.

– Вы никуда не отходили?

– Нет, я торчал здесь, как столб. Ничего не произошло.

– Вот как! – Я не понял, доволен он или разочарован. – Значит, вы совсем ничего не видели?

– Нет.

– Но, возможно, вы что-то слышали? Какой-то глухой шум или грохот, к примеру, *top ami*?

– Нет, ничего подобного.

– Возможно ли? Ах, как досадно получилось! Я, знаете ли, оказался на редкость неуклюжим. Просто случайная небрежность... – Я с трудом представлял, что Пуаро может быть небрежным случайно. – Как-то неосторожно взмахнул левой рукой, а прикроватный столик вдруг перевернулся!

Он выглядел очень подавленным и по-детски огорченным, и я поспешил утешить его.

– Не расстраивайтесь, дружище. Пустяки! Вы слишком разволновались после триумфа в гостиной. Признаться, вам удалось удивить всех нас. Должно быть, не все так просто, как мы думали, в связи Инглторпа с этой миссис Рэйкс, раз он так упорно

отмалчивался... Каковы дальнейшие планы? А где, кстати, наши ищейки из Скотленд-Ярда?

– Отправились допрашивать слуг. Я предоставил им все наши доказательства. Хотя Джепп разочаровал меня. Он действует бессистемно!

– Привет! А вот и доктор Бауэрштайн. По-моему, вы правы насчет этого типа, Пуаро. Мне он тоже не нравится.

– Он умен, – задумчиво заметил бельгиец.

– О да, чертовски умен! Должен сказать, я позлорадствовал, увидев его во вторник в ужасном состоянии. Вы не представляете, какое это было зрелище! – и я описал злосчастное падение доктора. – Он выглядел как настоящее пугало! Весь в грязи с ног до головы.

– Значит, вы видели его тогда?

– Еще бы. Конечно, он не хотел заходить... это случилось как раз после ужина... но мистер Инглторп настоял.

– Что? – возмущенно воскликнул Пуаро, схватив меня за плечи. – Разве Бауэрштайн побывал здесь во вторник вечером? В этом доме? И вы даже не упомянули мне об этом? Ну почему же вы не сказали мне? Почему? Почему?

Казалось, что он пришел в безумное отчаяние.

– Но, дорогой мой Пуаро, – запротестовал я, – мне и в голову не пришло, что это может заинтересовать вас. Я не думал, что такой пустяк стоит вашего внимания.

– Пустяк?.. Да это же имеет важнейшее значение! Итак, наш доктор побывал здесь во вторник вечером... и в ночь убийства. Гастингс, неужели вы не понимаете? Это же меняет все... все!

Мне еще не приходилось видеть его таким расстроенным. Отцепившись от меня, он машинально переставил пару подсвечников, продолжая бормотать себе под нос:

– Да, это меняет все дело... меняет все...

Внезапно он, видимо, принял какое-то решение.

– *Allons-y!*^[35] – воскликнул он. – Нам надо действовать незамедлительно. Где мистер Кавендиш?

Узнав, что Джон в курительной комнате, он направился напрямиком туда.

– Мистер Кавендиш, у меня появилось важное дело в Тэдминстере. Новая улика. Могу я воспользоваться вашим автомобилем?

– Да, пожалуйста. Вы хотите ехать прямо сейчас?

– Если позволите.

Джон позвонил в колокольчик и приказал вывести машину. Через десять минут мы уже выехали из парка и мчались по шоссе к Тэдминстеру.

– Простите, Пуаро, – смиренно произнес я, – может, вы объясните мне, почему это так важно?

– В общем, *mon ami*, вы уже сами о многом догадались. Естественно, вы осознали, что теперь, когда мистера Инглторпа мы исключили, ситуация в расследовании сильно изменилась. Перед нами встала совершенно новая проблема. Нам известно теперь, что точно есть один человек, который не мог купить отраву. Мы отбросили сфабрикованные улики. Теперь пора найти реальные. Я установил, что любой из домочадцев, за исключением миссис Кавендиш, игравшей с вами в теннис, мог сыграть роль мистера Инглторпа в понедельник вечером. В то же время у нас есть его утверждение, согласно которому он оставил чашку кофе на столе в холле. В ходе дознания никто не придал данному обстоятельству особого значения, но теперь оно обрело совсем иной смысл. Мы должны выяснить, кто именно в итоге отнес кофе миссис Инглторп или кто побывал в холле, пока кофе находился там. Судя по вашим рассказам, только двоих мы можем с уверенностью исключить – миссис Кавендиш и мадемуазель Синтию.

– Верно, выходит так, – согласился я.

У меня сразу отлегло от сердца. Значит, с Мэри Кавендиш определенно снято подозрение.

– Для снятия подозрений с мистера Инглторпа, – продолжил Пуаро, – мне пришлось раскрыть карты раньше, чем я намеревался. Жаль – поскольку, думая, что я ищу доказательств его вины, преступник мог случайно выдать себя. Теперь же он будет вдвойне осторожен. Да... вдвойне осторожен. – Вдруг он резко повернулся ко мне. – Скажите-ка мне, Гастингс, вы сами... неужели вы никого не подозреваете?

Я нерешительно помедлил. Говоря по правде, одна идея, сама по себе дикая и сумасбродная, в то утро разок-другой мелькала в моих мыслях. Я отверг ее как абсурдную, но тем не менее она навязчиво возвращалась, не давая мне покоя.

– Есть одно чисто интуитивное подозрение, – пробормотал я, – но оно совершенно нелепо.

– Смелее, – подначил меня Пуаро, – не смущайтесь. Говорите откровенно. Нельзя оставлять без внимания интуицию.

– Ну что ж, – выпалил я, – пусть это глупо, но я подозреваю, что мисс Говард говорит не все, что ей известно!

– Мисс Говард?

– Да... вот видите, теперь вы будете смеяться надо мной...

– Вовсе нет. Что же тут смешного?

– Я не могу отделаться от ощущения, – смущенно продолжил я, – что мы исключили ее из возможных подозреваемых просто в силу того, что она уехала из дома. Но, с другой стороны, она ведь находилась всего в пятнадцати милях от усадьбы. И на машине могла бы добраться сюда за полчаса. Можем ли мы без сомнения сказать, что она не заезжала в Стайлз в ночь убийства?

– Да, друг мой, – неожиданно заявил Пуаро, – можем. Начав расследование, я первым делом позвонил в тот госпиталь, где она устроилась на работу.

– И что же?

– В общем, я узнал, что во вторник мисс Говард отработала дневное дежурство, а потом – после неожиданного прибытия нового санитарного транспорта – любезно предложила свои услуги по работе в ночную смену, и ее предложение с благодарностью приняли. То есть сюда она приехать никак не могла.

– Надо же! – смущенно произнес я и, помедлив, добавил: – На самом деле, изначально мои подозрения к ней вызвала ее страстная ненависть к Инглторпу. Я не мог отделаться от мысли, что мисс Говард задумала погубить его. И у меня появилась идея, что она могла знать что-то про уничтоженное завещание. Что она могла сжечь новое, ошибочно приняв его за более раннее, где все состояние отписывалось ему. Ведь мисс Говард чертовски враждебно настроена против него.

– Вы думаете, что ее ненависть поддельна?

– Пожалуй. Уж очень она неистова в ней. Я даже подумал, уж не свихнулась ли она на этой почве.

Пуаро энергично покачал головой.

– Нет, нет, тут вы свернули с правильного пути. С головой у мисс Говард все в полном порядке, она отнюдь не страдает слабоумием. Она – великолепный образец хорошо сбалансированного английского холода. Воплощенное здравомыслие.

– Ее ненависть к Инглторпу, однако, почти маниакальна. Вот мне и пришла в голову идея – пусть даже безусловно нелепая, – что она намеревалась отравить его, а по какой-то случайной ошибке отравилась миссис Инглторп. Непонятно только, как это могло произойти. И вообще, все это в высшей степени абсурдно и нелепо.

– И тем не менее в одном вы правы. Более чем разумно держать под подозрением всех и каждого, пока вы не сможете логично и убедительно доказать их невиновность. Итак, какие мотивы имеются у мисс Говард для преднамеренного отравления миссис Инглторп?

– Вот уж никаких, она же была предана ей! – возмущенно возразил я.

– Тише! Тише! – раздраженно воскликнул Пуаро. – Вы горячитесь, как ребенок. Если мисс Говард сумела отравить старую даму, то вполне правдоподобно изображала бы преданность... Нет, нам нужно взглянуть на дело с другой стороны. Вы совершенно правы, допуская, что ее ненависть к Альфреду Инглторпу слишком неистова, чтобы быть настоящей. Хотя вы делаете из этого предположения ошибочные заключения. Я лично пришел к иным выводам, по-моему, верным, но пока я не стану говорить о них.

Задумчиво помолчав, он продолжил:

– Итак, на мой взгляд, существует одно несокрушимое возражение против подозрения в убийстве мисс Говард.

– Какое же?

– То, что смерть миссис Инглторп никоим образом не могла быть выгодна мисс Говард. А убийства без мотива не бывает.

– А разве не могла миссис Инглторп написать завещание в ее пользу? – задумчиво предположил я.

Пуаро покачал головой и с улыбкой заметил:

– Может, вы еще заподозрите в том же самом мистера Уэллса? У него как раз имелся мотив. Я не стану называть имя человека, у которого, по-моему, действительно имелся серьезный мотив. Мисс Говард находится примерно в таком же положении, поэтому я воспользовался ею для примера.

– И все-таки миссис Инглторп могла так поступить. Ведь в завещании, написанном днем перед смертью, она могла... – Я невольно замолчал, видя, с каким негодованием Пуаро покачал головой.

– Нет, друг мой, у меня самого появились кое-какие мысли о содержании того завещания. Могу заверить вас только в том, что оно точно не предоставляло мисс Говард никаких выгод.

Я принял его заверения, хотя, в сущности, не понимал, откуда у него взялась такая уверенность в этом вопросе.

– Ладно, – вздохнув, сказал я, – значит, мы должны оправдать мисс Говард. Но вы сами отчасти виноваты в том, что я заподозрил ее. Все из-за того, как вы оценили ее показания на дознании.

– А как я оценил ее показания? – озадаченно глянув на меня, спросил Пуаро.

– Разве вы не помните? Когда я заметил, что она и Джон Кавендиш вне подозрений.

– Ну... ах да, – он выглядел немного смущенным, но быстро пришел в себя. – Кстати, Гастингс, мне нужно поручить вам одно задание.

– Ради бога, пожалуйста. Какое же?

– В следующий раз, когда вы встретитесь с Лоуренсом Кавендишем наедине, вам нужно будет сказать ему: «Пуаро поручил мне кое-что передать вам. Он сказал: «Найдите лишнюю кофейную чашку, и тогда сможете обрести душевный покой!» И больше ничего не говорите. Ни больше, ни меньше.

– «Найдите лишнюю кофейную чашку, и тогда сможете обрести душевный покой!» Правильно? – глубоко озадаченный спросил я.

– Безупречно.

– Но что это означает?

– А это я предоставляю выяснить вам самостоятельно. У вас имеются все факты. Просто передайте ему мои слова и послушайте, что он ответит.

– Отлично. Хотя все это чертовски загадочно.

Мы уже примчались в Тэдминстер, и Пуаро велел шоферу подъехать к дому с вывеской «Химическая лаборатория».

Пуаро, прихрамывая, быстро направился к входу и скрылся в лаборатории. Через пару минут он опять появился на улице

и удовлетворенно сообщил.

– Все, дельце сделано.

– А что вам там понадобилось? – с живым любопытством поинтересовался я.

– Оставить кое-что для анализа.

– Понятно, но что вы оставили?

– Пробу какао, взятую мной из ковшика в спальне.

– Но ее ведь уже проверяли! – изумленно воскликнул я. – Проверял сам доктор Бауэрштайн, а вы еще посмеялись над возможностью незаметно подсыпать в нее стрихнин.

– Я знаю, что ее проверял доктор Бауэрштайн, – тихо заметил Пуаро.

– Тогда зачем же еще одна проверка?

– Ну, захотелось мне повторить проверку, только и всего.

Больше я не смог вытянуть у него ни единого слова на эту тему.

Меня сильно озадачил поступок Пуаро в отношении какао. Я лично не видел в нем ни толка, ни смысла. Однако уверенность в гениальности моего друга, слегка поколебавшаяся в последние дни, вновь обрела полную силу, поскольку так триумфально подтвердилось его убеждение в невинности Альфреда Инглторпа.

Похороны миссис Инглторп состоялись на следующий день, и когда в понедельник я спустился к позднему завтраку, Джон отвел меня в сторону и сообщил, что нынче утром мистер Инглторп выехал из дома, собираясь снять номер в «Приюте фермера» для завершения своих планов.

– Какое же огромное облегчение, Гастингс, что он надумал уехать, – продолжил мой честный друг. – Раньше нас терзали мысли о том, что он сделал, но будь я проклят, если теперь, когда мы испытываем вину за столь враждебное отношение к этому типу, нам стало хоть немного легче. В сущности, мы относились к нему безобразно. Естественно, против него сложилось мрачное предубеждение. И я не думаю, что кто-то вправе обвинить нас за поспешно сделанное заключение. Но раз уж мы так жутко ошиблись, то теперь появилось отвратительное ощущение необходимости как-то загладить нашу вину. Однако как же это трудно, учитывая, что отношение к нему если чуть и улучшилось, то уж никак не до симпатии... В общем, чертовски неловкая ситуация! И я

благодарен ему за то, что у него хватило тактичности убраться из дома. Хорошо еще, что Стайлз не достался ему. Невыносима уже сама мысль о том, что этот проходимец мог хозяйничать здесь. Довольно с него и матушкиных денег.

– А вы сможете содержать усадьбу в надлежащем порядке? – спросил я.

– О да. Придется, конечно, заплатить налог на наследство, но от отцовских денег осталась еще половина, и Лоуренс пока не собирается уезжать, поэтому его доля тоже пойдет в дело. Сначала придется, правда, урезать кое-какие расходы, поскольку, как я вам уже говорил, мое финансовое положение весьма сложно. И все же кредиторы теперь согласятся повременить с претензиями.

Благодаря общему облегчению, порожденному известием об отъезде Инглторпа, завтрак впервые со времени трагедии прошел в доброжелательной атмосфере. Синтия, непотопляемая в силу естественной молодой жизнерадостности, уже пришла в себя и опять выглядела оживленной и веселой, и все мы, за исключением Лоуренса, выглядевшего по-прежнему мрачным и нервным, со спокойной радостью смотрели в открывшееся перед нами новое и многообещающее будущее.

Газеты, разумеется, пестрели сообщениями о скандальной трагедии. Кричащие заголовки, многочисленные биографии каждого из домочадцев, изощренные инсинуации и традиционные туманные намеки на имеющиеся в распоряжении полиции улики. Никто нас не миловал. В общественной жизни наступил период застоя. Военные события временно потеряли актуальность, и газетчики алчно набросились на преступление в мире светской жизни: «Загадочное происшествие в Стайлзе» стало главной темой обсуждения.

Естественно, это очень огорчало Кавендишей. Усадьбу постоянно осаждали репортеры, в дом их упорно не пускали, но они продолжали сновать по парку и деревне, где устраивали засады, ожидая с фотокамерами случайного появления забывшегося домочадца. Мы жили под угрозой публичного скандала. Сновали туда-сюда неразговорчивые столичные полицейские, что-то вынюхивая, выспрашивая и высматривая орлиными взорами. Мы понятия не имели, что именно они ищут. Появилась ли у них какая-то важная улика или это дело пока относится к категории нераскрытых преступлений?

После завтрака ко мне подошла Доркас и с загадочным видом попросила уделить ей пару минут.

– Ради бога, Доркас, что-то случилось?

– В общем, именно так, сэр. Возможно, вы увидите сегодня нашего бельгийского джентльмена?

Я кивнул.

– Так вот, сэр, помните, он упорно выспрашивал у меня, нет ли у хозяйки или кого-то из домочадцев зеленого платья?

– Да, да. Так вы нашли у кого-то такой наряд? – оживляясь, спросил я.

– Не то чтобы нашла, сэр. Но я вспомнила про сундук, который молодые господа, – Джон и Лоуренс по-прежнему оставались для Доркас «молодыми господами», – называют «маскарадным». Он стоит на чердаке, сэр. Здоровенный сундук, полный старинных платьев и маскарадных костюмов, чего там только нет. И мне вдруг подумалось, может, там хранится какой-то зеленый наряд? Поэтому, если бы вы сообщили о том бельгийскому господину...

– Я обязательно сообщу ему, Доркас, – пообещал я.

– Большое вам спасибо, сэр. Он ведь, сэр, такой приятный джентльмен. Уж совсем другого полета, чем те два лондонских полицейских, которые тут все вынюхивают да выспрашивают. Обычно-то мне не нравятся иностранцы, но, судя по тому, что говорится в газетах, славные бельгийцы отличаются от обычных малоприятных чужеземцев, а уж месье Пуаро определенно весьма вежлив в общении.

Милая старая Доркас! Она стояла, глядя на меня с такой искренней преданностью, что я с сожалением подумал о том, что она являет собой прекрасный образец быстро уходящих в историю преданных слуг.

Я решил также сразу пойти прямо в деревню и навестить Пуаро, но удачно встретил его по дороге. В общем, столкнувшись с ним на полпути, я немедленно передал ему сообщение служанки.

– Ах, молодчина Доркас! Мы заглянем в этот сундук, хотя... ладно, не важно... мы все равно проверим его.

В дом мы вошли через балконные двери, прошли по пустому холлу и поднялись прямо на чердак. Там действительно стоял сундук, прекрасный старинный сундук, обитый медными гвоздями и доверху набитый разнообразными костюмами.

Без особых церемоний Пуаро принялся выкладывать их на пол. Один или два наряда были сшиты из зеленой ткани разных оттенков; бельгиец, однако, отверг их, вяло покачав головой. Казалось, поиски вообще мало его интересуют, словно он не ожидал от них никаких полезных результатов. Но внезапно он удивленно воскликнул:

– Что это у нас тут такое? Взгляните-ка!

Сундук почти опустел; на самом дне лежала великолепная черная борода.

– Ого! Ого! – воодушевленно приговаривал Пуаро, внимательно разглядывая бороду со всех сторон. – По-моему, новая, – заметил он. – Да, совершенно новая.

Задумчиво помедлив, бельгиец вернул находку на дно, восстановил исходную картину, навалив сверху всю остальную одежду, и быстро вернулся в холл. Там он сразу направился в буфетную, где мы нашли Доркас за усердной чисткой столового серебра.

Пожелав ей с галльской вежливостью доброго утра, он перешел к делу.

– Доркас, мы уже изучили содержимое сундука. Я очень благодарен вам за столь ценное воспоминание. Там поистине замечательная коллекция костюмов. И часто ли, позвольте спросить, они используются?

– Ну, сэр, по нынешним временам не очень-то часто, хотя время от времени мы тут устраиваем вечерние приемы, которые молодые господа называют вроде бы «машкерадами». Иногда, сэр, получается просто уморительно смешно. Мистер Лоуренс на редкость изобретателен, да. Наряды он порой придумывает удивительно забавные! Никогда не забуду тот вечер, когда он спустился в зал, нарядившись каким-то шаром из Персии. По-моему, он объяснил, что изображает... какого-то восточного короля. Все ходил тут, размахивая большим ножом для разрезания бумаг, а мне игриво заявил: «Не забывайте, Доркас, вам надлежит относиться ко мне с нижайшим почтением. Видите, какой у меня остро наточенный ятанан, и ежели я буду вами недоволен, то ваша голова полетит с плеч!» А мисс Синтия, ее они называли каким-то Апашем, в общем, чудным французским именем вроде головореза... Да, апаш, так мне послышалось. Ну а выглядела она как чистое страшилище. Кто бы мог подумать,

что очаровательная приличная девушка вздумает превратить себя в вылитого разбойника! Никто ведь даже и не узнал ее поначалу.

– На таких вечерах, должно быть, очень весело, – с удовольствием заметил Пуаро, – а мистер Лоуренс, видимо, отыскал для себя в сундуке ту замечательную черную бороду для костюма персидского шаха.

– Точно, он делал какую-то бороду, – улыбнувшись, ответила Доркас. – Уж мне ли не помнить, ведь он соорудил ее, позаимствовав у меня два мотка черной шерсти! И уж поверьте, издали она выглядела чисто как натуральная. Но я и не знала, что там наверху есть какая-то борода. Должно быть, ее положили туда недавно. Рыжий парик лежал в сундуке, помню, но больше вроде никаких шиньонов и бород. Разрисовывали-то они себя в основном жженой пробкой, хотя от этой грязи ужасно трудно избавиться. Мисс Синтия однажды вышла вся черномазая, изображала чернокожего плясуна... Ох уж и натерпелась она, смывая с себя сажу!

– Итак, Доркас ничего не известно о той черной бороде, – задумчиво заметил Пуаро, когда мы удалились в холл.

– Так вы думаете, что это та самая? – пылко прошептал я.

– Да, – кивнул Пуаро. – Вы заметили, как она была подстрижена?

– Нет.

– Да, да. Ее подстригли, придав форму бороды мистера Инглторпа, я как раз нашел пару обрезков... Увы, Гастингс, мы имеем дело с крайне изобретательным преступником.

– Интересно, кто же спрятал ее в сундук? – озадаченно произнес я.

– Человек с изощренными умственными способностями, – сухо проворчал Пуаро. – Вы же понимаете, что он спрятал ее в том месте, где она не вызвала бы никаких подозрений? Да, он умен. Но мы должны быть умнее. Причем умнее настолько, чтобы он скорее считал нас глупыми.

Я молча кивнул.

– И в этом, *top at it*, вы окажете мне большую помощь.

Меня порадовал такой комплимент. В былые времена я едва ли думал, что Пуаро оценит меня по достоинству.

– Да, – продолжил он, пристально глядя на меня, – ваша помощь будет неоценима.

Естественно, такая похвала еще приятнее, однако следующие слова Пуаро несколько разочаровали меня.

– Надо еще найти союзника в этом доме, – задумчиво добавил он.

– Но ведь в моем лице вы уже нашли его, – возразил я.

– Все верно, но одного человека мне недостаточно.

Я обиделся и не замедлил показать это.

– Вы не совсем правильно меня поняли, – поспешил пояснить Пуаро. – Всем известно, что вы расследуете преступление вместе со мной. А мне нужен кто-то, никоим образом не связанный с нами.

– Ах, понятно... Как насчет Джона?

– Нет, вряд ли он нам поможет.

– Да, возможно, наш дорогой хозяин не слишком сообразителен, – озабоченно заметил я.

– А вот идет мисс Говард, – внезапно сказал Пуаро, – именно она-то нам и нужна. Правда, она занесла меня в черный список из-за того, что я оправдал мистера Инглторпа. И все же можно хотя бы попробовать.

На просьбу Пуаро уделить ему несколько минут для разговора Эви ответила лишь небрежным, едва ли вежливым кивком.

Мы прошли в малую столовую, примыкающую к кухне, и бельгиец закрыл дверь.

– Итак, месье Пуаро, – нетерпеливо сказала мисс Говард, – что еще случилось? Выкладывайте живей, а то у меня куча дел.

– Вы помните, мадемуазель, что однажды я просил вас помочь мне?

– Да, конечно, – кивнула женщина, – и я ответила, что с удовольствием помогу вам... повесить Альфреда Инглторпа.

– Ах! – Пуаро пристально посмотрел на нее. – Мисс Говард, позвольте задать вам вопрос. Только очень прошу, отвечайте правду.

– Я всегда говорю правду, – отрезала мисс Говард.

– Отлично. Вы по-прежнему полагаете, что миссис Инглторп отравил ее супруг?

– Что вы имеете в виду? – резко спросила она. – Зря вы думаете, что ваши хитроумные объяснения хоть как-то изменили мое мнение. Я признаю, что не он покупал стрихнин в аптеке. И что с того? Я вам с самого начала говорила, что, по-моему, он давно готовил для нее ловушку, значит, мог воспользоваться и липучкой для ловли мух.

– В липучках используется мышьяк, а не стрихнин, – мягко возразил Пуаро.

– Ну и что, какая разница? Мышьяк не менее успешно, чем стрихнин, мог устранить бедную Эмили с его пути. Если уж я убеждена в его виновности, то для меня не имеет ни малейшего значения, каким именно ядом он траванул ее.

– М-да, ни малейшего... Если, – спокойно подчеркнул Пуаро, – вы полностью убеждены, что именно он отравил ее. Я поставлю вопрос по-другому. Неужели вы в глубине души действительно уверены, что миссис Инглторп отравил ее супруг?

– Господи! – возмущенно воскликнула мисс Говард. – Да я же всегда говорила вам, что этот тип – настоящий злодей. Разве не я предупреждала вас, что он прикончит ее прямо в постели? Разве не говорила, что он заслуживает смертельной ненависти?

– Точно, мисс Говард, – опять произнес Пуаро, – вы полностью подтвердили мою скромную догадку.

– Какую это догадку?

– Мисс Говард, вы помните, о чем зашел разговор за чаем в тот день, когда сюда прибыл мой друг Гастингс? Он повторил его мне, и одно ваше высказывание произвело на меня неизгладимое впечатление. Помните, как вы говорили, что если бы вдруг кто-то убил близкого вам человека, то вы наверняка – на уровне интуиции – почувствовали бы, кто именно совершил преступление, даже если не сумели бы доказать этого?

– Да, помню, говорила. И я продолжаю так думать. Видимо, вы считаете меня самонадеянно глупой?

– Вовсе нет.

– И однако, вы не обращаете никакого внимания на мое интуитивное ощущение преступности мистера Инглторпа.

– Верно, – резко произнес Пуаро, – потому что ваша интуиция подсказывает, что преступник – некто другой.

– Что?

– Да, да. Вам хочется верить, что Инглторп совершил это преступление. И вы полагаете, что он способен совершить его. Однако чутье говорит вам, что он не совершал его. Оно говорит вам нечто более неприятное... стоит ли мне продолжать?

Эвелин взирала на него точно зачарованная, вяло сделав рукой легкий подтверждающий жест.

– Стоит ли мне говорить, почему вы так ожесточенно ополчились на мистера Инглторпа? Ведь вы так стараетесь поверить в то, во что хотите верить. Да просто вы стараетесь заглушить и задушить ваше интуитивное ощущение, которое подсказывает вам другое имя...

– Нет, нет, нет! – всплеснув руками, испуганно закричала мисс Говард. – Не называйте его! О, только не называйте! Это не может быть правдой. Я сама не понимаю, как такая нелепая... такая ужасная... идея пришла мне в голову!

– Но я прав, не так ли? – уточнил Пуаро.

– Да, да! Должно быть, у вас какая-то колдовская догадливость. Но этого не может быть... это слишком чудовищно... совершенно невозможно. Преступником должен быть Альфред Инглторп.

Пуаро отрицательно покачал головой.

– Не спрашивайте меня больше, – продолжила мисс Говард, – я ничего не скажу вам. Я не могу признаться в этом даже самой себе. Должно быть, я сошла с ума, раз мне в голову пришли такие сумасбродные мысли.

– Я не буду ни о чем вас спрашивать, – согласился Пуаро, кивнув с видимым удовлетворением. – Мне достаточно того, что вы подтвердили мои догадки. И у меня... у меня тоже есть чутье. Мы работаем вместе, стремясь к общей цели.

– Нет, не просите меня помогать вам, это бесполезно. Я и пальцем не пошевелю, чтобы... чтобы... – Она запнулась и окончательно умолкла.

– Вы поможете мне помимо своей воли. Я не стану ни о чем просить вас... но вы будете моей союзницей. Вы не сможете противостоять самой себе. И будете делать как раз то, что мне нужно от вас.

– И что же?

– Вы будете следить!

– Да, – склонив голову, признала Эвелин Говард, – с этим я ничего не могу поделать. Только и делаю, что слежу. Все надеюсь найти свидетельства того, что моя интуиция на сей раз подвела меня.

– Если мы ошибаемся, тем лучше, – заметил Пуаро. – Никто не будет доволен больше меня. Но если мы правы?.. Если мы окажемся правы, мисс Говард, то на чью сторону вы встанете?

– Не знаю, я не знаю...

– Смелей.

– Можно же скрыть правду.

– Тайное всегда становится явным.

– Но сама Эмили... – Она оборвала фразу, зажав рот руками.

– Мисс Говард, – серьезно произнес Пуаро, – это недостойно вас.

Внезапно она резко опустила руки и тихо произнесла:

– Да, Эвелин Говард не могла так сказать. – Женщина гордо вскинула голову. – А вот теперь говорит Эвелин Говард. И она будет на стороне правосудия! Да будет так, чего бы то ни стоило, – закончила она и стремительно вышла из комнаты.

– Интуиция поистине удивительна, – задумчиво пробурчал Пуаро. – Она необъяснима, но ею нельзя пренебрегать.

– И вы с мисс Говард, похоже, отлично поняли друг друга, – сухо заметил я. – Возможно, вы не осознаете, что я еще брожу во мраке.

– Правда? Неужели мрак не рассеялся, *mon ami*?

– Нет. Не хотите ли вы рассеять его?

Пуаро изучающе взирал на меня. Затем, к моему глубокому удивлению, решительно покачал головой.

– Нет, друг мой.

– О, но послушайте, почему же?

– Для сохранения тайны двух человек более чем достаточно.

– На мой взгляд, нечестно утаивать от меня факты.

– А я ничего и не утаиваю. Вы располагаете всеми доступными мне фактами. И вполне можете проявить свои дедуктивные способности. Вопрос в том, куда на сей раз заведет вас воображение.

– И тем не менее мне хотелось бы узнать ваши версии.

Пуаро с глубокой серьезностью взглянул на меня и вновь покачал головой.

– Понимаете, – грустно произнес он, – вам прискорбно не хватает интуиции.

– По-моему, только что вы взывали к моим умственным способностям, – обидчиво подчеркнул я.

– Зачастую ум и чутье составляют отличную пару, – загадочно ответил Пуаро.

Его замечание прозвучало настолько неуместно, что я даже не дал себе труда ответить на него. Но потом решил, что если сам сделаю какие-то интересные и важные открытия – а я, несомненно,

их сделаю, – то также придержу их для себя и в окончательном результате удивлю Пуаро.

Иногда человеку жизненно необходимо утвердить ценность собственной личности.

Глава 9

Доктор Бауэрштайн

До сих пор мне не выпадала возможность передать Лоуренсу сообщение Пуаро. Но сейчас, прогуливаясь по лужайке перед домом и еще испытывая недовольство от своевольной скрытности моего друга, я заметил на крокетной площадке Лоуренса, который бесцельно гонял по траве пару старинных шаров еще более древним молотком.

И мне пришло в голову, что настал удобный момент для выполнения этого поручения. Иначе Пуаро просто может опередить меня. По правде говоря, я не вполне понимал его смысл, но льстил себя надеждой, что ответ Лоуренса и, возможно, мой искусный непринужденный перекрестный допрос быстро помогут мне постичь скрытый смысл странного сообщения. И я приступил к немедленному осуществлению задуманного.

– Привет, Лоуренс, я давно искал вас, – покривив душой, заявил я.

– Неужели?

– Да. Правда, мне надо передать вам одно сообщение... от Пуаро.

– Какое же?

– Он попросил меня улучшить случай, когда мы с вами будем одни, – многозначительно понизив голос, сказал я, краем глаза внимательно следя за его реакцией.

Мне всегда отлично удавалось, что называется, создать нужную атмосферу.

– Итак?

Выражение его смуглого печального лица ничуть не изменилось. Догадывался ли он, о чем я собираюсь сказать ему?

– Он попросил сказать вам, – произнес я почти шепотом, – «Найдите лишнюю кофейную чашку, и тогда сможете обрести душевный покой».

– Какую чашку, что он имел в виду? – Лоуренс уставился на меня с совершенно естественным изумлением.

– Вы не понимаете?

– Абсолютно. А вы?

– Трудно сказать.

– Наверное, вам лучше спросить Доркас или кого-то из горничных, если ему нужно узнать о кофейных чашках. Это их забота, а не моя. Мне ничего особенного не известно о кофейных чашках, за исключением того, что некоторыми мы никогда не пользуемся, они остаются идеальной мечтой. Старинный вустер^[36]... Вы интересуетесь фарфором, Гастингс?

Я покачал головой.

– О, вы многое теряете. Старинный тонкий фарфор поистине прекрасен... даже смотреть на него – чистое наслаждение, не говоря уж о том, чтобы держать в руках.

– Возможно, но что мне передать Пуаро?

– Передайте, что я не понимаю, о чем он говорит. С чего вдруг мне заниматься какими-то загадочными поисками?

– Отлично.

Я уже направился обратно к дому, когда внезапно его слова заставили меня обернуться.

– Скажем так, я не понял цель его сообщения. Кстати, будьте любезны, повторите его еще разок.

– «Найдите лишнюю кофейную чашку, и тогда сможете обрести душевный покой». Вы уверены, что не понимаете смысл его сообщения? – озабоченно спросил я.

– Нет, – покачав головой, задумчиво ответил Лоуренс, – не понимаю. Но... хотелось бы понять.

Из дома донесся сигнал гонга, и мы вместе направились в столовую. Джон пригласил Пуаро остаться на ленч, и они уже сидели за столом.

По молчаливому согласию за едой все избегали упоминать о недавнем несчастье. Разговоры велись об успехах военных действий или на другие нейтральные общие темы. Но после того как Доркас, подав на десерт сыр и печенье, удалилась, Пуаро вдруг склонился к миссис Кавендиш.

– Простите меня, мадам, за неприятные напоминания, но у меня родилась одна интересная версия... – «интересная версия» Пуаро уже вполне могла стать поговоркой, – и мне хотелось бы задать вам парочку вопросов.

– Мне? Пожалуйста, естественно.

– Вы очень любезны, мадам. Мне хотелось бы узнать вот что: верно ли я помню ваши слова о том, что дверь в спальню миссис Инглторп со стороны комнаты мадемуазель Синтии была закрыта?

– Конечно, она была закрыта, – удивленно ответила Мэри Кавендиш. – Я так и сказала на дознании.

– На задвижку?

– По-моему, да, – она озадаченно посмотрела на него.

– Я имею в виду, – пояснил Пуаро, – уверены ли вы, что она была закрыта на задвижку, а не просто заперта на ключ?

– О, теперь я поняла, что вы имеете в виду... Нет, пожалуй, точно не вспомню. Я говорила о запертой двери в том смысле, что ее не удавалось просто так открыть, но, по-моему, все двери в ее спальне были заперты изнутри.

– Однако, насколько я понял, по вашим воспоминаниям, та дверь могла быть закрыта на ключ?

– Видимо, да.

– То есть, мадам, когда вы вошли в комнату миссис Инглторп, вам не пришло в голову посмотреть, на задвижку или на замок закрыта та дверь?

– Я... по-моему, на задвижку.

– Но вы не обратили внимания на нее?

– Нет. Специально я не смотрела.

– А я посмотрел, – вдруг вмешался Лоуренс, – и случайно заметил, что дверь закрыта именно на задвижку.

– Ах, тогда больше нет вопросов, – явно помрачнев, заметил Пуаро.

Помимо воли я порадовался тому, что на сей раз его «версия», очевидно, оказалась тупиковой.

После ленча Пуаро предложил мне проводить его до дома. Я весьма сдержанно согласился.

– По-моему, вас что-то расстроило? – обеспокоенно спросил он, когда мы проходили по парку.

– Нет, ничуть, – холодно ответил я.

– Вот и славно. Вы сняли большую тяжесть с моей души.

Но это как раз не входило в мои намерения. Я надеялся, что он обратит внимание на натянутую учтивость моих манер. Тем не менее его беспокойство слегка уменьшило мое справедливое недовольство.

– Я передал Лоуренсу то, что вы просили, – смягчившись, сообщил я.

– И что же он ответил? Пришел в полнейшее недоумение?

– Да. Я безусловно убедился, что он понятия не имеет, в чем смысл ваших слов.

Я надеялся увидеть огорчение Пуаро, но, к моему удивлению, он заявил, что очень рад, поскольку так и думал. Гордость не позволила мне опять задавать вопросы.

А Пуаро быстро перешел к другой теме:

– Интересно, почему мадемуазель Синтия сегодня не вышла к ленчу? Что могло случиться?

– Она уехала в госпиталь. С сегодняшнего дня она возобновила свою работу.

– Надо же, какая трудолюбивая юная леди... И очаровательная вдобавок. Она напоминает мне картины, виденные в Италии. Хотелось бы, кстати, взглянуть на эту благотворительную аптеку. Как вы думаете, она согласится показать ее мне?

– Не сомневаюсь, что она с удовольствием все вам покажет. Это интересное местечко.

– Так она работает там ежедневно?

– По-моему, она трудится там целыми днями, кроме среды, а по субботам возвращается к ленчу. В общем, выходных у нее немного.

– Я запомню. Увы, в наше время женщинам приходится много работать, и мадемуазель Синтия весьма талантлива... безусловно, эта юная особа очень сообразительна.

– Да. По-моему, она окончила специальные курсы и сдала трудный экзамен.

– Несомненно. Ведь это серьезная и ответственная работа. Видимо, у них там хранятся и сильные ядовитые вещества?

– Да, она упоминала про них. Они хранятся под замком в специальном шкафчике. Полагаю, фармацевтам приходится быть крайне осторожными. Покидая аптеку, они запирают дверь и обычно забирают ключи с собой.

– Более чем разумно. А тот шкафчик, случайно, стоит не рядом с окном?

– Нет, напротив, в глубине комнаты. А почему вы им заинтересовались?

– Просто интересно, – пожав плечами, ответил Пуаро. – Ничего особенного. Вы зайдете ко мне?

Мы как раз подошли к его коттеджу.

– Нет. Пожалуй, я лучше вернусь в Стайлз. Мне хочется прогуляться по лесу.

К усадьбе примыкал живописный лесной массив. После прогулки по ухоженному усадебному парку приятно было неспешно пройти по тенистым и прохладным лесным тропинкам. Слабый ветерок едва шевелил листву, даже птичий щебет звучал слабо и приглушенно. Немного прогулявшись, я опустился на траву у подножия раскидистого старого бука и благодушно и снисходительно предался размышлениям о человеческой натуре. Я даже простил Пуаро его нелепую таинственность. В сущности, я пребывал в согласии со всем миром. Прикрыв глаза, я расслабленно зевнул.

Мои мысли вернулись к преступлению, и оно вдруг показалось мне давним и поразительно нереальным.

Я опять зевнул.

«Вероятно, – грезилось мне, – на самом деле миссис Инглторп жива. Конечно, это всего лишь дурной сон. А реальность заключалась в том, что Лоуренс прикончил Альфреда Инглторпа крокетным молотком. Зачем же Джон поднял по этому поводу такой абсурдный шум и идет, крича во все горло: «Говорю вам, я не потерплю этого!»

Внезапно, вздрогнув, я выплыл из дремотного забытья.

И мгновенно осознал, что оказался в весьма затруднительном положении. Примерно ярдах в четырех от меня стояли лицом друг к другу Джон и Мэри Кавендиш и, очевидно, бурно спорили. И также очевидно, они не замечали моего соседства. Но прежде чем я успел встать или заговорить, Джон повторил слова, на которых закончился мой сон:

– Говорю вам, Мэри, я не потерплю этого.

В ответ раздался невозмутимый и мягкий голос Мэри:

– А разве вы имеете право критиковать мои действия?

– Об этом будут говорить все в деревне! Только в субботу похоронили мою мать, а вы уже готовы опять шлаться с этим типом...

– Ах, – пожав плечами, бросила она, – если бы вас волновали только деревенские сплетни!

– Но разве у меня нет причин волноваться? Мне уже надоело, что этот тип вечно околачивается у нас дома. И вообще, говорят, он из польских евреев.

– Примесь еврейской крови говорит лишь в его пользу. Она способна воздействовать на... – она дерзко взглянула на мужа – на флегматичную тупость заурядного англичанина.

Ее глаза пылали огнем, а голос оставался ледяным. Я не удивился, заметив, как побагровело лицо Джона: видно, кровь бросилась ему в голову.

– Мэри!

– Что дальше? – Ее тон не изменился.

Мольба исчезла из его голоса, и он сурово спросил:

– Насколько я понимаю, вы собираетесь продолжать видеться с Бауэрштайном против моей воли?

– Если захочу.

– Вы бросаете мне вызов?

– Нет, но отрицаю ваше право осуждать мои действия. Разве у вас нет знакомых, которых не одобряю я?

Джон отступил на шаг. Краска медленно отхлынула с его лица.

– Что вы подразумеваете? – неуверенно спросил он.

– Вы сами знаете! – выразительно ответила Мэри. – Разве вы не понимаете, что не имеете никакого права диктовать, с кем мне лучше дружить?

Джон умоляюще глянул на нее, лицо его исказилось от мучительной боли.

– Никакого права? Разве у меня нет никакого права, Мэри? – нервно спросил он, протянув к ней руки. – Мэри...

На мгновение мне показалось, что она колеблется. Ее лицо смягчилось, но потом она почти в ярости отвернулась от него.

– Никакого!

Женщина быстро пошла к усадьбе. Джон догнал ее и схватил за руку.

– Мэри, – его голос теперь звучал совсем тихо – вы влюблены в этого Бауэрштайна?

На лице ее отразилось сомнение, но внезапно его сменило странное выражение, древнее как мир и одновременно вечно юное. Так загадочно, вероятно, улыбался египетский сфинкс.

Она спокойно высвободилась от него и, уходя, бросила через плечо:

– Возможно.

Мэри быстро пересекла полянку и удалилась, оставив Джона стоять в полном ошарашенности.

Немного выждав, я шумно двинулся вперед, специально наступая на сухие хрустящие ветки. Джон обернулся. К счастью, он принял как должное то, что я появился здесь уже после их сцены.

– Привет, Гастингс. Ну как, вы доставили вашего маленького сыщика к его коттеджу в целостности и сохранности? Оригинальный чудак! А он действительно может помочь нам?

– Ну, в свое время он считался одним из лучших детективов.

– О, ладно... Наверняка тут все далеко не так просто. Хотя, наш мир, похоже, изрядно деградировал.

– Вы так полагаете? – удивился я.

– Видит бог, да! Все началось с этого ужасного несчастья. И теперь по всему дому и парку снуют люди из Скотленд-Ярда, выскакивая в самых неожиданных местах, точно чертики из табакерки. Никогда не знаешь, где увидишь их в очередной раз. Кричащие заголовки во всех газетах, ославили на весь мир... Ох, будь прокляты пронырливые журналисты! Представляете, сегодня утром у наших ворот собралась уже целая толпа любопытных. Точно у нас здесь бесплатно показывают живых преступников, подобных тем, кто выставлен в виде восковых фигур в одном из залов музея мадам Тюссо... Какая бешеная популярность, не так ли?

– Не падайте духом, старина Джон! – ободряюще воскликнул я. – Все это когда-нибудь закончится.

– Когда-нибудь!.. Да скандальная шумиха уже сделала свое дело, и вряд ли мы теперь сумеем оправиться и вновь гордо держать наши головы.

– Нет, нет, вы начинаете извращенно воспринимать ситуацию.

– А разве она не достаточно безумна сама по себе, раз нас преследуют эти грязные журналисты и пялятся, как довольные идиоты, куда бы мы ни пошли? Но хуже всего другое...

– Что?

– Вы когда-нибудь задумывались, Гастингс – это стало моим ночным кошмаром, – кто совершил это злодеяние? Временами мне

даже кажется, что это мог быть какой-то ужасный несчастный случай. Поскольку... поскольку я абсолютно не представляю... кто же мог сотворить такое? Теперь, после оправдания Инглторпа, не осталось никого... Никого, я имею в виду, кроме одного из нас...

Да, действительно, такой ночной кошмар вполне мог лишить покоя любого человека. Один из нас! Верно, конечно, так и должно быть, если только...

И вдруг у меня возникла новая версия. Я быстро обмозговал ее. Тьма начала проясняться. В новом свете я увидел таинственные действия Пуаро, его намеки... все совпадало. Глупец, как же я сам не догадался раньше, и какое же это облегчение для всех нас!

– Нет, Джон, – уверенно заявил я, – это не один из нас. Разве это возможно?

– Я понимаю, но все же, кто еще это мог быть?

– А вы не догадываетесь?

– Нет.

Заговорщицки оглянувшись по сторонам, я прошептал:

– Доктор Бауэрштайн!

– Ну да! Невозможно.

– Еще как возможно.

– Но какую выгоду он надеялся получить от смерти моей матери?

– Это пока непонятно, – признал я, – но уверяю вас, Пуаро тоже пришел к такому выводу.

– Пуаро? Неужели? А вы как узнали?

Я сообщил Джону, как сильно разволновался бельгиец, услышав, что доктор Бауэрштайн заходил в Стайлз вечером перед фатальной ночью, и добавил:

– А потом он еще два раза произнес: «Это меняет все... все дело». Я много размышлял над его словами. Вы знаете, что, по словам Инглторпа, последний оставил чашку кофе в холле? В общем, как раз тогда и появился Бауэрштайн. Разве не возможно, что доктор подсыпал что-то в кофе, пока шел вслед за Инглторпом по холлу?

– Вряд ли он решился на такой рискованный шаг, – недоверчиво хмыкнув, заметил Джон.

– Верно, рискованный, но тем не менее возможный.

– Кроме того, откуда он мог знать, что это кофе матушки? Нет, старина, такая версия не пройдет.

Тогда мне вспомнилась еще одна подробность.

– Да, вы правы. В тот кофе он ничего не подсыпал. Послушайте, как все произошло на самом деле...

И я поведал ему о какао, пробу которого Пуаро сдал на анализ.

– Но ведь доктор Бауэрштайн уже проверял тот напиток, – едва дав мне договорить, возразил Джон.

– Вот, вот, в том-то и хитрость. Я тоже не понимал этого раньше. Разве вы не догадываетесь, что это значит? В том-то и дело, что проверял его сам Бауэрштайн! Если он виновен в убийстве, то ему ничего не стоило послать на анализ обычное какао, сделав его заново. И разумеется, там не обнаружили никакого стрихнина! Но ведь никто и не помышлял подозревать Бауэрштайна или провести повторный анализ... никто, за исключением Пуаро, – прибавил я, запоздало признавая прозорливость моего друга.

– Ладно, но что вы скажете про горький привкус, ведь за какао его не скроешь?

– Что ж, может, он сказал про это для отвода глаз. И вообще есть еще масса других способов. По общему признанию, он считается одним из самых сведущих в мире токсикологии...

– Сведущих в каком мире? Что-то я не понял, кем он считается? Что за непонятное слово вы произнесли?

– Ну, в силу своей профессии он больше любого из нас знает о ядах, – пояснил я. – В общем, как мне думается, он придумал, вероятно, какой-то способ устранения горечи стрихнина. Или просто воспользовался другим безвкусным, никому не известным ядом, который вызывает такие же, как при отравлении стрихнином, симптомы.

– Гм, да, такое возможно, – согласился Джон. – Но погодите, как же он мог добраться до какао? Его-то не оставляли в холле.

– Нет, не оставляли, – неохотно признал я.

И вдруг внезапно мысль об ужасной возможности промелькнула в моей голове. Я надеялся и молился, чтобы она также не пришла на ум Джону. Искоса глянув на него, я заметил лишь, что он озадаченно нахмурился, и облегченно вздохнул, поскольку ужасная мысль, промелькнувшая в моей голове, заключалась вот в чем: а ведь доктор Бауэрштайн мог иметь сообщника в доме.

Хотя, с другой стороны, это казалось совершенно невероятным. Не могла же быть убийцей такая красавица, как Мэри Кавендиш! Однако в истории известны имена прекрасных отравительниц...

Вдруг мне вспомнилось, как в первый день моего прибытия за чаем Мэри заметила, сверкнув глазами, что женщины склонны использовать яд. И в каком странном возбуждении она пребывала в тот роковой вечер вторника! Могла ли миссис Инглторп обнаружить какую-то связь между ней и Бауэрштайном и пригрозить рассказать ее мужу? Стало ли это той точкой, той угрозой, которая побуждает человека к преступлению?

Потом мне вспомнился загадочный разговор между Пуаро и Эвелин Говард. Не это ли они скрывали? Не эту ли ужасную возможность пыталась отвергнуть Эвелин?

Да, по-моему, все сходится.

Неудивительно, что мисс Говард предпочла бы «скрыть правду». Теперь я догадался, почему она оборвала фразу, сказав лишь: «Ведь Эмили сама...» И в глубине души я согласился с ней. Разве не предпочла бы миссис Инглторп забыть о таком оскорблении, не желая подвергать плачевному бесчестью имя семьи Кавендиш?

– Существует еще одно возражение, – резко произнес Джон, и от неожиданности я вдруг испытал чувство вины. – И оно заставляет меня усомниться в правдоподобии вашей версии.

– Какое же возражение? – спросил я, обрадовавшись, что он больше не думает о том, как яд мог попасть в какао.

– Пожалуй, тот факт, что сам Бауэрштайн потребовал провести вскрытие. А ведь мог и не требовать. Наш славный Уилкинс склонялся к тому, что матушка умерла от сердечной недостаточности.

– Да, – с сомнением произнес я. – Но наверняка тут ничего не известно. Возможно, он считал, что в конце концов так будет безопаснее. Кто-то ведь мог позднее заговорить об отравлении. И тогда в приказном порядке могли провести эксгумацию. И если бы обнаружили следы стрихнина, то Бауэрштайн оказался бы в сложном положении, поскольку никто не поверил бы, что ученый его квалификации мог ошибиться, согласившись с диагнозом сердечной недостаточности.

– Да, такое тоже возможно, – признал Джон. – И однако, – прибавил он, – будь я проклят, если понимаю, какие у него могли быть

мотивы.

– Послушайте, – вздрогнув, сказал я, – возможно, я кругом ошибаюсь. Но запомните, наш разговор надо сохранить в тайне.

– О, конечно... само собой разумеется.

Разговаривая, мы продолжали прогулку и вскоре вошли через калитку в усадебный парк. До нас сразу донеслись оживленные голоса, поскольку под тем же тенистым платаном, что и в день моего прибытия, уже накрыли чайный стол.

Синтия успела вернуться из госпиталя, и я, устроившись на стуле рядом, сообщил ей, что Пуаро хотел бы навестить ее в аптеке.

– О, здорово! Я с удовольствием покажу ему наши сокровища. Лучше всего ему подойти к нам как-нибудь к чаю. Надо будет договориться с ним. Он такой славный человек! Хотя и немного странный. На днях он заставил меня снять брошку и приколоть ее прямо, заявив, что я приколотла ее кривовато.

– Это в его духе, – рассмеявшись, согласился я, – он аккуратен почти до безумия.

– Да неужели?

Мы немного помолчали, и тогда, мельком глянув в сторону Мэри Кавендиш, Синтия тихо сказала:

– Мистер Гастингс...

– Да?

– Мне нужно поговорить с вами после чая.

Ее брошенный на Мэри взгляд заставил меня насторожиться. Я заметил, что они не испытывали друг к другу особой симпатии. Впервые я вдруг задумался о будущем этой девушки. Миссис Инглторп не оставила никаких распоряжений по поводу ее судьбы, но мне представлялось, что Джон и Мэри, вероятно, будут уговаривать ее остаться жить с ними, по крайней мере до окончания войны. Джон, как я знал, относился к Синтии с большой симпатией и вряд ли захотел бы расстаться с ней.

В этот момент вернулся Джон, ненадолго заходивший в дом. Его обычно добродушное лицо исказилось от сильного раздражения.

– Проклятые детективы! Не представляю, что еще они могут искать. И так уже перевернули вверх дном каждую комнату. Кошмар какой-то, сколько нам еще терпеть их присутствие? Сейчас они, по моему, всю пользуются тем, что мы пьем чай в саду. Надо будет

в следующий раз при встрече высказать наше недовольство этому инспектору Джеппу!

– Типичные последователи Пола Прая^[37], – проворчала мисс Говард.

Лоуренс вяло заметил, что, видимо, ничего не находя, они попросту изображают кипучую деятельность.

Мэри Кавендиш промолчала.

После чая я пригласил Синтию прогуляться, и мы вместе направились в рощицу.

– Итак? – спросил я, когда листва скрыла нас от любопытных глаз.

Вздыхнув, Синтия опустилась на траву и сбросила шляпку. Пронизывающие листву солнечные лучи позолотили ее чудные каштановые волосы.

– Мистер Гастингс... вы всегда так добры и так много знаете...

В этот момент меня вдруг потрясло осознание того, что Синтия поистине очаровательна! Намного очаровательнее Мэри, которая никогда не говорила мне ничего подобного.

– Смелее, – ободряюще сказал я, видя, что она колеблется.

– Я хотела попросить у вас совета. Что мне делать?

– Делать?

– Да. Видите ли, тетушка Эмили обычно говорила, что обеспечит меня. Наверное, она забыла или не думала о том, что может умереть... в любом случае я осталась без средств! И теперь не представляю, что мне делать дальше. Как вы думаете, мне лучше сразу уехать отсюда?

– Боже сохрани, нет! Я уверен, что они не захотят расстаться с вами.

Синтия робко помолчала, пощипывая траву своими изящными пальчиками.

– Миссис Кавендиш так не думает, – заметила она. – Она ненавидит меня.

– Ненавидит вас? – изумленно вскричал я.

Синтия кивнула.

– Да. Я не знаю причин, но она меня терпеть не может... и он тоже не может.

– Вот тут вы ошибаетесь, – сердечно произнес я, – напротив, Джон вас очень любит.

– О, да... Джон любит. Но я имела в виду Лоуренса. Не то чтобы, разумеется, меня волновало, любит меня Лоуренс или нет. Но все-таки правда ведь, весьма неприятно, когда тебя никто не любит?

– Но вас любят, Синтия, милая, – пылко возразил я. – Я уверен, что вы ошибаетесь. Послушайте, есть же Джон... и мисс Говард...

– Да, Джону я, видимо, нравлюсь, – уныло кивнув, согласилась она, – и Эви, разумеется, ведь при всех своих грубоватых манерах она готова любить даже мух. Но Лоуренс обычно упорно избегает разговоров со мной, да и Мэри с трудом заставляя себя быть вежливой... Ей хочется, чтобы здесь осталась Эви, но я ей не нужна, и... и... в общем, теперь я не знаю, что мне теперь делать.

И бедняжка залилась слезами.

Не представляю, что вдруг на меня нашло. Вероятно, мой разум помутился от ее красоты, очаровательной позы и залитых солнцем локонов; вероятно, также сыграло роль чувство облегчения от общения с человеком, который, совершенно очевидно, не имел никакого отношения к случившейся трагедии; вероятно, у меня еще возникла искренняя жалость к столь юной и одинокой девушке. Во всяком случае, я подался вперед и, взяв ее изящную ручку, заявил:

– Выходите за меня замуж, Синтия.

Сам того не желая, я нашел великолепное лекарство от ее слез. Она мгновенно выпрямилась и, высвободив руку, довольно резко сказала:

– Не говорите глупостей!

– Но это не глупость, – уязвленно возразил я. – Я прошу вас оказать мне честь стать моей женой.

К моему изумлению, теперь Синтия разразилась смехом и назвала меня «милым чудаком».

– Вы, разумеется, поистине милосердны, – признала она, – но зачем же делать то, что вам не хочется?

– Нет, хочется. Мне хотелось бы...

– Ладно, не важно, что вам хотелось... Но ваше предложение не нужно как вам, так и мне.

– Что ж, разумеется, тогда все понятно, – напряженно ответил я. – Хотя, право, я не вижу тут ничего смешного. И, по-моему, нет ничего странного в таком предложении.

– Вы правы, – согласилась Синтия. – В следующий раз ваша избранница, наверное, его примет. До свидания и спасибо, вам удалось развеселить меня.

И с новым неудержимым взрывом смеха она исчезла за деревьями.

Размышляя о нашем разговоре, я вдруг испытал поразительно острое недовольство. И, желая как-то избавиться от этого ощущения, решил пройтись до деревни и повидать Бауэрштайна. Должен же кто-то присматривать за этим типом. И в то же время будет разумно успокоить его на тот случай, если он уже опасается каких-то подозрений. Я вспомнил, как Пуаро полагался на мои дипломатические способности. Согласно принятому решению я пришел к небольшому дому, в окне которого красовалась вывеска «Меблированные комнаты», где, как я знал, он снял квартиру, и постучал в дверь.

Мне открыла пожилая особа.

– Добрый день, – вежливо произнес я. – Дома ли доктор Бауэрштайн?

– Вы что, ничего не знаете? – удивленно глянув на меня, спросила она.

– О чем не знаю?

– О нем.

– А что с ним?

– С ним покончено.

– Что значит «покончено»? Не умер же он?

– Нет, его забрали эти, как их бишь... *пелисейские*.

– Полицейские?! – ахнул я. – Вы имеете в виду, что они арестовали его?

– Да, точно, ну, в общем, так, кажись... арестовали...

Я не стал больше ничего слушать и помчался к дому Пуаро.

Глава 10

Арест

К моему большому огорчению, Пуаро тоже отсутствовал, и открывший на мой стук пожилой бельгиец сообщил, что тот, очевидно, уехал в Лондон.

Я был ошеломлен. Что, черт возьми, могло понадобиться Пуаро в Лондоне? Неожиданно ли он принял такое решение или уже собирался туда, когда расставался со мной всего несколько часов тому назад?

Пребывая в некотором раздражении, я направился обратно в Стайлз. Пуаро уехал, а я не знал толком, как действовать дальше. Предвидел ли он этот арест? Или же, скорее всего, сам спровоцировал его?

Я не знал ответов на все эти вопросы. Но между тем что же мне теперь делать? Должен ли я громогласно объявить в Стайлзе об аресте Бауэрштайна? Я упорно отказывался признаваться себе в том, что меня тяготили мысли о судьбе Мэри. Станет ли такое известие ударом для нее? На тот момент я уже полностью оправдал ее поведение. Она не могла быть соучастницей... иначе я услышал бы подозрительные намеки Пуаро в ее адрес.

Конечно, невозможно долго скрывать от Мэри арест доктора Бауэрштайна. Ведь завтра об этом напишут все утренние газеты. Однако я предпочел уклониться от роли дурного вестника. Если бы Пуаро оказался поблизости, я спросил бы его совета. Что за новая версия могла родиться у него, раз он так скоропалительно укатил в Лондон? Помимо воли, мое мнение о его проницательности безмерно повысилось. Мне и в голову не пришло бы подозревать доктора, если бы Пуаро не направил в его сторону мои мысли. Да, несомненно, наш маленький бельгиец по-прежнему чертовски умен.

По здравом размышлении я решил довериться Джону и предоставить ему решать, кого еще посвящать в это дело.

Когда я поделился с ним новостью, он дал выход своим чувствам громким свистом.

– Великий боже! Выходит, вы были правы. А мне, честно говоря, пока не верилось.

– Да, поверить действительно трудно, пока не привыкнешь к этой поразительной версии и не осознаешь, что она проясняет все дело. Так как же мы теперь поступим? Разумеется, завтра об этом уже будет всем известно.

Джон углубился в размышления.

– Не важно, – наконец сказал он, – пока мы ничего никому не скажем. Нет необходимости. Как вы и сказали, скоро эта новость все равно станет известна.

Но, к моему глубокому удивлению, в полученных следующим утром свежих газетах ни слова не говорилось о вчерашнем аресте! Очередную колонку просто посвятили новым материалам по делу «Преступное отравление в усадьбе Стайлз», но больше никаких упоминаний. Поначалу такое замалчивание показалось мне необъяснимым, но, подумав, я предположил, что по той или иной причине Джепп пока предпочел утаить новые важные сведения. Хотя я слегка встревожился, поскольку это допускало возможность последующих арестов.

После завтрака я решил пройтись до деревни и узнать, не вернулся ли Пуаро, но не успел я выйти, как в окне появилось хорошо знакомое мне лицо и давно знакомый голос произнес:

– *Bonjour, mon ami!*^[38]

– Пуаро! – с облегчением воскликнул я и, завладев его руками, увлек в комнату. – Как же я рад вас видеть! Послушайте, я никому ничего не сказал, кроме Джона. Правильно?

– Друг мой, – спокойно ответил Пуаро, – я не понимаю, о чем вы говорите.

– Об аресте доктора Бауэрштайна, естественно, – нетерпеливо пояснил я.

– Значит, доктор Бауэрштайн арестован?

– Так вы не догадывались об этом?

– Ни сном ни духом... – ответил Пуаро, но, задумчиво помедлив, добавил: – Однако же меня это не удивляет. В конце концов, мы находимся всего в четырех милях от побережья.

– Побережья? – в недоумении повторил я. – При чем тут побережье?

Пуаро пожал плечами.

– Но это же очевидно!

– Не для меня. Несомненно, я чертовски глуп, но никак не уловлю, какое отношение может иметь побережье к убийству миссис Инглторп.

– Разумеется, никакого, – с улыбкой ответил Пуаро. – Однако мы же говорили об аресте доктора Бауэрштайна.

– Да, но его-то арестовали за убийство миссис Инглторп и...

– Что? – воскликнул Пуаро в очевидном изумлении. – Доктора Бауэрштайна арестовали за убийство миссис Инглторп?

– Да.

– Невероятно! Это чересчур даже для грубого фарса! Кто вам сказал такое, друг мой?

– В общем-то, никто не говорил, – признал я, – но его же арестовали.

– О да, его арест вполне возможен. Но за шпионаж, *mon ami*.

– За шпионаж? – ошеломленно повторил я.

– Именно так.

– Не за убийство миссис Инглторп?

– Нет, если только наш приятель Джепп не потерял рассудок, – безмятежно произнес Пуаро.

– Гм... но я полагал, что вы тоже думали о его виновности?

Пуаро одарил меня взглядом, явно выражавшим изумленную жалость и полнейшую убежденность в абсурдности подобной мысли.

– Вы хотите сказать, – медленно произнес я, переваривая новость, – что доктор Бауэрштайн – шпион?

– А вы не подозревали его? – кивнув, спросил Пуаро.

– С чего бы, даже не думал...

– А вам не показалось странным, что знаменитый лондонский ученый прозябает в такой деревушке, да еще имеет обыкновение разгуливать по ночам в полной экипировке?

– Нет, – признался я, – мне не пришло в голову то, что причина может быть иной...

– По происхождению он, безусловно, немец, – задумчиво заметил Пуаро, – хотя уже так давно работал в этой стране, что все принимали его за англичанина. Он принял английское гражданство около пятнадцати лет тому назад. Весьма хитроумный человек... с примесью еврейской крови, конечно.

– Мерзавец! – возмущенно крикнул я.

– Ну, это с какой стороны посмотреть. Напротив, он своего рода патриот. Подумайте, на какие жертвы он идет... Нет, я восхищаюсь этим человеком.

Но я не мог взглянуть на шпионаж с философской отстраненностью Пуаро.

– И с этим негодяем Мэри Кавендиш повсюду разгуливала! – негодуяще воскликнул я.

– Да. Полагаю, он счел ее весьма полезным прикрытием, – заметил Пуаро. – Пока сплетники усердно склоняли их имена, другие причуды нашего доктора оставались незамеченными.

– То есть вы полагаете, что на самом деле она ничуть ему не нравилась? – пылко спросил я... вероятно, слишком пылко в данных обстоятельствах.

– Об этом, конечно, трудно сказать с уверенностью, но... хотите, Гастингс, я выскажу вам мое частное мнение?

– Разумеется, хочу.

– Что ж, вот оно: миссис Кавендиш не волновал, ничуть не волновал лично доктор Бауэрштайн!

– Вы вправду так думаете? – мне не удалось скрыть радости.

– Я в этом вполне уверен. И даже скажу вам, почему.

– И почему же?

– Да потому, *mon ami*, что ее волнует совсем другой человек.

Я тихо охнул. Кого он имеет в виду? Невольно меня окатила волна приятного тепла. Я не тщеславен в отношении женщин, но мне сразу вспомнились некоторые знаки внимания, возможно, легкомысленные, но явно показывающие...

От столь приятных размышлений меня оторвал неожиданный приход мисс Говард. Окинув стремительным взглядом комнату, она убедилась в отсутствии лишних глаз и быстро достала какой-то помятый лист коричневой оберточной бумаги; вручив его Пуаро, загадочно пробурчала: «Со шкафа» – и торопливо покинула комнату.

Оживившись, бельгиец развернул лист и, взглянув на него, издал довольный возглас. Расправив лист на столе, он пригласил меня:

– Идите сюда, Гастингс. Как вы думаете, какая это буква – Д или Л?

Я увидел среднего размера лист бумаги, довольно пыльный, словно забытый где-то на время. Но внимание Пуаро привлекла этикетка. Сверху отпечаталось фирменное клеймо господ Парксонов, известных театральных костюмеров, и адрес отправления: «(спорный инициал) Кавендиш, эсквайр, Стайлз-корт, Стайлз-Сент-Мэри, Эссекс».

– Возможно, так небрежно написана буква «П» или «Л», – заметил я после минутного изучения. – Но это определенно не Д.

– Отлично, – ответил Пуаро, вновь складывая бумагу, – я тоже пришел к такому выводу. И это «Л», уж будьте уверены!

– Откуда взялась эта обертка? – с любопытством спросил я. – Она имеет какое-то важное значение?

– Относительно важное. Она подтверждает мою догадку. Придя к заключению о существовании такой бумаги, я попросил мисс Говард поискать ее, и, как вы видите, поиски увенчались успехом.

– Но что она подразумевала под словами: «Со шкафа»?

– Она имела в виду, – сразу пояснил Пуаро, – что нашла ее на каком-то шкафу.

– Странное место для хранения оберточной бумаги, – задумчиво произнес я.

– Отнюдь. На шкафах зачастую хранятся картонные коробки и оберточная бумага. Я сам храню их там. Если их аккуратно сложить, то они совсем не портят вид.

– Пуаро, – озабоченно спросил я, – вы стараетесь еще разобраться в этом преступлении?

– Да... скажем так, полагаю, я уже знаю, как его совершили.

– Ах!

– К сожалению, помимо догадок, у меня нет никаких доказательств, если только...

С неожиданной силой он схватил меня за руку и стремительно увлек за собой к лестнице, спускавшейся в холл, от волнения призывая по-французски:

– *Mademoiselle, mademoiselle Dorcas, un moment, s'il vous plaît!*^[39]

Доркас, взбудораженная этими странными и громогласными призывами, быстро вышла из буфетной.

– Любезная Доркас, простите, у меня родилась одна версия... скромная версия... если она подтвердится, у нас появится великолепный шанс! Скажите мне, Доркас, не случилось ли что-нибудь

в понедельник – не во вторник, а именно в понедельник, за день до несчастья – с сонеткой в спальне миссис Инглторп?

Доркас изумленно посмотрела на него.

– Да, сэр, теперь, когда вы упомянули, я вспомнила, что порвался шнурок. Хотя ума не приложу, откуда вы могли узнать про это. Не знаю точно, отчего так случилось, может, мыши перегрызли шнур... Но во вторник утром пришел мастер и все починил.

С долгим восторженным восклицанием Пуаро направился обратно в малую столовую.

– Видите ли, можно было бы не искать новых доказательств, вывод напрашивался сам собой. Но – слаб человек, слаб... Как приятно убедиться, что ты на верном пути. Ах, друг мой, я вновь полон сил. Мне хочется бегать! Хочется резвиться!

И он действительно выскочил на газон и пробежался вприпрыжку, причудливо вскидывая ноги.

– Чем это занимается ваш замечательный друг? – произнес голос за моей спиной, и, повернув голову, я увидел, что рядом со мной стоит Мэри Кавендиш.

Мы обменялись улыбками.

– Так что же с ним случилось? – спросила она.

– Право, не понимаю. Он задал Доркас вопрос про сонетку и пришел в бурный восторг от ответа – и вот вам, во что вылился его восторг: наш гений разрезвился как дитя!

Мэри рассмеялась.

– Какое смехотворное зрелище... Смотрите, он уже дотанцевал до ворот. Разве он уже не вернется к нам сегодня?

– Понятия не имею. Я уже отказался от попыток предугадать его действия.

– А он не сошел с ума, мистер Гастингс?

– Честно говоря, не знаю. Иногда у меня возникает уверенность, что он безумен, как шляпник^[40], но в тот самый момент, когда он кажется мне безвозвратно спятившим, обнаруживается, что в его безумии есть железная логика и он действует согласно своей системе.

– Понятно.

Несмотря на смех, нынче утром взгляд Мэри оставался задумчивым. Она выглядела серьезной, даже печальной.

Мне пришло на ум, что сейчас как раз выдался удобный момент попытаться выяснить судьбу Синтии. Казалось, я подступил к этому вопросу вполне тактично, но развить тему мне не удалось, поскольку меня остановил властный голос миссис Кавендиш:

– Не сомневаюсь, мистер Гастингс, вы могли бы стать великолепным адвокатом, но в данном случае ваши таланты совершенно излишни. С моей стороны Синтия может рассчитывать только на безоговорочную доброжелательность.

Запинаясь, я вяло попытался объясниться, выразив надежду на то, что она не подумала, будто... но Мэри вновь прервала меня, и ее слова прозвучали настолько неожиданно, что Синтия со всеми ее тревогами мгновенно улетучилась из моей головы.

– Мистер Гастингс, как вам кажется, – спросила она, – счастливо ли мы живем с Джоном?

Ее вопрос настолько поразил меня, что я смог лишь пробормотать, что у меня и права-то нет обсуждать их семейную жизнь.

– Ладно, – тихо сказала она, – есть у вас право или нет, я могу сообщить вам, что мы несчастны.

Чувствуя, что она еще не закончила признания, я промолчал.

Слегка склонив голову, Мэри принялась медленно прохаживаться по комнате взад-вперед, ее стройная гибкая фигура изящно покачивалась в такт шагам. Внезапно она остановилась и взглянула на меня.

– Вы ведь ничего не знаете обо мне, верно? – спросила она. – Где я жила до свадьбы с Джоном... и вообще ничего? Так я могу просветить вас. Позвольте мне выбрать вас в исповедники. Вы добры, по-моему... да, я уверена в вашей доброте.

Почему-то ее слова не вызвали у меня особого ликования. Мне сразу вспомнилось, что Синтия примерно так же начинала свой доверительный разговор со мной. Кроме того, роль исповедника обычно отводилась пожилым мужчинам, а я пока молод и полон желаний.

– Мой отец был англичанином, – продолжила миссис Кавендиш, – но мать – русской.

– Вот как, – заметил я, – тогда понятно...

– Что вам понятно?

– В общем, какая-то легкая странность... в вашем облике мне всегда смутно виделись какие-то иноземные черты.

– Наверное, моя мать считалась красавицей. Точно не знаю, поскольку совершенно не помню ее. Она умерла, когда я была совсем маленькой. По-моему, ее смерть связана с какой-то трагедией... она случайно приняла слишком много снотворного. Как бы то ни было, убитый горем отец продолжал жить ради меня. Вскоре он поступил на службу в консульство. И брал меня с собой в любые поездки. К двадцати трем годам я объездила почти весь мир. Жизнь казалась мне вечным праздником... я жила точно в чудесной сказке.

Голова ее откинулась назад, и лицо озарилось улыбкой. Видимо, она мысленно перенеслась в те давние счастливые времена.

– Потом мой отец умер. Я осталась в бедственном положении. Мне пришлось переехать жить в Йоркшир к какой-то старой тетушке. – Она передернула плечами. – Вы поймете меня, если я скажу, что для девушки, привыкшей к разъездам, жизнь там показалась мне убийственно тоскливой. Ограниченное, неизбывное однообразие едва не свело меня с ума... – Она немного помолчала и добавила уже другим тоном: – И вот тогда я познакомилась с Джоном Кавендишем.

– Да?

– Вы можете себе представить, что, с точки зрения моей тетушки, он представлял собой на редкость выгодную для меня партию. Но, честно говоря, такая выгода не имела особого значения. Нет, мне он представлялся просто шансом на избавление от невыносимого однообразия моей жизни.

Я промолчал, и после задумчивой паузы она продолжила:

– Не поймите меня неправильно. Я ничего от него не скрывала. Сказала честно, что он мне очень симпатичен, и я надеюсь, что со временем он понравится мне еще больше, но пока мои чувства никоим образом не похожи на то, что принято называть «влюбленностью». Он заявил, что его это вполне устраивает, и поэтому... мы обвенчались.

Мэри долго молчала, лоб ее прорезала озабоченная складочка, взгляд стал отстраненным. Казалось, она пытливо вглядывается в то далекое прошлое.

– Наверное, я даже уверена... поначалу он любил меня. Но, видимо, мы оказались слишком разными. Практически сразу мы

отдалились друг от друга. Я очень быстро – как бы ни страдала моя гордость, но правда есть правда – надоела ему. – Я попытался было высказать возражение, но она поспешно продолжила: – Да, да, он устал от меня! Сейчас это уже не имеет значения... Да, наши пути, увы, разошлись.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, – сразу ответила она, – что не собираюсь оставаться в Стайлзе.

– Разве вы с Джоном не намерены жить здесь?

– Джон, видимо, намерен, а я – нет.

– Так вы хотите оставить его?

– Да.

– Но почему?

Молчаливая пауза затянулась.

– Возможно, потому, – наконец медленно с запинкой произнесла Мэри, – что мне нужна... свобода!

Пока она говорила, перед моим мысленным взором вдруг промелькнули картины бескрайних лугов, девственных лесов и неведомых диких стран, и я осознал, к какой свободе стремится душа Мэри Кавендиш. В тот момент, вероятно, мне открылась истинная натура этого гордого необузданного создания, вольной птицы, залетевшей в клетку в холмах Эссекса.

– Вы не представляете, – тихо всхлипнув, сказала она, – не можете представить, какой тюрьмой стала для меня эта усадьба!

– Нет, я понимаю вас, – тихо ответил я, – но... но не советую вам принимать безрассудных решений.

– О, конечно, порочная безрассудность! – Она с явной насмешкой восприняла мой благоразумный совет.

– А вы знаете, что арестовали доктора Бауэрштайна? – вдруг ляпнул я и уже через мгновение пожалел о сказанном, подумав, что лучше бы я помолчал, прикусив язык.

Маска безличной холодности мгновенно стерла с ее лица всю живость.

– Сегодня утром Джон любезно сообщил мне эту новость.

– И что же вы думаете? – вяло спросил я.

– О чем?

– О его аресте?

– А что я могу думать? Очевидно, он – немецкий шпион, как и говорил Джону наш садовник.

Лицо и голос Мэри лишились малейших оттенков выразительности. Неужели ее совершенно не волновала его судьба?

Отступив на пару шагов, она коснулась одной из цветочных ваз.

– Букеты завяли. Надо срезать новых цветов. Вы не могли бы пропустить меня, мистер Гастингс? Благодарю вас.

Холодно кивнув мне на прощание, она прошла к балконным дверям и удалилась в сад.

Нет, ее наверняка не волнует судьба Бауэрштайна. Никто не способен сыграть свою роль с таким ледяным безразличием.

На следующее утро Пуаро не появился в усадьбе, исчезли и все ищейки из Скотленд-Ярда.

К обеду, однако, обнаружилась новая улика... или, вернее, подтвердилось отсутствие новой улики.

Мы давно безуспешно искали следы четвертого письма, написанного миссис Инглторп вечером перед смертью. Все наши усилия оказались тщетными, и мы забросили поиски, надеясь, что когда-нибудь загадка письма разрешится сама собой. Так и случилось, благодаря посланию, доставленному в Стайлз со второй дневной почтой. В письме от французского музыкального книгоиздательства подтверждалось получение денежного чека от миссис Инглторп и выражалось сожаление по поводу того, что им пока не удалось найти заказанные ею русские народные песни. Поэтому исчезла последняя надежда разрешения нашего загадочного убийства посредством корреспонденции миссис Инглторп, написанной в тот роковой вечер.

Перед чаем я пошел прогуляться до коттеджа Пуаро, намереваясь сообщить ему о новом разочаровании, но с досадой обнаружил, что его опять нет дома.

– Неужели он снова укатил в Лондон?

– О, нет, месье, он всего лишь поехал на поезде в Тэдминстер. Заявил, что ему надо повидать одну молодую леди из аптеки.

– Вот глупый осел! – в сердцах воскликнул я. – Я же говорил ему, что по средам у нее выходной!.. Ладно, не могли бы передать ему, чтобы он зашел к нам в усадьбу завтра утром?

– Непременно передам, месье.

Однако Пуаро не появился и на следующий день. Я начал злиться. Право, он обходился с нами с редкостной бесцеремонностью!

После ланча Лоуренс отвел меня в сторонку и спросил, не собираюсь ли я навестить нашего бельгийского детектива.

– Нет, не думаю, что это уместно, – вяло ответил я, – он сам зайдет сюда, если пожелает нас видеть.

Лоуренс издал восклицание, выражающее сомнение. Он заметно нервничал, чем возбудил мое любопытство.

– Может, что-то случилось? – спросил я. – Я мог бы зайти к нему, если появились особые новости.

– Да так, ничего особо важного, хотя... в общем, если все же пойдете, то скажите ему, – он понизил голос до шепота, – что, по моему, я нашел лишнюю кофейную чашку!

Я уже почти и думать забыл о том таинственном поручении Пуаро, но теперь мой интерес оживился.

Поскольку больше Лоуренс ничего не мог объяснить, я решил смирить свою гордость и вновь зайти в Листуэйз к Пуаро.

На сей раз меня встретили уже с улыбкой. Месье Пуаро оказался дома. Хочу ли я подняться в его номер? Разумеется, я поднялся к нему.

Пуаро сидел за столом, обхватив голову руками. Заметив меня, он поднялся со стула.

– Что с вами? – заботливо спросил я. – Надеюсь, вы не заболели?

– Нет, нет, не заболел. Но я озабочен решением крайне важного вопроса.

– Удастся ли вам уличить нашего преступника? – иронично предположил я.

Но, к моему изумлению, Пуаро кивнул мне с самым серьезным видом.

– «Сказать или не сказать, – как говорил ваш великий Шекспир, – вот в чем вопрос...»

Я не стал утомлять себя исправлением цитаты.

– Бросьте шутить, Пуаро!

– Я серьезен как никогда. Поскольку на волоске висят важнейшие человеческие ценности.

– О чем вы говорите?

– О женском счастье, *mon ami*, – печально произнес он.

Я растерялся, не зная, что и сказать.

– Настал решающий момент, – озабоченно продолжил Пуаро, – а я не знаю, как поступить. Поскольку, видите ли, на кону в затеянной мной игре весьма крупные ставки. И никто, кроме меня, Эркюля Пуаро, – он с гордостью похлопал себя по груди, – не в силах довести ее до успешного конца!

Несколько минут почтительно помолчав, дабы не умалить эффект его величественной озабоченности, я передал ему сообщение Лоуренса.

– Ага, – радостно вскричал он, – значит, он отыскал лишнюю кофейную чашку! Молодец. А он умнее, чем кажется, этот ваш унылый меесь Лоуренс.

Я не думал, что Лоуренс отличается высокими умственными способностями, но предпочел не возражать Пуаро, а мягко попенял ему на забывчивость, напомнив, что по средам у Синтии выходной, и если бы он слушал меня внимательнее, то ему не пришлось бы вчера зря ездить в Тэдминстер.

– Вы правы. Дырявая у меня голова. Однако мне повезло, и другая молодая особа проявила ко мне истинное милосердие. Видя мое огорчение, она самым любезным образом показала мне все, что я хотел увидеть.

– Тогда все в порядке, но вам все равно придется еще разок заглянуть туда к Синтии, раз уж она ждет вас на чай.

Далее я рассказал ему о последнем письме.

– Как жаль, – заметил бельгиец, – я не переставал надеяться, что оно может что-то прояснить. Хотя нет, вряд ли это имело смысл. Распутать такое дело помогут только умственные изыскания, – он постучал себя пальцем по лбу, – славная работа для маленьких серых клеточек. Придется, как у вас говорится, поломать голову, – многозначительно заявил Пуаро, а потом неожиданно спросил: – Друг мой, вы разбираетесь в отпечатках пальцев?

– Не особенно, – удивленно ответил я. – Мои познания ограничиваются тем, что, согласно научным данным, не существует двух одинаковых отпечатков.

– Да, совершенно верно.

Открыв ключом какой-то ящичек, он извлек оттуда несколько фотографий и разложил их на столе.

– Видите, отпечатки следуют под номерами: один, два и три. Не могли бы вы описать их мне?

Я внимательно изучил предложенные улики.

– Все они сильно увеличены, как я понимаю. Могу сказать, что отпечатки под номером один принадлежат мужчине... похоже, здесь следы большого и указательного пальцев. Номер два наверняка оставила дама – они значительно миниатюрнее и резко отличаются по всем прочим линиям. Под номером три, – я задумчиво помолчал, – видимо, приведены какие-то наложенные друг на друга отпечатки, но среди них четко выделяются отпечатки под номером один.

– Они налагаются на другие?

– Да.

– И у вас нет сомнений в их принадлежности?

– Ни малейших, они одинаковы.

Пуаро кивнул и, аккуратно собрав снимки, опять запер их в ящичек.

– Полагаю, – небрежно бросил я, – что вы, как обычно, не пожелаете ничего объяснить?

– Напротив. Первые отпечатки принадлежат месье Лоуренсу. Вторые – мадемуазель Синтии. Они не имеют важного значения, я снял их просто для сравнения. А вот с третьим снимком дело обстоит сложнее.

– Да?

– Да, они, как вы и сказали, сильно увеличены. Вы также могли заметить, что само изображение выглядит смазанным. Не стану утомлять ваше внимание описанием использования дактилоскопического оснащения и алюминиевого порошка и прочими техническими подробностями. Полиции данный процесс отлично известен, и таким образом можно быстро получить фотографии отпечатков пальцев с любого предмета. Итак, друг мой, вы осмотрели эти отпечатки... остается сообщить вам, на каком предмете их оставили.

– Продолжайте, вы уже заинтриговали меня.

– *Eh bien!* Ладно, так и быть. Под номером три представлены сильно увеличенные отпечатки, которые оставили на одной бутылочке, которая хранится в шкафчике с ядами, который стоит в аптеке госпиталя Красного Креста в Тэдминстере. – Он усмехнулся. – Мои слова прозвучали почти как детский стишок про то, сколько событий происходит «В доме, который построил Джек»!

– Боже милостивый, – воскликнул я, – но как же попали туда отпечатки Лоуренса? Когда мы заходили в аптеку, он даже не подходил к шкафчику с ядами!

– О, нет, подходил!

– Невозможно! Мы все время были вместе.

– Вы заблуждаетесь, друг мой, – покачав головой, возразил Пуаро, – ненадолго вы все-таки разделились. Сами подумайте, если вы все время были вместе, то зачем же мадемуазель Синтии понадобилось звать Лоуренса к вам на балкон?

– Да, об этом я забыл, – признал я. – Но он оставался в одиночестве буквально минуту.

– Вполне достаточно.

– Достаточно для чего?

– Достаточно для того, – Пуаро загадочно улыбнулся, – чтобы джентльмен, изучавший медицину, удовлетворил вполне естественный интерес и любопытство.

Мы обменялись взглядами. Глаза Пуаро светились каким-то непонятным весельем. Он встал и начал напевать себе под нос какой-то браурный мотивчик. Я подозрительно наблюдал за ним.

– Пуаро, но что же находилось в той самой бутылочке? – спросил я.

– Гидрохлорид стрихнина, – бросил он через плечо и продолжил весело напевать.

– О боже! – подавленно прошептал я.

Такой ответ не удивил меня, я даже ждал именно его.

– В той аптеке чистый гидрохлорид стрихнина используется крайне редко... лишь иногда, для изготовления специальных пилюль. Для прочих лекарств в медицине широко применяется другой раствор стрихнина. Потому-то наши отпечатки и сохранились на склянке с ядом.

– А как вам удалось сделать фотографии?

– Пришлось уронить шляпу с балкона, – спокойно признался Пуаро. – Посетителям не положено выходить во двор днем, поэтому, несмотря на мои многочисленные возражения и извинения, коллега мадемуазель Синтии любезно спустилась туда сама за моей шляпой.

– Значит, вы знали, что найдете там?

– Нет, отнюдь. Я лишь допускал такую возможность, узнав из вашего рассказа, что месье Лоуренс подходил к шкафчику с ядами. И такую версию следовало либо подтвердить, либо исключить.

– Пуаро, ваше легкомысленное веселье не обманет меня, – мрачно заявил я. – Вы сделали важнейшее открытие.

– Сомневаюсь, – откликнулся бельгиец, – хотя одно обстоятельство поразило меня. Несомненно, оно поразит и вас тоже.

– Какое же?

– Слишком часто, пожалуй, стрихнин появляется в нашем деле. Ведь мы сталкиваемся с ним уже третий раз. Во-первых, стрихнин содержался в тонике миссис Инглторп. Во-вторых, Мэйс продал стрихнин, скажем так, из-под прилавка в аптеке Стайлз-Сент-Мэри. И теперь, третий раз, пузырек со стрихнином держал в руках один из обитателей усадьбы. Это сбивает с толку, запутывая наше расследование. А как вы знаете, подобная странная путаница меня всегда огорчает.

Я не успел ничего ответить, поскольку в этот момент открылась дверь и к нам заглянул один из соседей-бельгийцев.

– Там внизу какая-то леди спрашивает мистера Гастингса.

– Леди?

Я вскочил. Пуаро спускался за мной по узкой лестнице. На крыльце стояла Мэри Кавендиш.

– Я навещала в деревне одну старушку, – пояснила она, – и, узнав от Лоуренса, что вы направились к месье Пуаро, решила зайти за вами.

– Как жаль, мадам, – сказал последний. – Я-то надеялся, что вы меня решили почтить своим визитом!

– Я с удовольствием загляну к вам на днях, раз вы приглашаете меня, – улыбнувшись ему, пообещала она.

– Вот и славно. Если вам понадобится исповедник, – Мэри еле заметно вздрогнула, – то помните, что отец Пуаро всегда к вашим услугам.

Она так задумчиво взглянула на него, словно пыталась понять некий скрытый смысл его слов.

– А вы сами, месье Пуаро, – резко отведя глаза, сказала женщина, – не желаете заглянуть к нам на огонек?

– С превеликим удовольствием, мадам.

Всю дорогу до нашего дома Мэри возбужденно болтала. Мне показалось, что она немного нервничает, избегая взглядов Пуаро.

Погода испортилась, задул резкий, почти по-осеннему пронизывающий ветер. Мэри поежилась и застегнула пуговицы своей черной спортивной куртки. Под порывами сурового ветра печально шелестели деревья, точно скорбно вздыхающие великаны.

Мы подошли к парадному входу в Стайлз и сразу заметили в холле что-то неладное.

Навстречу нам бросилась Доркас. Она плакала, заламывая руки. За ней топтались и другие слуги со слезами на глазах.

– Ох, мэм! Ох, мэм! Не знаю, как и сказать вам...

– В чем дело, Доркас? – раздраженно спросил я. – Говорите же, наконец.

– Ох, уж эти злосчастные полицейские! Они арестовали его... арестовали мистера Кавендиша!

– Лоуренса арестовали? – потрясенно ахнув, повторил я.

Я заметил странное выражение в глазах Доркас.

– Нет, сэр. Не мистера Лоуренса, а мистера Джона.

Мэри Кавендиш дико вскрикнула за моей спиной и, привалившись к ней, начала оседать. Я развернулся и, успев подхватить ее, увидел в глазах Пуаро затаенное ликование.

Глава 11

Версия обвинения

Судебный процесс над Джоном Кавендишем, обвиняемым в убийстве приемной матери, состоялся через два месяца.

Мне нечего особенно сказать о предшествующих суду неделях, но не могу не упомянуть об искреннем восхищении и сочувствии, которые вызвало у меня поведение Мэри Кавендиш. Решительно встав на защиту мужа, она презрительно высмеивала даже самую мысль о его виновности и ожесточенно боролась за его оправдание.

Я высказал свое восхищение Пуаро, и он задумчиво кивнул мне в ответ.

– Вы правы, она принадлежит к тем славным женщинам, которые лучше всего познаются в беде. Несчастья побуждают их проявить всю силу свойственных их натуре милосердия и преданности. Она с готовностью поступилась гордостью, отбросила ревность...

– Ревность? – удивился я.

– Да. Разве вы не поняли, что она необычай-но ревнива? Но, как я уже сказал, мадам отбросила и гордость, и ревность. Теперь она думает только о муже, о выпавшей на его долю ужасной судьбе.

Слушая пылкие пояснения моего друга, я пристально смотрел на него, вспоминая тот последний день в его коттедже, когда он озабоченно размышлял о том, стоит ли ему что-то говорить. Учитывая его трепетное отношение к «женскому счастью», я порадовался, что благодаря аресту Джона ему не пришлось самому принимать это решение.

– И все равно, – заметил я, – мне и теперь с трудом верится в его виновность. Знаете, практически до той последней минуты я полагал, что виноват Лоуренс!

– Я знаю, что вы так думали. – Пуаро усмехнулся.

– Но чтобы Джон! Мой старый друг Джон!..

– Любой убийца может быть чьим-то старым другом, – философски произнес Пуаро. – Нельзя смешивать чувства и мотивы.

– Надо сказать, вы могли бы хоть намекнуть мне...

– Возможно, *top ami*, я не сделал этого именно потому, что он ваш старый друг.

Я пришел в некоторое замешательство, вспоминая, как старательно убеждал Джона в том, что, по моему мнению, Пуаро считает виновным Бауэрштайна. Его, кстати, оправдали, сняв все обвинения. Тем не менее хотя он перехитрил всех на сей раз, обвинение в шпионаже не прошло для него даром, и его будущему изрядно подрезали крылья.

Я спросил Пуаро, считает ли он, что Джона осудят. К моему изумлению, бельгиец ответил, что как раз в высшей степени вероятно его оправдание.

– Но, Пуаро, почему же тогда... – возмущенно начал я.

– Ах, друг мой, разве я не говорил вам постоянно, что у меня не хватает доказательств? Одно дело знать, кто виновен, и совершенно другое – доказать его вину. Увы, в данном случае у нас прискорбно мало улик. И если мне не удастся найти недостающее звено... – Он удрученно покачал головой.

– Когда вы впервые заподозрили Джона Кавендиша? – немного помолчав, спросил я.

– А сами вы вообще не подозревали его?

– Честно говоря, нет, не подозревал.

– Даже учитывая подслушанный вами фрагмент разговора между миссис Кавендиш и ее свекровью и ее уклончивые ответы на дознании?

– Нет.

– Но, зная о ее поведении на дознании и также упорном, как вы помните, отрицании ссоры с женой Альфреда Инглторпа, разве вы не пришли к очевидному заключению, что ссориться с матерью мог либо Лоуренс, либо Джон? При чем если бы Мэри слышала ссору с Лоуренсом, то ее скрытность была бы просто необъяснимой. А вот если она слышала Джона, то тогда ее поведение вполне естественно.

– Значит, – воскликнул я, вдруг озаренный догадкой, – миссис Инглторп в тот день ссорилась именно с Джоном?

– Вы необычайно проницательны.

– Так вы давно догадались об этом?

– Разумеется. Как же можно иначе объяснить поведение миссис Кавендиш?

– И однако вы считаете, что его могут оправдать?

– Несомненно, – пожав плечами, подтвердил Пуаро. – Сначала дело будет рассмотрено в полицейском суде, где мы услышим версию обвинения, но, вероятно, адвокат посоветует месье Джону отложить защиту до лучших времен. В итоге дело передут в Центральный уголовный суд. А там уж... Да, кстати, должен предупредить вас, друг мой: я не буду участвовать в этом процессе.

– Что?

– Увы. Официально мне нечего там делать. Пока я не отыщу последнее связующее звено в цепи моих рассуждений, мне придется оставаться в тени. Миссис Кавендиш, надо думать, поймет, что я провожу тайные поиски ради ее мужа, а не против него.

– Однако, похоже, вы не рискуете играть по-крупному, – возразил я.

– Вовсе нет. Ведь мы имеем дело с чертовски умным и бессовестным преступником, поэтому приходится использовать любые доступные нам средства... иначе он проскользнет у нас между пальцев. Вот почему я предпочитал из осторожности оставаться в тени. Все улики собрал Джепп, ему и припишут все заслуги. Если меня все же вызовут для дачи показаний, – он широко улыбнулся, – то, вероятно, как свидетеля со стороны защиты.

Я едва мог поверить собственным ушам.

– Все исключительно *en règle*^[41], – продолжил Пуаро. – Как ни странно, я уже сейчас могу дать показания, которые опровергнут одно из предъявленных обвинений.

– Какое же?

– То, что касается уничтожения завещания. Джон Кавендиш не уничтожил его.

Пуаро оказался настоящим пророком. Не буду досконально описывать подробности разбирательства в полицейском суде, поскольку оно изобиловало утомительными повторениями. Упомяну лишь коротко, что Джон Кавендиш действительно воздержался от защиты, и его дело передали в городской суд.

Сентябрь мы встретили в Лондоне. Мэри сняла дом в Кенсингтоне^[42], Пуаро включили в семейную компанию. Сам я устроился на работу в Военное министерство, поэтому мог видеться с ними практически ежедневно.

Неделя пролетала за неделей, и Пуаро все больше нервничал. Никак не обнаруживалось то злосчастное «последнее звено», которое он искал. В глубине души я надеялся, что поиски не увенчаются успехом. Разве сможет Мэри быть счастлива, если Джона не оправдают?

Пятнадцатого сентября Джон Кавендиш оказался на скамье подсудимых в Олд-Бейли^[43] по обвинению в «предумышленном убийстве Эмили-Агнес Инглторп», где заявил о своей невиновности. Для его защиты привлекли знаменитого королевского адвоката, сэра Эрнеста Хевиуэтера. Версию государственного обвинения представил королевский адвокат мистер Филипс.

– Данное преступление, – начал он, – представляется нам преднамеренным и на редкость хладнокровным убийством. Совершено не что иное, как умышленное отравление любящей и заботливой женщины ее приемным сыном, для которого она сделала больше, чем родная мать. С детских лет она всячески поддерживала его. Подсудимый с женой роскошно жили в Стайлз-корт, окруженные ее заботой и вниманием. Она была их доброй и великодушной благодетельницей.

Он заявил также, что готов вызвать свидетелей, дабы показать, как обвиняемый, погрязший в распутстве и расточительности, попал в крайне затруднительное финансовое положение и, кроме того, завел предосудительную интрижку с некоей миссис Рэйкс, женой живущего по соседству фермера. Когда о его измене стало известно приемной матери, она высказала ему свое осуждение днем, незадолго до смерти, и между ними произошла ссора, часть которой слышали свидетели. За день до этого подсудимый купил стрихнин в деревенской аптеке, представившись другим человеком, на которого хотел взвалить бремя злодеяния, а именно на мужа миссис Инглторп, которому он горько завидовал. К счастью для мистера Инглторпа, он смог представить неопровержимое алиби.

– Днем семнадцатого июля, – продолжил обвинитель, – сразу после ссоры с сыном, миссис Инглторп написала новое завещание. Его обгоревший клочок обнаружили следующим утром на каминной решетке в ее спальне, но обнаруженные улики показали, что она завещала все своему мужу. Покойная уже оставляла завещание в его

пользу до женитьбы, однако, – мистер Филипс выразительно покачал указательным пальцем, – подсудимый не знал об этом.

Обвинитель затруднился объяснить, что побудило покойную составить новое завещание при наличии уже существующего. Возможно, будучи пожилой женщиной, она забыла о наличии старого завещания, или – что представляется более вероятным – могла подумать, что после замужества то завещание окажется недействительным, поскольку обсуждала этот вопрос ранее.

– Дамы далеко не всегда разбираются в вопросах законности, – заметил Филипс. – Примерно за год до описываемых событий она написала завещание в пользу подсудимого. Из показаний последнего станет известно, что именно он в конечном счете передал матери кофе в тот роковой вечер. Уже ночью он изыскал способ проникнуть в ее спальню и тогда, несомненно, счел удобным уничтожить завещание, что, как он ошибочно думал, сделает законным другой, составленный в его пользу документ.

– Арест обвиняемого произвели на основании того, что инспектор уголовной полиции Джепп – безусловно, выдающийся следователь – обнаружил в его комнате тот самый пузырек со стрихнином, что деревенский аптекарь за день до убийства продал мнимому мистеру Инглторпу. Присяжным будет дано право решить, представляют ли эти уличающие факты убедительные доказательства для признания вины обвиняемого.

И, тонко намекнув на полную невероятность того, что присяжные не оценят по достоинству столь вопиющие факты, мистер Филипс опустил в кресло, промокнув платком лоб.

Первыми свидетелями обвинения стали большей частью те, кто давал показания на дознании, и для начала опять-таки заслушали заключение судебно-медицинской экспертизы.

Сэр Эрнест Хевиуэтер, известный на всю Англию своей неразборчивостью в выборе средств запугивания свидетелей, задал всего два вопроса.

– Насколько я понимаю, доктор Бауэрштайн, стрихнин, использованный в качестве отравляющего вещества, действует быстро?

– Да.

– И вы не способны объяснить задержку появления симптомов отравления в данном деле?

– Да.

– Благодарю вас.

Мистер Мэйс подтвердил, что он продал именно переданный ему обвинителем для опознания пузырек.

– Продали мистеру Инглторпу? – уточнил мистер Филипс.

В итоге его вынудили признать, что раньше он видел мистера Инглторпа только издали, но ни разу с ним не разговаривал. Аптекарь избежал перекрестного допроса.

Вызванный для показаний Альфред Инглторп отверг подозрение в покупке представленного яда. Он также отрицал, что поссорился с женой. Последующие свидетели подтвердили достоверность его заявлений.

Садовники, вызванные как свидетели составления завещания, подтвердили, что подписали его, а после них вызвали Доркас.

Служанка, преданная своим «молодым господам», рьяно отрицала, что смутно услышанный ею мужской голос мог принадлежать Джону, и решительно заявила, вопреки всему, что в будуаре с хозяйкой находился именно мистер Инглторп.

По лицу обвиняемого на скамье подсудимых промелькнула тоскливая улыбка. Он отлично понимал, насколько бесполезна ее вызывающая преданность, сознавая, что защита не станет оспаривать данный вопрос.

Миссис Кавендиш, разумеется, не могла давать показаний против своего мужа.

Вяснив ряд второстепенных вопросов, мистер Филипс спросил:

– Вы помните, что в прошедшем июне на имя мистера Лоуренса Кавендиша пришла бандероль от фирмы Парксонов?

– Нет, сэр, не припоминаю, – помотав головой, ответила Доркас. – Может, и приходила, но ведь в июне мистер Лоуренс уезжал из дома.

– Если бандероль пришла в его отсутствие, то что могли с ней сделать?

– Ну, могли отнести в его комнату или переслать ему.

– И что же вы сделали?

– Я, сэр, – ничего, мне следовало лишь оставить ее в холле на столе. Почтовыми делами у нас распоряжается мисс Говард.

Вызванную на свидетельское место Эвелин Говард после выяснения известных вопросов также спросили об этой бандероли.

– Не помню. К нам много всяких посылок приходит. Всех и не упомнишь.

– Значит, вам не известно, была ли она переправлена мистеру Лоуренсу Кавендишу в Уэльс или отнесена в его комнату?

– По-моему, я ничего в Уэльс не отсылала. Вряд ли я забыла бы то, что отправляла ее.

– Допустим, бандероль на имя мистера Лоуренса Кавендиша прибыла, а потом исчезла, тогда вы заметили бы ее пропажу?

– Нет, вряд ли. Я подумала бы просто, что кто-то решил убрать ее.

– Полагаю, мисс Говард, именно вы обнаружили этот лист оберточной бумаги? – Обвинитель положил перед ней тот самый блеклый, запыленный лист, что мы с Пуаро изучали в малой столовой Стайлз-корт.

– Да, верно.

– Как вам пришло в голову поискать его?

– Меня попросил бельгийский детектив, помогавший расследовать это преступление.

– И где же вы обнаружили его?

– На... шкафу.

– На шкафу в комнате обвиняемого?

– Видимо, да.

– Вы сами обнаружили его там?

– Да.

– Тогда вы должны точно знать, где нашли его?

– Да, он лежал на одежном шкафу обвиняемого.

– Вот так уже лучше.

Сотрудник фирмы Парксонов «Театральные костюмеры» подтвердил, что согласно заказу отослал двадцать девятого июня пакет с черной бородой мистеру Л. Кавендишу. Заказ поступил в виде письма и оплаченного почтового перевода. Нет, письмо у них не сохранилось, но все операции отражены в бухгалтерских книгах. В соответствии с заказом они отправили бороду по приложенному адресу в Стайлз-корт эсквайру Л. Кавендишу.

Сэр Эрнест Хевуэтер тяжело поднялся со стула.

– Откуда отправили поступившее к вам письмо заказа?

– Из Стайлз-корт.

– С того же адреса, по которому вы отправили пакет?

– Да.

– И письмо пришло оттуда же?

– Да.

– Откуда вы это узнали? – ощерившись, грозно спросил адвокат.

– Я... я не понимаю...

– Как вы узнали, что письмо пришло именно из Стайлз-корт?

Вы проверили штамп на почтовом отправлении?

– Нет... но...

– Ах, значит, вы не обратили внимания на почтовый штемпель!

И тем не менее готовы уверенно заявить, что письмо отправили из Стайлза. Но фактически на письме мог стоять любой почтовый штемпель?

– Д-да...

– То есть фактически вышеупомянутое письмо могли послать из любого другого места? К примеру, из Уэльса.

Свидетель признал, что в данном случае это возможно, и сэр Эрнест, выразительно кивнув, удовлетворенно сел на свое место.

Элизабет Уэллс, вторая горничная в Стайлзе, сообщила суду, что, уже удалившись спать, вспомнила о том, как машинально закрыла входную дверь на засов, а не на ключ, как просил мистер Инглторп. И поэтому она опять спустилась в холл, чтобы исправить свою оплошность. Услышав какой-то шум в западном крыле, заглянула в тот коридор и увидела, как мистер Джон Кавендиш стучит в двери миссис Инглторп.

С нею сэр Эрнест Хевуизтер разделался в два счета, и под его немилосердно пугающими вопросами она, безнадежно запутавшись, начала противоречить самой себе, а сэр Эрнест с довольной улыбкой вновь опустился на свой стул.

Энни ответила, что не видела на полу стеаринового пятна, зато видела, как обвиняемый отнес кофе в будуар. После ее показаний заседание закончилось и разбирательство отложили до завтра.

По дороге домой Мэри Кавендиш бурно возмущалась поведением обвинителя.

– Какой отвратительный тип! Что за сети он раскидывает вокруг моего бедного Джона! Он ведь так извращает любые обычные детали, что они в итоге выстраиваются в какой-то злодейский план!

– Пока рано делать выводы, – утешительно заметил я, – завтра положение дела может круто измениться.

– Верно, – задумчиво признала она и вдруг спросила упавшим голосом: – Мистер Гастингс, вы же не думаете... думаете, что это мог быть Лоуренс? О, нет, такого просто быть не может!

Но я и сам пребывал в замешательстве и, оставшись наедине с Пуаро, сразу спросил его, что он думает о методах защиты сэра Эрнеста.

– Ах, сэр Эрнест, – одобрительно воскликнул Пуаро, – он хитроумно ведет дело.

– Вы полагаете, что он считает виновным Лоуренса?

– Не думаю, что его волнуют подобные мелочи. Нет, он стремится так запутать следствие, чтобы присяжные в итоге не могли прийти к единому мнению относительно виновности того или другого брата. Он старается показать, что свидетельств против Лоуренса ничуть не меньше, чем против Джона... и я далеко не уверен, что он потерпит неудачу.

Заседание возобновилось, и первым для дачи показаний вызвали инспектора уголовной полиции Джеппа, точно и лаконично отвечавшего на все вопросы. Описав исходные события, он продолжил:

– Действуя согласно полученным сведениям, мы со старшим инспектором Саммерхэем обыскали комнату обвиняемого в то время, когда тот отсутствовал дома. В одном из ящиков комода под стопкой белья мы обнаружили: во-первых, пенсне в золотой оправе, подобное тому, что носит мистер Инглторп, – пенсне представили в качестве вещественного доказательства, – и, во-вторых, данный пузырек.

Этот пузырек, уже опознанный помощником аптекаря, представлял собой маленькую бутылочку голубого стекла, содержащую небольшое количество белого кристаллического порошка, снабженную этикеткой «ЯД. Стрихнина гидрохлорид».

Со времени окончания полицейского суда детективы сумели обнаружить одну новую улику, представляющую собой лист почти новой промокательной бумаги; ее нашли в чековой книжке миссис Инглторп. После изучения бумаги в зеркальном отражении явственно проявилась следующая запись: «...все, чем я обладаю, оставляю моему любимому мужу Альфреду Инг...» Данная улика, вне всякого сомнения, доказывала, что уничтоженное завещание составили в пользу

мужа покойной. Джепп представил обгоревший клочок бумаги, извлеченный из камина, и закончил свои показания, сообщив об обнаруженной на чердаке черной бороде.

Однако его еще ждал перекрестный допрос от сэра Эрнеста.

– Какого числа вы провели обыск в комнате арестованного?

– Двадцать четвертого июля, во вторник.

– Ровно через неделю после трагической кончины жертвы?

– Да.

– Итак, эти два предмета вы обнаружили, говорите, в ящике комода. В незапертом ящике?

– Да.

– А вам не показалось странным, что совершивший преступление человек хранит улики в открытом ящике, где любой может их обнаружить?

– Возможно, он спрятал их туда в спешке.

– Но вы же только что сказали, что со времени преступления прошла целая неделя. Он располагал более чем достаточным временем, чтобы изъять оттуда улики и уничтожить.

– Вероятно.

– Нет, тут двух мнений быть не может. Имел ли он достаточно времени для изъятия и уничтожения этих улик?

– Да, имел.

– А улики были спрятаны под легким или под теплым бельем?

– Под теплым.

– Иными словами, там лежали зимние вещи. Тогда, очевидно, обвиняемому вряд ли понадобилось бы заглядывать в тот ящик?

– Вероятно, не понадобилось бы.

– Будьте любезны, отвечайте точно. Вероятно ли, что обвиняемый в разгар жаркого лета заглянет в ящик с зимним бельем? Да или нет?

– Нет.

– В таком случае разве не может быть, что предполагаемые улики положило туда третье лицо и что обвиняемый даже не подозревал об их существовании?

– Не думаю, что это вероятно.

– Но возможно.

– Да.

– У меня всё.

Далее представили еще ряд сопутствующих свидетельств. Подтвердилось трудное финансовое положение, в котором оказался подсудимый к концу июля. Подтвердилась и его интрижка с миссис Рэйкс – что, должно быть, прозвучало весьма жестоко для такой гордой женщины, как Мэри. Эвелин Говард фактически оказалась права, хотя ее враждебность к Альфреду Инглторпу вынудила ее прийти к ошибочному заключению.

Затем на свидетельское место вызвали Лоуренса Кавендиша. Тихо отвечая на вопросы мистера Филипса, он заявил, что в июне ничего не заказывал в фирме Парксонов. Фактически двадцать девятого июня он еще жил в Уэльсе.

В тот же миг сэр Эрнест драчливо вздернул подбородок.

– Вы отрицаете, что до двадцать девятого июня заказывали черную бороду в фирме Парксонов?

– Да, отрицаю.

– Интересно! А кто унаследует Стайлз-корт, если с вашим братом что-то случится?

От жестокой бестактности последнего вопроса бледное лицо Лоуренса заметно покраснело. Судья выразил вялое неодобрение, а бедный Джон на скамье подсудимых возмущенно подался вперед.

Хевиуэтера абсолютно не взволновало возмущение его клиента.

– Будьте любезны ответить на мой вопрос.

– Вероятно, – спокойно ответил Лоуренс, – усадьба перейдет ко мне.

– Почему же «вероятно»? Ведь у вашего брата нет детей. И следовательно, именно вы являетесь его единственным наследником, не так ли?

– Да.

– Ах, вот так уже лучше, – саркастически дружелюбным тоном произнес Хевиуэтер. – И вы также, очевидно, унаследуете изрядную часть денег?

– Право, сэр Эрнест, – запротестовал судья, – последние вопросы не имеют отношения к делу.

Защитник покаянно склонил голову, однако продолжил метать в свидетеля жалящие копыя своих вопросов.

– Во вторник семнадцатого июля вы вместе с мистером Гастингсом заходили в аптеку госпиталя Красного Креста в Тэдминстере?

– Да.

– Открывали вы, оставшись на короткое время в одиночестве, шкафчик с ядами, чтобы ознакомиться с его содержимым?

– Я не помню... возможно, открывал.

– Вы, несомненно, открывали его.

– Да.

– И в частности вас, очевидно, заинтересовал один пузырек? – с самоуверенной резкостью тут же спросил сэр Эрнест.

– Нет, по-моему.

– Осторожнее, мистер Кавендиш, вы находитесь под присягой. Я имею в виду пузырек с гидрохлоридом стрихнина.

Лицо Лоуренса покрылось болезненной зеленоватой бледностью.

– Н-нет... уверен, он меня не интересовал.

– Тогда, как вы объясните тот факт, что на его поверхности остались четкие отпечатки ваших пальцев?

Такой устрашающий метод отлично действовал на нервных свидетелей.

– Я... ну, тогда, полагаю, я брал тот пузырек.

– Я тоже так полагаю! И вы украли из того пузырька немного яда?

– Нет, безусловно, нет.

– Тогда зачем же вы брали его?

– Раньше я изучал медицину. И меня, естественно, интересуют такие вещества.

– Вот как! То есть вы признаетесь в «естественном интересе» к ядам? Как вы объясните, что вышеупомянутый интерес вы удовлетворили, лишь дождавшись того, когда останетесь в одиночестве?

– Чистой случайностью. Я сделал бы то же самое и в присутствии остальных.

– Однако не странно ли, что случайно в аптеке не осталось никого, кроме вас?

– Нет, но...

– Фактически в тот день вы провели в одиночестве всего пару минут, и так уж случилось... я подчеркиваю, так странно случилось – что именно в те две минуты вы решили проявить ваш «естественный интерес» к гидрохлориду стрихнина?

– Я... мне... на меня вдруг что-то нашло... – ужасно запинаясь, промямлил Лоуренс.

Выразительно и самодовольно улыбнувшись, сэр Эрнест заметил:

– Больше у меня нет к вам вопросов, мистер Кавендиш.

Последняя часть перекрестного допроса вызвала большое волнение среди зрителей в зале суда. Головки многих модно одетых светских дам живо склонились друг к другу, и их возбужденное шушуканье стало настолько громким, что судья, сердито призвав к тишине, пригрозил, что в ином случае прикажет очистить зал.

Разбирательство пошло своим чередом. Для оценки подписи «Альфреда Инглторпа» в аптечном журнале регистрации проданных ядов вызвали графологов. Все эксперты единогласно заявили, что подпись Инглторпа подделана, и выразили мнение, что, возможно, она подделана именно обвиняемым. В ходе перекрестного допроса они признали, что, возможно, так же искусно подделали и почерк самого обвиняемого.

Защитительная речь сэра Эрнеста Хевиуэтера оказалась не слишком долгой, но он подкрепил ее выразительность всеми средствами своего богатейшего арсенала.

– Никогда еще, – заявил адвокат, – за всю мою многолетнюю судебную практику я не сталкивался с обвинением в убийстве, основанным на столь неубедительных уликах. Мало того что все они косвенные, так по большей части даже они практически ничего не доказывают. Выслушав такие доказательства, по справедливости их надо бы считать сомнительными. К примеру, стрихнин нашли в ящике комода в комнате обвиняемого...

Он подчеркнул, что ящик не запирался, и указал на отсутствие доказательств того, что сам обвиняемый спрятал туда яд.

– Фактически здесь угадывается мерзкая и злобная попытка со стороны третьего, очевидно, преступного лица свалить вину на подсудимого. Обвинение не представило никаких доказательств того, что, как утверждалось, именно подсудимый заказал накладную черную бороду в фирме Парксонов. Ссора, имевшая место между подсудимым и его приемной матерью, им откровенно подтверждена, но значимость вышеупомянутой ссоры, как и финансовые затруднения подсудимого, сильно преувеличены.

– Мой ученый коллега, – сэр Эрнест небрежно кивнул в сторону мистера Филипса, – заявил, что если бы подсудимый был невиновен, то выступил бы уже на дознании с признанием того, что именно он, а не мистер Инглторп, был участником той ссоры. Он подумал, что эти факты представлены в ложном свете. Что же произошло в действительности? Подсудимому, вернувшемуся домой во вторник вечером, убедительно рассказали, что между мистером и миссис Инглторп произошла крупная ссора. Подсудимому даже в голову не пришло, что его голос могли перепутать с голосом мистера Инглторпа. И он естественным образом предположил, что его матушка участвовала в тот день в двух ссорах.

Обвинение заявляет, что в понедельник, шестнадцатого июля, подсудимый зашел в деревенскую аптеку под видом Альфреда Инглторпа. Подсудимый, вопреки этому заявлению, находился в это время в уединенном месте под названием рошица Марстона, куда его вызвал тайный шантажист анонимной запиской, где содержалась угроза раскрытия его жене неких тайн в том случае, если он не явится в рошицу Марстона в указанное время. Подсудимый, естественно, явился туда и после получаса напрасного ожидания вернулся домой. К сожалению, по пути туда и обратно он не встретил никого, кто мог бы подтвердить его слова, но, к счастью, у него сохранилась та записка, и она будет представлена в качестве улики.

Что касается утверждения о сожжении завещания, то подсудимый, сам практиковавший в качестве барристера, отлично знал, что составленное ранее в его пользу завещание автоматически аннулировано фактом вступления в новый брак его приемной матери. В дальнейшем будут представлены доказательства, показывающие, кто на самом деле уничтожил это завещание, и в их свете, вероятно, у нас появится совершенно новый взгляд на совершенное преступление.

Завершая речь, сэр Эрнест захотел обратить внимание присяжных на существование улик против других людей, помимо Джона Кавендиша. Он также напомнил им, что свидетельства, представленные против Лоуренса Кавендиша, если не более, то уж и не менее весомы, чем против его брата.

Далее он пригласил подсудимого на свидетельское место.

В ходе дачи показаний Джон вел себя вполне достойно. Благодаря мастерскому руководству сэра Эрнеста он изложил события достоверно и убедительно. Представленную им анонимную записку передали присяжным для изучения. Готовность, с которой он признал финансовые трудности и разногласия с его приемной матерью, придала убедительность отрицанию прочих обвинений в его адрес.

В заключение первой части допроса Джон помолчал и сказал:

– Мне хотелось бы прояснить один вопрос. Я решительно отвергаю и осуждаю негативные намеки сэра Эрнеста против моего брата. Я убежден, что мой брат, так же как и я, не имеет ни малейшего отношения к данному преступлению.

Сэр Эрнест лишь снисходительно улыбнулся и проницательно заметил, что протест Джона произвел весьма благоприятное впечатление на присяжных.

Затем начался перекрестный допрос.

– Насколько я понимаю, вы заявили, что во время дознания вам даже в голову не пришло, будто ваш голос могли перепутать с голосом мистера Инглторпа. Разве это не странное заявление?

– Нет, на мой взгляд. Мне рассказали о ссоре между моей матерью и мистером Инглторпом, и я даже подумать не мог, что на самом деле речь шла о нашем с ней конфликте.

– Даже когда ваша служанка Доркас повторила отдельные фразы того спора, вы также не узнали их?

– Нет, не узнал.

– Должно быть, у вас на редкость короткая память!

– Нет, но мы оба пребывали в сильном возмущении и, очевидно, наговорили в запале каких-то обидных, ничем не оправданных слов. Честно говоря, я почти не слышал того, что именно говорила моя мать.

Недоверчивое фырканье мистера Филипса стало сомнительным триумфом его профессионального искусства. Он перешел к рассмотрению анонимной записки.

– Вы крайне своевременно представили нам данную записку. Скажите, не замечаете ли вы каких-то знакомых особенностей в этом почерке?

– Нет, на мой взгляд, почерк мне совсем не знаком.

– А я утверждаю, что это ваш собственный почерк!

– Нет.

– Я утверждаю, что, озабоченный предоставлением алиби, вы выдумали какое-то весьма неправдоподобное свидание и сами написали эту записку, дабы подтвердить ваше заявление!

– Нет.

– А разве не правда, что в то время, когда вы якобы дожидались кого-то в уединенном и редко посещаемом месте, на самом деле вы покупали в аптеке Стайлз-Сент-Мэри стрихнин, назвавшись Альфредом Инглторпом?

– Нет, это ложь.

– Я утверждаю, что вы, нацепив подрезанную в стиле мистера Инглторпа черную бороду и нарядившись в типичный для него костюм, пришли в аптеку и расписались в журнале его именем!

– Это совершенно неоправданное утверждение.

– Далее, на рассмотрение присяжных я оставляю примечательное сходство почерка записки, записи в журнале и вашего собственного почерка, – заявил мистер Филипс и удалился на свое место с видом человека, исполнившего свой долг, но потрясенного столь предусмотрительным лжесвидетельством.

После чего, учитывая затянувшееся разбирательство, очередное заседание суда отложили на понедельник.

Пуаро, как я заметил, выглядел глубоко удрученным. Я догадался об этом по хорошо знакомой мне вертикальной морщинке, прорезавшей его лоб.

– Как дела, Пуаро? – поинтересовался я.

– Ах, *mon ami*, дела наши скверны, чертовски скверны.

Помимо воли я почувствовал внезапное облегчение. Очевидно, все-таки есть вероятность того, что Джона Кавендиша оправдают.

Когда мы добрались до дома, мой расстроенный друг отказался даже от предложенного Мэри чая.

– Нет, благодарю вас, мадам. Лучше я поднимусь к себе в комнату.

Я последовал за ним. По-прежнему хмурясь, он подошел к столу и вытащил из ящика миниатюрную колоду пасьянсных карт. Потом, усевшись за стол, начал, к моему изумлению, с самым серьезным видом строить карточные домики!

Я невольно разинул рот, а он сразу заявил:

– Нет, нет, *mon ami*, я не впадаю в детство! Я восстанавливаю спокойствие, только и всего. Такое занятие требует точности пальцев.

Четкость их действий способствует четкости работы мозга. А сейчас как никогда прежде я нуждаюсь как раз в четкости его работы!

– Не пойму, что вас так тревожит? – спросил я.

В сердцах шлепнув ладонью по столу, Пуаро развалил свое старательно возведенное строение.

– Именно тревожит, *mon ami!* Я способен построить семиэтажные карточные домики, однако, увы, я не могу – шлепок! – найти – опять шлепок! – то последнее звено, о котором уже говорил вам.

Я предпочел промолчать, поскольку не хотел признаваться в своих тайных мыслях, и он опять начал медленно выстраивать карточные пирамидки, бросая отрывистые замечания.

– Все... как полагается... вот так! Устанавливаем... одну карту... к ней другую... с математической... точностью!

Я рассеянно наблюдал, как этаж за этажом вырастает под его руками карточный дом. Движения его были уверенны и безошибочны. Словно мне показывали искусный фокус.

– Как отлично вы владеете своими руками, – заметил я. – Пожалуй, мне лишь раз довелось видеть, как у вас тряслись руки.

– Несомненно, когда нечто случайно вызвало мою ярость, – с отменным спокойствием откликнулся Пуаро.

– Да, безусловно! Вы пришли в неистовую ярость. Помните? Когда обнаружилось, что кто-то взломал замочек бювара в спальне миссис Инглторп. Вы стояли возле каминной полки, расставляя безделушки в излюбленном вами симметричном порядке, а ваши пальцы дрожали, точно листочки на ветру! Должен сказать, я даже...

Однако мне не удалось закончить высказывание. Пуаро вдруг издал хриплое, нечленораздельное восклицание, вновь развалив свой карточный шедевр, закрыл руками глаза и принялся раскачиваться взад-вперед, похоже, испытывая острую боль.

– Боже милостивый, Пуаро! – испуганно вскричал я. – Что с вами? Вам плохо?

– Нет, нет, – задыхаясь от волнения, бросил он, – мне... просто... надо обдумать одну версию!

– Ах! – воскликнул я, испытав большое облегчение. – Одну из ваших «занятных версий»?

– *Ma foi, no!*^[44] – ахнув, искренне ответил Пуаро. – На сей раз у меня родилась грандиозная версия! Грандиозной важности!

И именно вы, друг мой, навели меня на столь важную мысль...

Он порывисто обхватил меня за плечи, дружески чмокнул в обе щеки и, не дав мне опомниться от удивления, стремительно выбежал из комнаты.

После его бегства на пороге появилась Мэри Кавендиш.

– Что случилось с месье Пуаро? Он промчался мимо меня с криками: «Гараж! Ради бога, мадам, где тут поблизости гараж?» И, не дав мне опомниться и что-то ответить, вылетел на улицу.

Я быстро подошел к окну. Разумеется, забыв даже надеть шляпу, Пуаро стремительно удалялся по улице, выразительно жестикулируя на ходу. Оглянувшись к Мэри, я в недоумении развел руками.

– В любой момент его задержит какой-нибудь полисмен... Вон он, как раз вышел из-за угла!

Наши глаза встретились, и мы обменялись беспомощными взглядами.

– Что он такое задумал? – спросила Мэри.

– Не представляю, – озабоченно произнес я, покачав головой. – Он спокойно строил карточные домики, а потом внезапно вскочил и умчался, как вы сами видели.

– Что ж, – заметила Мэри, – надеюсь, он вернется к ужину.

Однако за окнами стемнело, а Пуаро так и не вернулся.

Глава 12

Последнее звено

Крайне заинтригованные внезапным отъездом Пуаро, мы тщетно терялись в догадках. Воскресное утро приближалось к полудню, а он все еще не вернулся. Около трех часов дня, однако, какие-то дикие и зазывные гудки привлекли нас к окну, и мы увидели, как Пуаро вылезает из автомобиля в компании Джеппа и Саммерхэя. Наш маленький друг преобразился – он излучал полнейшее самодовольство.

С преувеличенным почтением бельгиец отвесил поклон Мэри Кавендиш.

– Мадам, – важно произнес он, – могу я попросить вашего разрешения на проведение в салоне маленького собрания? Нам необходимо, чтобы на нем присутствовали все домочадцы без исключения.

– Вы же знаете, месье Пуаро, что мы предоставили вам полную свободу действий, – с печальной улыбкой ответила Мэри.

– Вы необычайно любезны, мадам.

С тем же сияющим видом Пуаро занялся нашим размещением в гостиной, выставляя стулья в задуманном им порядке.

– Вот стул для вас, мисс Говард. Далее мадемуазель Синтия. Месье Лоуренс. Наша любезная Доркас. И Энни. *Bien!* Отлично! Нам придется немного подождать прибытия мистера Инглторпа. Я отправил ему приглашение.

Мисс Говард немедленно поднялась со стула.

– Если этот человек заявится в этот дом, то я немедленно покину его!

– Нет, нет! – подходя к ней, воскликнул Пуаро и принялся вполголоса уговаривать ее остаться.

В результате мисс Говард милостиво согласилась опять занять свой стул. А через пару минут в гостиную вошел Альфред Инглторп.

Едва все расселись по местам, Пуаро встал и с видом популярного лектора учтиво поклонился аудитории.

– Месье и мадам, как всем вам известно, месье Джон Кавендиш пригласил меня для расследования этого прискорбного преступления. Я тотчас осмотрел спальню покойной, запертую по совету докторов и, следовательно, оставшуюся в неприкосновенности после случившегося несчастья. Там я обнаружил: во-первых, фрагмент зеленой ткани; во-вторых, пятно на ковре под окном, еще влажное; в-третьих, пустую коробочку из-под снотворного. Что касается фрагмента зеленой ткани, то его я обнаружил на задвижке двери в комнату мадемуазель Синтии. Передав эту улику в полицию, я не придал ей особого значения. Однако им удалось установить, что эти нитки... вырваны из зеленого нарукавника, каковыми обычно пользуются во время земляных работ.

На лицах собравшихся отразилось легкое волнение.

– Насколько нам известно, только один человек в Стайлз-корт усердно занимался сельским хозяйством – миссис Кавендиш. Следовательно, должно быть, именно миссис Кавендиш входила в комнату покойной из комнаты мадемуазель Синтии.

– Но ведь дверь была закрыта изнутри за задвижку! – возмущенно возразил я.

– Верно – когда я осматривал спальню. Но изначально мы узнали об этом именно с ее слов, поскольку именно миссис Кавендиш пыталась открыть ту дверь и сообщила, что она заперта. В последовавшем замешательстве она вполне могла успеть незаметно закрыть задвижку. При первой же возможности я проверил свои догадки. Для начала оказалось, что эти нитки действительно вырваны из нарукавника миссис Кавендиш. Кроме того, в ходе дознания она заявила, что услышала из своей комнаты грохот падения столика у кровати миссис Инглторп. Мне также удалось проверить это заявление, попросив моего друга, мистера Гастингса, пройти в левое крыло дома и подождать меня около двери комнаты миссис Кавендиш. Тем временем сам я вместе с полицейскими зашел в спальню покойной и там, по видимости, случайно опрокинул вызывающий мои сомнения столик. Как я и ожидал, месье Гастингс не слышал ни звука. Таким образом, мои подозрения подтвердились: миссис Кавендиш сказала неправду, заявив, что к моменту мучительного приступа ее свекрови одевалась в своей комнате. Более того, я убедился в том, что, когда начался переполох, миссис Кавендиш находилась вовсе не в своей комнате, а в спальне покойной.

Я мельком глянул на Мэри. Она улыбалась, хотя и сильно побледнела.

– Сделав такое допущение, я попытался восстановить картину появления миссис Кавендиш в комнате свекрови. Скажем так: она искала там что-то, но так и не нашла. Миссис Инглторп внезапно проснулась с приступом мучительной судорожной боли. Махнув рукой, бедняжка перевернула столик и в отчаянии начала дергать сонетку. Испугавшись, миссис Кавендиш уронила свечку, запачкав стеарином ковер. Быстро подняв ее, она удалилась в комнату мадемуазель Синтии, закрыв за собой дверь, и оттуда поспешно вышла в коридор, поскольку не хотела, чтобы там ее обнаружили слуги. Но поздно! С лестницы, разветвлявшейся на два крыла, уже доносились звуки шагов. Что же ей делать? Мгновенно принимая решение, мадам Кавендиш возвращается в комнату девушки и принимается будить ее. Поднятые по тревоге домочадцы уже собрались в коридоре. Они усиленно барабанят в двери миссис Инглторп. Никто и не заметил, что мадам Кавендиш не пришла туда вместе со всеми, но – что более важно – я не смог найти никого, кто видел бы, как она идет из другого крыла. – Пуаро взглянул на Мэри Кавендиш. – Я прав, мадам?

– Совершенно правы, месье, – кивнув, признала она. – Понимаете, если бы я думала, что хоть как-то смогу помочь моему мужу, открыв правду, то так и поступила бы. Но, по-моему, это никак не проясняет вопрос его невиновности или вины.

– В известном смысле вы правы, мадам. Но это прояснило для меня много недоразумений и позволило увидеть истинное значение других фактов.

– Завещание! – вскрикнул вдруг Лоуренс. – Значит, именно вы, Мэри, сожгли то завещание?

Она, точно так же, как и Пуаро, отрицательно покачала головой.

– Нет, – спокойно ответил он. – Это завещание мог уничтожить только один человек... сама миссис Инглторп!

– Невозможно! – опять воскликнул я. – Она же сама написала его в тот самый день!

– И тем не менее, *mon ami*, миссис Инглторп сама и сожгла его. Поскольку вы не сможете никак иначе объяснить то, что в один из самых жарких дней миссис Инглторп приказала разжечь камин в ее спальне.

Я потрясенно охнул. Какими же идиотами мы оказались, ни разу не подумав о неуместности разжигания камина!

– Температура в тот день, господа, достигала в тени восьмидесяти градусов по Фаренгейту. Однако миссис Инглторп приказала разжечь камин! Почему? Потому что захотела кое-что уничтожить и не смогла придумать иного способа. Вспомните, вследствие принятой в Стайлзе экономии военного времени использованную бумагу не выбрасывали. Поэтому как же иначе она могла уничтожить написанный на такой плотной бумаге документ? Едва услышав, что в спальне миссис Инглторп разожгли камин, я пришел к заключению: огонь понадобился для уничтожения какого-то важного документа, возможно, завещания. Поэтому меня не удивило то, что я обнаружил на решетке полуобгоревший клочок. В то время я еще, конечно, не знал, что это спорное завещание написали накануне, и, признаюсь, когда узнал об этом, опрометчиво поторопился с выводами. Я ошибочно пришел к заключению, что намерение миссис Инглторп уничтожить завещание стало прямым следствием произошедшей в тот день ссоры, причем та ссора, соответственно, произошла после, а не до составления завещания.

Итак, как мы теперь знаем, я ошибся, и мне пришлось искать другое объяснение событий. Я взглянул на эту загадку с новой точки зрения. Итак, в четыре часа Доркас услышала, как ее госпожа сердито сказала: «Даже не думайте, что страх огласки или семейного скандала остановит меня». Я предположил – и, как оказалось, правильно, – что эти слова были адресованы не ее мужу, а мистеру Джону Кавендишу. Далее в пять часов, часом позже, она произносит почти такие же слова, но изменяется точка зрения. Она признается Доркас: «Не представляю, что мне теперь делать. Скандал меж супругами чреват громадными неприятностями». В пять часов она пребывает в жутком смятении, и ее слова свидетельствуют о неожиданном страшном потрясении.

Взглянув на ее состояние с точки зрения психологии, я пришел к одному выводу и позднее убедился в его правоте. Упомянутый ею второй раз «скандал» никак не связан с первым и затрагивает уже ее личную жизнь!

Давайте попытаемся восстановить ход событий. В четыре часа миссис Инглторп ссорится с сыном и угрожает обвинить его перед женой, которая, кстати, услышала большую часть их разговора.

В половине пятого, вследствие более раннего разговора о юридической силе завещаний, миссис Инглторп составляет новое завещание в пользу своего мужа, которое и подписывают два садовника. Далее, в пять часов, Доркас находит свою госпожу в крайнем расстройстве с каким-то листочком бумаги – «письмом», как подумала Доркас – в руке, и именно тогда госпожа отдает ей распоряжение разжечь камин в ее спальне. Таким образом, по-видимому, с половины пятого до пяти часов произошло событие, радикально изменившее ее чувства, поскольку теперь она хочет уничтожить завещание, хотя всего полчаса тому назад так же хотела написать его. Что же случилось? Нам известно, что в течение этих тридцати минут она находилась в одиночестве. Никто не входил к ней и не выходил из будуара. Что же тогда вызвало столь внезапную перемену настроения?

Тут можно только догадываться, но полагаю, я угадал верно. В столе миссис Инглторп не оказалось почтовых марок. Однако в другом конце комнаты стоит конторка ее мужа... запертая. И поскольку ей очень нужно было найти марки, она попыталась, согласно моей версии, открыть его конторку одним из своих ключей. Я убедился, что на ее связке есть ключ, способный открыть конторку ее мужа. Следовательно, она открыла его конторку и в поисках марок обнаружила еще кое-что – тот самый листок бумаги, который позже увидела у нее в руках Доркас и который совершенно не предназначался для глаз миссис Инглторп. С другой стороны, миссис Кавендиш, заметив, как ее свекровь вцепилась в этот листок, решила, что у нее в руках письменное доказательство измены ее собственного мужа, Джона. Она потребовала отдать его ей, но миссис Инглторп совершенно честно сказала невестке, что это письмо ее совершенно не касается. Миссис Кавендиш, однако, не поверила ей. Она подумала, что миссис Инглторп покрывает грехи своего приемного сына. Миссис Кавендиш весьма решительна по натуре, но под маской сдержанности удачно скрывала безумную ревность к мужу. Поэтому она решила любой ценой завладеть этим доказательством, и в решающий момент судьба пришла ей на помощь.

В то утро миссис Инглторп потеряла ключ от бювара, а миссис Кавендиш повезло найти его. И она знала, что ее свекровь хранит в том бюваре все важные документы. Вечером она открыла задвижку, ведущую в комнату мадемуазель Синтии. Возможно, даже смазала

дверные петли, поскольку, открывая дверь, я заметил, что она открывается совершенно бесшумно. Миссис Кавендиш отложила осуществление своего плана до раннего утра, сочтя это наиболее безопасным временем, – ведь слуги привыкли к тому, что она встает ни свет ни заря. И вот, одевшись в свой рабочий наряд, миссис Кавендиш прошла через комнату мадемуазель Синтии в спальню миссис Инглторп.

Пуаро сделал легкую паузу, и Синтия удивленно спросила:

– Но почему же я не проснулась, если кто-то вошел в мою комнату?

– Мадемуазель, вас напоили снотворным.

– Снотворным?

– *Mais, oui!*^[45] Вы помните, – бельгиец вновь обратился уже ко всем нам, – что, несмотря на грохот, шум и суматоху за стеной, мадемуазель Синтия продолжала спать. Это допускало две возможности. Либо она притворялась, что спит, – что показалось мне невероятным, – либо ее крепчайший сон объяснялся особыми причинами. Склоняясь ко второй версии, я с особой тщательностью проверил кофейные чашки, вспомнив, что вчера вечером кофе мадемуазель Синтии принесла миссис Кавендиш. Я взял пробы гущи из каждой чашки и отдал их на анализ, однако в них ничего не обнаружили. Я точно пересчитал чашки на тот случай, если одну из них спрятали, но все, казалось бы, были в наличии. Мне пришлось признать свою ошибку.

Позднее я обнаружил, что виноват в серьезном просчете. Кофейный столик накрыли не на шесть персон, как я думал, а на семь, поскольку в тот вечер в гости еще заходил доктор Бауэрштайн. Слуги ничего не заметили, поскольку Энни, горничная, собиравшая кофейный поднос, поставила туда семь чашек, не зная, что мистер Инглторп так и не выпил кофе, а Доркас, убиравшая их утром, как обычно, обнаружила шесть чашек, или, строго говоря, она обнаружила пять – ведь одну разбили в спальне миссис Инглторп.

Я не сомневался, что как раз из пропавшей чашки и пила мадемуазель Синтия. И подкрепило мою уверенность то обстоятельство, что во всех имевшихся в наличии чашках обнаружили остатки кофейной гущи и сахара, который мадемуазель Синтия никогда не добавляет в кофе. Мое внимание привлекло также замечание Энни

о «соли», рассыпанной на подносе с какао, которое она каждый вечер относила в спальню миссис Инглторп. Естественно, я взял пробу этого напитка и отправил на анализ.

– Но такой анализ уже сделал доктор Бауэрштайн, – быстро вставил Лоуренс.

– Не совсем такой. Заказанный им анализ провели на наличие в какао стрихнина, и ничего иного. Ему, в отличие от меня, не пришло в голову проверить там наличие какого-то усыпляющего средства.

– Снотворного?

– Да. И вот результат того анализа. Миссис Кавендиш добавила совершенно безвредные, но достаточные для крепкого сна дозы в напиток как миссис Инглторп, так и мадемуазель Синтии. И возможно, ей впоследствии пришлось пережить весьма... *mauvais quart d'heure!*^[46] Представляю, что могла почувствовать миссис Кавендиш, когда ее свекрови внезапно становится плохо и она умирает, а сразу после этого произносится слово «яд»! Она полагала, что подсыпанное снотворное совершенно безвредно, но, должно быть, ужасно испугалась, подумав, что виновата в смерти бедняжки. Охваченная паникой, она бежит в гостиную и прячет кофейную чашку и блюдо мадемуазель Синтии в большую медную вазу, где ее и обнаружил позднее месье Лоуренс. Она не посмела тронуть остатки какао – слишком много вокруг было свидетелей. Догадываюсь, какое облегчение она испытала, когда упомянули стрихнин, и она поняла, что не виновата в случившемся несчастье. Теперь становится понятным, почему могли так долго не проявляться симптомы отравления стрихнином. Снотворное на несколько часов замедлило воздействие этого яда...

Пуаро помолчал. Мэри взглянула на него, на ее лицо постепенно возвращались живые краски.

– Все сказанное вами, месье Пуаро, правда. Я пережила худшее время в моей жизни. Никогда не забуду того ужаса. Но вы удивительно проникательны. Сейчас я поняла...

– Что я имел в виду, говоря, что вы вполне можете довериться отцу Пуаро, верно? Но вы не решились довериться мне.

– Тогда все понятно! – воскликнул Лоуренс. – Какао со снотворным, выпитое после отравленного кофе, вполне объясняет такую задержку воздействия яда.

– В принципе, верно. Но остается вопрос, был ли отравлен кофе? Тут мы сталкиваемся с занятной трудностью, ведь миссис Инглторп вовсе не пила кофе!

– Что? Как же так? – слышались возгласы всеобщего удивления.

– Не пила. Помните мои слова о пятне на ковре спальни миссис Инглторп? Оно имело несколько особенностей. Во-первых, еще сохранило влажность, и, во-вторых, от него исходил сильный кофейный запах, а среди ворсинок ковра я обнаружил несколько осколочков фарфора. Я с легкостью понял, что произошло, поскольку парой минут раньше с того столика у окна на то же самое место свалился мой рабочий баульчик, и я даже посетовал на неустойчивость изящной мебели. Предыдущим вечером, придя в спальню, миссис Инглторп тоже поставила на него чашку кофе, и предательский стол проделал с нею тот же трюк. Что происходило дальше, я могу лишь догадываться, и скажу, что миссис Инглторп, очевидно, подняла осколки и положила их на прикроватный столик. Испытывая потребность в каком-то стимуляторе, она подогрела какао и тут же выпила его. Тогда перед нами встает новая загадка. Нам известно, что стрихнина в какао не обнаружили. Кофе не выпили. Однако, согласно заключению экспертизы, стрихнин она должна была принять между семью и девятью часами вечера. Необходимо найти третье средство... средство, настолько подходящее для сокрытия горечи стрихнина, что даже странно, почему никто о нем не подумал?

Пуаро обвел глазами слушателей и внушительно ответил на свой же вопрос:

– Ее лекарство!

– Вы подразумеваете, что убийца добавил стрихнин в ее тонизирующую микстуру? – воскликнул я.

– Его не понадобилось добавлять. Он уже присутствовал в составе микстуры. Стрихнин, убивший миссис Инглторп, был идентичен стрихнину, прописанному в составе микстуры доктором Уилкинсом. Чтобы прояснить для вас ситуацию, я прочитаю выдержку из фармацевтического справочника, обнаруженного мной в аптеке госпиталя Красного Креста Тэдминстера. «Следующий рецепт приводится в большинстве медицинских учебников:

Strychninae Sulph gr I

Potass Bromide dram VI

Aqua ad Fiat Mistura oz VIII [47]

В течение нескольких часов бóльшая часть соли стрихнина осаждается на дне этого раствора в виде прозрачных кристаллов нерастворимого бромида. В медицинской практике известен случай, когда прием сходной микстуры привел к летальному концу, вызванному тем, что одна женщина вместе с последней дозой лекарства приняла и весь выпавший в осадок стрихнин».

В рецепте доктора Уилкинса, конечно, нет никакого бромида, но, надеюсь, вы помните, что я говорил о пустой коробке из-под снотворных порошков. Один или два таких порошка, добавленные в полную бутылочку микстуры, точно так же, как описано в медицинском справочнике, вполне могли осадить весь стрихнин и в результате быть выпитыми с последней дозой. Позднее вы узнаете, что человек, обычно наливавший миссис Инглторп лекарство, всегда действовал исключительно осторожно, стараясь не взбалтывать микстуру, чтобы весь осадок оставался на дне.

В ходе расследования все улики свидетельствовали о том, что трагическая кончина намечалась на вечер понедельника. В тот день шнур сонетки миссис Инглторп аккуратно подрезали, и поскольку мадемуазель Синтия осталась ночевать у друзей, то миссис Инглторп оставалась в правом крыле дома совершенно одна и, лишенная помощи, по всей вероятности, умерла бы тихо и незаметно. Но в суете подготовки к деревенскому представлению миссис Инглторп забыла принять микстуру, а на следующий день тоже не обедала дома, поэтому последнюю – фатальную – дозу приняла на сутки позже того, чем ожидал убийца. И именно благодаря этой задержке появилось последнее доказательство. И теперь это последнее звено цепи доказательств находится в моих руках.

В напряженной, почти бездыханной тишине Пуаро извлек из кармана три узких полоски бумаги.

– *Voilà, mes amis* [48], послание, написанное рукой убийцы! Если бы его написали немного яснее, то, возможно, миссис Инглторп, вовремя получив предостережение, сумела бы избежать смерти. Она уже осознала, что ей грозит опасность, но не догадывалась, где таится ее источник.

В гробовом молчании гостиной Пуаро сложил вместе узкие полоски бумаги и, прочистив горло, прочел:

Дорогая Эвелин!

Вероятно, ты встревожилась бы, не получив никаких известий. Но всё в порядке... только вместо вчерашней ночи задуманное нами произойдет сегодня. Ты меня понимаешь... Как же славно мы заживем, когда старуха отдаст концы и перестанет путаться у нас под ногами! Никто даже не заподозрит меня в преступлении. Твоя идея с бромидом просто великолепна! Но нам надо быть крайне осторожными. Один неверный шаг, и...

– На этом, друзья мои, письмо обрывается. Несомненно, кто-то помешал автору закончить его. Однако его личность устанавливается, вне всяких сомнений. Нам всем известен этот почерк, и...

Тишину вдруг пререзал чей-то завывающий вопль:

– Черт вас побери! Как вам удалось найти письмо?

Опрокинулся стул. Пуаро проворно отскочил в сторону, сделал стремительное движение, и его противник с грохотом повалился на пол.

– Месье и мадам, – эффектно взмахнув рукой, заявил Пуаро, – позвольте мне представить вам убийцу, мистера Альфреда Инглторпа!

Глава 13

Объяснения Пуаро

– Ах, Пуаро, старый вы прохиндей! – с шутливым недовольством воскликнул я. – Честно говоря, я уж подумывал, не пора ли придушить вас! Чего вы добивались, постоянно обманывая меня, буквально вода за нос?

Мы сидели в библиотеке. Осталось позади несколько сумасшедших и беспокойных дней. Теперь уже этажом ниже вновь счастливо воссоединились Джон и Мэри, а Альфреда Инглторпа и мисс Говард взяли под стражу. И вот наконец, встретившись с Пуаро наедине в спокойной библиотечной обстановке, я надеялся удовлетворить свое по-прежнему жгучее, распаленное любопытство.

Пуаро задумчиво помедлил, но в итоге заявил:

– Я вовсе не обманывал вас, *mon ami*. Уж если говорить по существу, то я лишь позволял вам самому обманываться.

– Ладно, но зачем же?

– М-да, трудно объяснить. Видите ли, друг мой, вы по натуре исключительно честны и откровенны, все чувства и мысли читаются на вашем лице... *enfin*^[49], как в открытой книге! Если бы я поделился с вами своей настоящей версией, то при первой же встрече с вами Альфред Инглторп, обладающий коварством и хитроумием, почуял бы... как говорится в вашей выразительной идиоме, что «дело пахнет керосином»! А тогда – *fais-en ton deuil*^[50] нашим шансам поймать его в ловушку!

– По-моему, вы недооцениваете мои дипломатические способности.

– Друг мой, – взмолился Пуаро, – прошу вас, не изводите себя! Вы оказали мне бесценную помощь. Если что и вынуждало меня помалкивать, то как раз ваша замечательная добродетельная натура!

– Ладно, – проворчал я, немного смягчившись. – И все же, по-моему, вы могли бы оказать мне больше доверия, хотя бы слегка прояснив ход ваших мыслей.

– А я так и поступал, друг мой. Вы получили несколько подсказок, но почему-то не восприняли их. вспомните, разве я говорил, что верю

в виновность Джона Кавендиша? Напротив, разве я не говорил вам, что, по всей вероятности, его оправдают?

– Говорили, но...

– И разве вслед за тем я сразу не сказал вам о сложностях привлечения убийцы к суду? Неужели же было не ясно, что я имел в виду двух совершенно разных людей?

– Нет, – ответил я, – такой ясности я в этих ваших рассуждениях не заметил.

– И опять-таки, – продолжил Пуаро, – разве с самого начала я не повторял вам неоднократно, что *пока* нельзя арестовывать мистера Инглторпа? Что еще я мог прибавить для вас?

– То есть вы хотите сказать, что подозревали его с самого начала?

– Да. И главное – потому, что кто бы ни выигрывал от кончины миссис Инглторп, ее муж выигрывал более других. От такого мотива невозможно отмахнуться. Придя вместе с вами в Стайлз в тот первый день, я понятия не имел, как совершено это преступление, однако, учитывая то, что мне сообщили о мистере Инглторпе, я подумал, что будет исключительно трудно отыскать его связь с убийством жены. Едва появившись в усадьбе, я сразу понял, что завещание сожгла сама миссис Инглторп. И кстати, друг мой, тут вы не можете пожаловаться, поскольку я всячески пытался показать вам важное значение того, что в разгар лета в спальне затопили камин.

– Да, да, – с нетерпением подтвердил я, – продолжайте.

– Что ж, друг мой, могу вам сказать, что на некоторое время мои подозрения в виновности мистера Инглторпа потеряли убедительность. Более того, против него обнаружилось так много улик, что я уже начал склоняться к версии его невиновности.

– А когда вы изменили мнение?

– Когда обнаружил, что чем больше я стараюсь оправдать его, тем сильнее он старается устроить свой арест. А последние сомнения отпали, когда я обнаружил, что Инглторп не имел никаких отношений с миссис Рэйкс, поскольку фактически она больше интересовала Джона Кавендиша.

– Но почему?

– Простая логика. Если бы Инглторп действительно завел интрижку с миссис Рэйкс, то его молчание стало бы вполне понятно. Однако, обнаружив, что все в деревне судачат как раз об увлечении

Джона прелестной женой этого фермера, я осознал, что его молчанию придется дать совершенно иное толкование. Он абсурдно притворился, что боится скандала, хотя такого рода скандал никак не мог его коснуться. Его притворство заставило меня серьезно задуматься, и постепенно я пришел к заключению, что Альфред Инглторп отчаянно стремился быть арестованным. *Eh bien!* С того самого момента я равно стремился не позволить арестовать его.

– Минуточку. Что-то я не пойму, зачем он так хотел быть арестованным.

– Затем, *mon ami*, что согласно законам вашей страны человеку, оправданному судом, нельзя второй раз предъявить то же самое обвинение. А как же иначе! Но он придумал все чертовски хитро! Безусловно, преступный план был разработан крайне методично. Сами подумайте, Инглторп ведь понимал свое положение, понимал, что его обязательно будут подозревать, поэтому и придумал чертовски хитрый план по обеспечению многочисленных сфабрикованных против себя самого улик. Он хотел быть арестованным. Позднее он раскрыл бы свое безупречное алиби... и, вуаля, обеспечил бы себе пожизненную свободу!

– Но я по-прежнему не понимаю, как он умудрился, побывав в аптеке, подтвердить свое алиби?

– Неужели? – Пуаро в изумлении взглянул на меня. – Вы слишком простодушны, мой бедный друг! Как вы могли до сих пор не догадаться, что в аптеку ходила мисс Говард?

– Мисс Говард?

– Да, естественно. Кто же еще? Для нее это было проще всего. Рост у нее подходящий, да и тембр голоса низкий, почти мужской. Более того, вспомните, они же с Инглторпом дальние родственники, и между ними есть некоторое сходство, особенно в походке и манерах поведения. Это было проще простого. На редкость хитроумная парочка!

– А еще я никак не возьму в толк, как им удалось повернуть дельце с бромидом, – признался я.

– *Von!* Ладно. Я попробую по возможности воссоздать для вас цепь событий. Я склонен думать, что наша мисс Говард отлично разбиралась в медицине. Помните, как-то раз она упомянула, что ее отец был врачом? Возможно, она даже помогала ему готовить лекарства или могла почерпнуть трюк с бромидом в одном из учебников, которые

изучала мадемуазель Синтия, готовясь к сдаче экзамена. В любом случае она знала о том, что добавление бромида в микстуру, содержащую стрихнин, вызовет осаждение последнего. Вероятно, идея такого убийства посетила ее совершенно внезапно. Миссис Инглторп иногда принимала на ночь снотворное, держа порошки в известной вам коробочке. И нет ничего проще, чем незаметно высыпать содержимое пары пакетиков с бромидом в полный пузырек микстуры, присланный для миссис Инглторп из аптеки! Риска практически никакого. Ведь несчастье произойдет спустя почти две недели. Если кто-то и видел, что они брали это лекарство, то к тому времени уже все забудется. Мисс Говард специально устраивает ссору и уезжает из дома. А давность времени, прошедшего со дня ее отъезда, уничтожит любые подозрения. Да, весьма хитроумный план! Если бы они на том и остановились, то, возможно, их преступление так и осталось бы нераскрытым. Но этого им показалось мало. Они перемудрили и тем самым выдали себя.

Пуаро раскурил свою тонкую сигаретку и, затянувшись, устремил взгляд в потолок.

– В общем, желая бросить подозрения на Джона Кавендиша, они разработали очередной план – задумали расписаться в журнале при покупке стрихнина в аптеке почерком Джона. В понедельник миссис Инглторп должна была выпить последнюю дозу микстуры. И поэтому в тот самый понедельник, в шесть часов вечера Альфред Инглторп старательно обеспечивал себе алиби, встречаясь с разными людьми подальше от деревни. Мисс Говард уже состряпала небылицу о его романе с миссис Рэйкс, чтобы позднее объяснить его молчание. Но в те же шесть часов вечера мисс Говард в обличье Альфреда Инглторпа заходит в аптеку, рассказывает сказочку про больную собаку, получает стрихнин и оставляет запись в журнале от имени Альфреда Инглторпа, копируя почерк Джона, в подделке которого заранее поупражнялась. Однако, чтобы обезопасить ситуацию от случайного алиби самого Джона, она пишет ему анонимную записку – также подделывая его почерк, – в которой призывает его явиться в уединенное место, где его почти наверняка никто не увидит.

Итак, пока все идет по плану. Мисс Говард уезжает обратно в Миддлингхэм. Альфред возвращается в Стайлз. Он не подвергается никакому риску, поскольку стрихнин покупала мисс Говард,

да и придумали-то такую покупку лишь для того, чтобы бросить смутное подозрение на Джона Кавендиша. Но вдруг происходит сбой. Миссис Инглторп забывает в тот вечер выпить микстуру. Испорченная сонетка, отсутствие Синтии, устроенное Инглторпом с помощью его же супруги, – все пропадает зря. И тогда он совершает... роковую ошибку. Видя, что миссис Инглторп ушла из будуара, он садится за свою конторку и пишет письмо своей сообщнице, которая, как он боится, может всполошиться, подумав, что их план провалился. Вероятно, миссис Инглторп вернулась раньше, чем он ожидал. Захваченный, скажем так, на месте преступления, он засуетился и поспешно закрыл свой стол, опасаясь того, что если он останется в комнате, то его могут попросить вновь открыть конторку, и тогда миссис Инглторп увидит то письмо, что он еще не успел спрятать. В общем, он идет прогуляться в лес, легкомысленно не думая о том, что миссис Инглторп откроет его стол и обнаружит это уличающее письмо.

Однако, как мы знаем, именно так и произошло. Прочитав письмо, миссис Инглторп узнает о вероломстве своего мужа и Эвелин Говард, хотя, к сожалению, замечание о бромиде ни в коей мере ее не настораживает. Она понимает, что находится в опасности, но не ведает, в чем эта опасность таится. Решив пока не объясняться с мужем, она садится и пишет письмо своему адвокату, прося его прийти к ней завтра; также она намерена немедленно уничтожить только что написанное завещание. А роковое письмо прячет под замок.

– Значит, именно ради того письма ее мужу пришлось взломать замок бювара?

– Да, и, сознавая, на какой огромный риск он пошел ради изъятия этого письма, мы понимаем, какую важность оно для него имело. Ничто, за исключением злосчастного письма, не могло связать его с этим преступлением.

– Мне не понятно теперь только, почему, раздобыв эту улику, он сразу ее не уничтожил?

– Потому что боялся подвергнуться еще большему риску, сунув его в свой же карман.

– Не понял.

– Попробуйте поставить себя на его место. По моим подсчетам, на то, чтобы забрать письмо, у него имелось не больше пяти минут перед самым нашим приходом на место преступления, поскольку

до этого Энни подметала лестницу и заметила бы любого, кто пойдет в правое крыло. Представьте себе эту сцену! Инглторп входит в комнату, открывая дверь с помощью одного из подобных дверных ключей, спешно хватая бювар, обнаруживает, что тот заперт и ключа нигде не видно. Это стало для него ужасным ударом – ведь теперь он не сможет скрыть, как надеялся, свое присутствие в этой комнате. Однако он четко представляет, что должен пойти на такой риск ради изъятия проклятой улики. Быстро орудуя перочинным ножом, Инглторп вскрывает замок и, порывшись в бумагах, находит то, что нужно.

Но тогда перед ним встает новая дилемма: он не осмеливается спрятать эту улику в карман. Ведь его могут заметить на выходе из комнаты, могут обыскать... А уж если при нем обнаружат это письмо, то он будет обречен. Вероятно, в тот момент он также слышит доносящиеся снизу голоса мистера Уэллса и Джона, вышедших из будуара. Ему необходимо действовать немедленно. Куда же лучше всего спрятать этот ужасный листок бумаги? Содержимое корзины для бумаг будет наверняка проверено и изучено. У него нет никакой возможности уничтожить письмо, но и спрятать его в карман он не осмеливается. И вот он оглядывается вокруг и видит... как вы думаете, *top at it*, что он видит?

Я в недоумении покачал головой.

– Через мгновение он разрывает листок на тонкие полоски, скручивает их в жгутики для разжигания огня и спешно добавляет к таким же бросовым бумажкам в вазу на каминной полке.

У меня вырвался изумленный возглас.

– Никому и в голову не придет искать там что-то, – продолжил Пуаро. – А позднее он надеялся улучшить момент и, вернувшись в спальню, просто уничтожить эту единственную улику.

– Получается, что все это время улика маячила у нас перед глазами среди жгутиков в той вазе? – воскликнул я.

– Да, друг мой, – кивнув, признал Пуаро. – Именно там мне и удалось обнаружить свое «последнее звено», и я обязан поблагодарить вас за столь счастливую находку.

– Меня?

– Именно вас. Вы же сами напомнили мне, как дрожали мои руки, когда я выравнивал безделушки на той каминной полке!

– Ну да, однако при чем тут...

– При том, что вы оживили мою память. Понимаете, друг мой, я вспомнил, что раньше тем утром, когда мы с вами вдвоем осматривали спальню, уже выстроил там все в идеальном порядке. А раз все безделушки уже стояли симметрично, то зачем мне понадобилось снова выравнивать их, если только их не сдвинул кто-то за время нашего отсутствия?

– Боже мой, – пробормотал я, – так вот чем объяснялась ваша странная спешка... Вы помчались в Стайлз проверить, цела ли еще улика?

– Да, я стремился опередить время, надеясь наверстать упущенное.

– Но разве не странно, что Инглторп повел себя как дурак и оставил там эту улику, хотя имел массу возможностей уничтожить ее?

– Ах, нет, я позаботился о том, чтобы у него не осталось такой возможности.

– Вы?

– Да. Помните, как вы упрекнули меня за то, что своими криками я посвятил всех домочадцев в столь важную подробность расследования?

– Еще бы не помнить.

– Так вот, друг мой, я осознал, что такая известность остается нашим единственным шансом. Тогда еще было непонятно, является ли нашим преступником Инглторп, но я рассудил, что если он виновен, то вряд ли станет носить улику при себе, а скорее всего, где-то спрячет, поэтому, заручившись поддержкой домочадцев, я удачно помешал ему уничтожить ее. Он ведь уже находился под подозрением, и, громогласно объявив всем о взломе бювара, я обеспечил нам службу десятка сыщиков-любителей, которые будут беспрестанно следить за ним, а сам он под их бдительными взглядами не посмеет больше искать попыток уничтожить то письмо. Таким образом, Инглторп вынужден был уехать из дома, оставив скрученную в жгутики улику в вазе.

– Но ведь мисс Говард имела массу возможностей помочь ему.

– Верно, но мисс Говард, на наше счастье, не знала о существовании этого письма. Согласно разработанному ими плану, она даже близко не подходила к Альфреду Инглторпу. Им полагалось вести себя как заклятым врагам, и до тех пор, пока Джона Кавендиша законно не осудят, оба они не смели встречаться. Разумеется, я продолжал следить за мистером Инглторпом, надеясь, что рано

или поздно он подскажет мне, где его тайник. Но он оказался слишком хитрым, чтобы совершить такую оплошность. К тому же, вероятно, успокоился, решив, что раз уж за целую неделю никому не пришло в голову искать ее в вазе, то вряд ли станут искать и дальше, а значит, улика находится в безопасном месте. Так что, если бы не ваше счастливое замечание, то, возможно, нам так и не удалось бы привлечь его к суду.

– Это я уже понял, а когда вы начали подозревать мисс Говард?

– Когда обнаружил, что она солгала на дознании о полученном ею письме от миссис Инглторп.

– Как, разве она солгала?

– Вы видели то письмо? Можете вспомнить, как оно примерно выглядело?

– Да, более-менее.

– Тогда вы вспомните, что у миссис Инглторп характерная манера письма, она обычно оставляла большие промежутки между словами. Но если вы обратили внимание на дату – «17-е июля», – указанную в начале письма, то могли заметить, что она написана иначе. Понимаете, к чему я клоню?

– Нет, – признался я, – не понимаю.

– Вы не заметили, что это письмо было написано не 17-го, а 7-го – через день после отъезда мисс Говард? А ведь только цифра «1», написанная перед «7», – превратила дату в «17».

– Но зачем?

– Я тоже задался этим вопросом. Почему мисс Говард скрыла письмо, написанное семнадцатого июля, заменив его более ранним? И у меня тут же зародились подозрения. Помните, как я говорил вам, что разумно опасаться тех, кто не говорит правду?

– И тем не менее, – возмущенно воскликнул я, – после этого вы привели мне две причины, доказывающие, что мисс Говард не совершала этого преступления!

– Причем вполне весомые причины, – согласился Пуаро, – они и меня долго сбивали с толку, пока я не учел весьма значительный факт: родственную связь мисс Говард и Альфреда Инглторпа. Она не могла совершить преступление самостоятельно, но те самые причины ничуть не мешали ей обзавестись сообщником. И вот тогда-то и разыгралась ее чрезмерно страстная ненависть! Она скрывала совершенно

противоположные чувства. Задолго до прибытия кузена в Стайлз их, несомненно, связывали узы страсти. Тогда они и придумали свой злодейский замысел – ему следовало жениться на богатой, но довольно глупой старой даме, побудив ее оставить все деньги ему, а потом довершить дело, устроив весьма хитро задуманное преступление. Если бы все пошло по плану, то они, вероятно, уже покинули бы Англию и роскошествовали на деньги их несчастной жертвы.

Да, они оказались на редкость коварной и бессовестной парочкой. Пока все подозревали его, мисс Говард тайно готовила совершенно иную развязку. Ведь она прикатила из Миддлингхэма, располагая всеми компрометирующими уликами. Сама-то она оставалась вне подозрений. И никто не обращал внимания на ее махинации. Поэтому ей легко удалось подсунуть стрихнин и очки в комод месье Джона. А бороду она спрятала в сундук на чердаке. Она же позаботилась о том, чтобы все эти улики рано или поздно должным образом обнаружились.

– Мне не совсем понятно, почему они стремились взвалить вину именно на Джона, – заметил я. – Гораздо проще, на мой взгляд, для них было бы выставить преступником Лоуренса.

– Да, но тут вмешался его величество случай. Все улики против Джона появлялись чисто случайно. На самом деле, должно быть, это даже обеспокоило нашу пару интриганов.

– Да и Лоуренс вел себя по меньшей мере странно, – задумчиво произнес я.

– Точно сказано. Вы понимаете, разумеется, что его подвигло на такие странности.

– Нет.

– Неужели вы не поняли, что он подозревал в этом преступлении мадемуазель Синтию?

– Что? – потрясенно воскликнул я. – Какая бессмыслица!

– Отнюдь. Я и сам рассматривал такую версию. Потому-то первым делом и спросил мистера Уэллса о завещании. Мои подозрения вызвали принесенные ею порошки бромиды, а также и талантливое воплощение на маскарадах мужских персонажей, как поведала нам Доркас. В сущности, против нее имелось больше всего улик.

– Вы шутите, Пуаро!

– Ничуть. Неужели мне еще надо объяснить вам, почему так ужасно побледнел месье Лоуренс в спальне своей матушки в ту

роковую ночь? Да ведь видя, как его мать терзают приступы, вызванные явным отравлением, он заметил за вашей спиной, что задвижка в комнату мадемуазель Синтии открыта.

– Но ведь на дознании он заявил, что она была закрыта! – воскликнул я.

– Заявил, – сухо бросил Пуаро, – что как раз подтвердило мои подозрения о том, что на самом деле задвижка была открыта. Он просто пытался защитить мадемуазель Синтию.

– Но чего ради ему вздумалось защищать ее?

– Он защищал свою любовь.

– Нет, Пуаро, тут вы плачевно заблуждаетесь! – рассмеявшись, возразил я. – Мне случайно стало известно, что о его любви к ней не может быть и речи, поскольку она ему даже не нравится.

– Кто это вам сказал, *mon ami*?

– Да сама Синтия.

– *La pauvre petite!*^[51] Это ее огорчало?

– Вот еще, она заявила, что его отношение ее решительно не волнует.

– Тогда она наверняка очень переживала, – заметил Пуаро. – *Voilà les femmes!*^[52]... нам трудно понять их логику!

– Мне как-то не верится в то, что вы сказали о Лоуренсе, – мрачно заявил я.

– Но почему? Это было вполне очевидно. Разве вы не заметили, как кривилось лицо Лоуренса всякий раз, как Синтия разговаривала и смеялась с его братом? Наш рефлексирующий поэт додумался до того, что Синтия влюблена в месье Джона. Войдя в спальню матери и заметив все симптомы отравления, он пришел к заключению, что мадемуазель Синтия что-то знает об этом преступлении. Он едва не впал в отчаяние. Для начала размолотил на мельчайшие осколки кофейную чашку, вспомнив, что девушка поднялась вчера вечером в эту спальню вместе с его матерью, и решив уничтожить возможность взятия проб кофе. И впредь поэтому он упорно, хотя и совершенно бесполезно, держался версии о «естественных причинах смерти».

– Ну а при чем тут «лишняя кофейная чашка»?

– Я почти не сомневался, что ее спрятала миссис Кавендиш, но мне хотелось убедиться. Месье Лоуренс не понял, что означали мои слова, однако здраво рассудил, что если он отыщет какую-то лишнюю

кофейную чашку, то с его возлюбленной снимут подозрения. И он оказался прав.

– Остался еще один вопрос. Что хотела сказать нам умирающая миссис Инглторп?

– Естественно, она назвала виновного, своего мужа.

– Боже мой, Пуаро, – вздохнув, сказал я, – по-моему, вы способны объяснить всё на свете. Как же я рад, что наше расследование так удачно закончилось! Даже Джон помирился с женой.

– И тоже благодаря мне.

– Почему это благодаря вам?

– Дорогой мой, разве вы не поняли, что именно это малоприятное судебное разбирательство вновь соединило их любящие души? Я не сомневался, что Джон Кавендиш по-прежнему любит свою жену. И она также любит его. Но они печально отделились друг от друга. А началось их отдаление с недоразумения. Она вышла за него замуж без любви. И он знал об этом. И будучи по-своему чувствительным мужчиной, не мог навязываться, раз уж она не разделяла его чувства. И вот, когда он замкнулся в себе, ее любовь пробудились. Однако оба они необычайно горды, и именно гордость неумолимо разводила их все дальше. Джон предпочел увлечься миссис Рэйкс, а она также в отместку поддерживала дружеские отношения с доктором Бауэрштайном. Помните, как в день ареста Джона вы обнаружили меня в раздумьях, когда я пытался принять серьезное решение?

– Помню, и я отлично понимал ваши переживания.

– Простите, *mon ami*, но тогда вы ничего не поняли. Я пытался решить, стоит ли мне сразу оправдать Джона Кавендиша. Я мог оправдать его... хотя такой поступок мог помешать привлечь к ответу настоящих преступников. До последнего момента они совершенно не знали, каковы подлинные результаты моего расследования, и именно их неведению я отчасти обязан удачным завершением дела.

– Вы хотите сказать, что могли бы освободить Джона от судебного разбирательства?

– Да, друг мой. Но в итоге мое решение склонилось в пользу «женского счастья». Только пережитая вместе огромная опасность могла опять соединить две эти гордые любящие души.

Я взирал на маленького бельгийца в молчаливом изумлении. Какой же колоссальной самоуверенностью обладал этот человек! Кому,

кроме Пуаро, могло прийти в голову использовать обвинение в убийстве в качестве восстановителя супружеского счастья?..

– Я понимаю ваши мысли, *mon ami*, – улыбнувшись мне, заметил тот. – На такую дерзость не осмелился бы никто, кроме Пуаро! Но вы ошибаетесь, осуждая мое решение. Во всем подлунном мире важнейшим считается счастье, обретаемое в союзе мужчины и женщины.

Его слова пробудили в моей памяти недавние события. Мне вспомнилось, как измученная и бледная Мэри лежала на софе, напряженно прислушиваясь к малейшим звукам. Наконец внизу прозвучал дверной звонок. Она вздрогнула и повернула голову. В гостиную вошел Пуаро и, встретившись с ее страдальческим взглядом, успокаивающе кивнул.

– Да, мадам, – сказал он, – я вернул его вам.

Он отступил в сторону, и я огорченно ретировался, увидев выражение глаз Мэри, когда Джон Кавендиш схватил свою жену в страстные объятия...

– Вероятно, вы правы, Пуаро, – грустно проворчал я. – Да, любовь важнее всего.

Вдруг, тихо постучав в дверь, к нам заглянула Синтия.

– Я... мне только хотелось...

– Проходите, садитесь, – вставая, пригласил я.

Она вошла в комнату, но осталась стоять.

– Мне... просто хотелось сказать вам кое-что...

– Что же?

Синтия смущенно поглядывала на нас, теребя пальцами кисточки на блузке.

– Я вас просто обожаю! – неожиданно воскликнула она и, поцеловав сначала меня, а потом Пуаро, вновь выбежала из комнаты.

– Что бы это значило, интересно? – удивленно произнес я.

Конечно, очень приятно получить поцелуй от Синтии, но публичность проявления ее чувств резко снизила градус удовольствия.

– Видимо, она просто выяснила, что месье Лоуренс относится к ней не так плохо, как она думала, – философски заметил Пуаро.

– Но...

– А вот и он.

В этот момент за нашей открытой дверью появился Лоуренс.

– Ах, месье Лоуренс, – весело окликнул его Пуаро. – Наверное, мы должны поздравить вас, не так ли?

Лоуренс смущенно вспыхнул и неловко улыбнулся. Влюбленный мужчина представляет жалкое зрелище. А вот Синтия выглядела очаровательно.

Я разочарованно вздохнул.

– Что с вами, *mon ami*?

– Ничего, – грустно ответил я. – Они обе восхитительны!

– И обе предназначены не для вас? – закончил Пуаро. – Пустяки, друг мой, вы скоро утешитесь. Возможно, нам предстоят новые совместные поиски! И тогда, кто знает...

notes

СНОСКИ

1

Благодетельница, или патронесса, по имени героини известной пьесы «Уловка кавалеров» ирландского драматурга Дж. Фаркера (1678–1707).

Лк. 10:7.

3

Мой друг (*фр.*).

4

Примерно 1,62 м.

Увидим! (фр.)

6

Чудесно! (*фр.*)

7

Готово! (φρ.)

Ну и стол! (*фр.*)

Лайнус Йейл-старший (1797–1854) и Лайнус Йейл-младший (1821–1868) – отец и сын, известные американские изобретатели и производители замков.

«...ие» (англ.).

На клочке бумаги стоят буквы «...ие и».

Хорошо, хорошо! (*фр.*)

В английском языке слово «possessed» имеет два значения: 1) владеющий; 2) одержимый. Таким образом, надпись на конверте можно перевести как «владею... Он владеет...» или как «Я одержима... Он одержим...».

Не сердитесь! (*фр.*)

15

Головная боль, мигрень (*фр.*).

Здесь: Черт побери! (фр.)

Тсс, тише! (*фр.*)

Каково, вот как! (*φρ.*)

Согласно библейской книге Есфирь, персидский царь Артаксеркс повелел повесить заговорщика Амана на дереве высотой в пятьдесят локтей.

Здесь: Тысяча чертей! (фр.)

Вот тебе раз; ну и дела (*фр.*).

Там (*φр.*).

Вот те на! (*фр.*)

До 1960-х гг. в англоязычных странах широко использовалась шкала Фаренгейта; 80 градусов по шкале Фаренгейта соответствуют примерно 30 градусам по шкале Цельсия.

Деревенские трактиры, популярные в начале XX в. (в основном среди мужского населения), также включали в себя дешевый паб или ресторан и жилые номера.

26

1 гран почти равен 69,8 мг.

17 июля, Стайлз-корт, Эссекс

Дорогая Эвелин.

Возможно, нам стоит зарыть топор войны? Мне трудно простить то, что вы наговорили про моего дорогого мужа, но я уже стара и по-прежнему искренне привязана к вам.

Любящая вас,

Эмили Инглторп

Здесь: Черт побери! (фр.)

Вот так! (*фр.*)

Боже мой! (*фр.*)

Полноте (*фр.*).

Неодобрение (*фр.*).

Как же так? (*фр.*)

Ладно! (*фр.*)

За дело! (*фр.*)

Имеется в виду знаменитый вустерский фарфор, получивший свое название от фабрики, основанной в Вустере в 1751 г. врачом Дж. Уоллом и аптекарем У. Дэвисом.

Одноименный герой комедии «Пол Прай» английского драматурга Дж. Пула (1786–1872); этот персонаж стал символом излишне навязчивого и любопытного человека.

Добрый день, друг мой! (*фр.*)

Мадемуазель, мадемуазель Доркас, минуточку, пожалуйста! *(фр.)*

Одна из версий происхождения английской поговорки о безумии шляпника состоит в том, что в процессе выделки фетра использовалась ртуть, и ее пары вызывали отравление шляпников, так воздействуя на их нервную систему, что искажалось зрение и путалась речь. Другую версию происхождения «безумного шляпника», или болванщика (изготовителя шляпных болванок), использовал Льюис Кэрролл (1832–1898) в своей знаменитой сказке «Алиса в Стране чудес».

Законно (*фр.*).

Фешенебельный район на юго-западе центральной части Лондона.

Центральный уголовный суд в Лондоне; назван по улице, на которой находится.

Пожалуй, нет! (*фр.*)

Да, конечно! (фр.)

Неприятные минуты (*фр.*).

В написанном на латинском языке рецепте используются старинные аптекарские меры веса: для получения микстуры добавить к 8 унциям воды 1 гран сульфата стрихнина и 6 драхм порошка бромистого калия.

Вот, друзья мои (*фр.*).

СЛОВОМ (*фр.*).

Пиши пропало (*фр.*).

Бедняжка! (*фр.*)

Таковы женщины (*фр.*).